Переплетчиков
художник
Север.

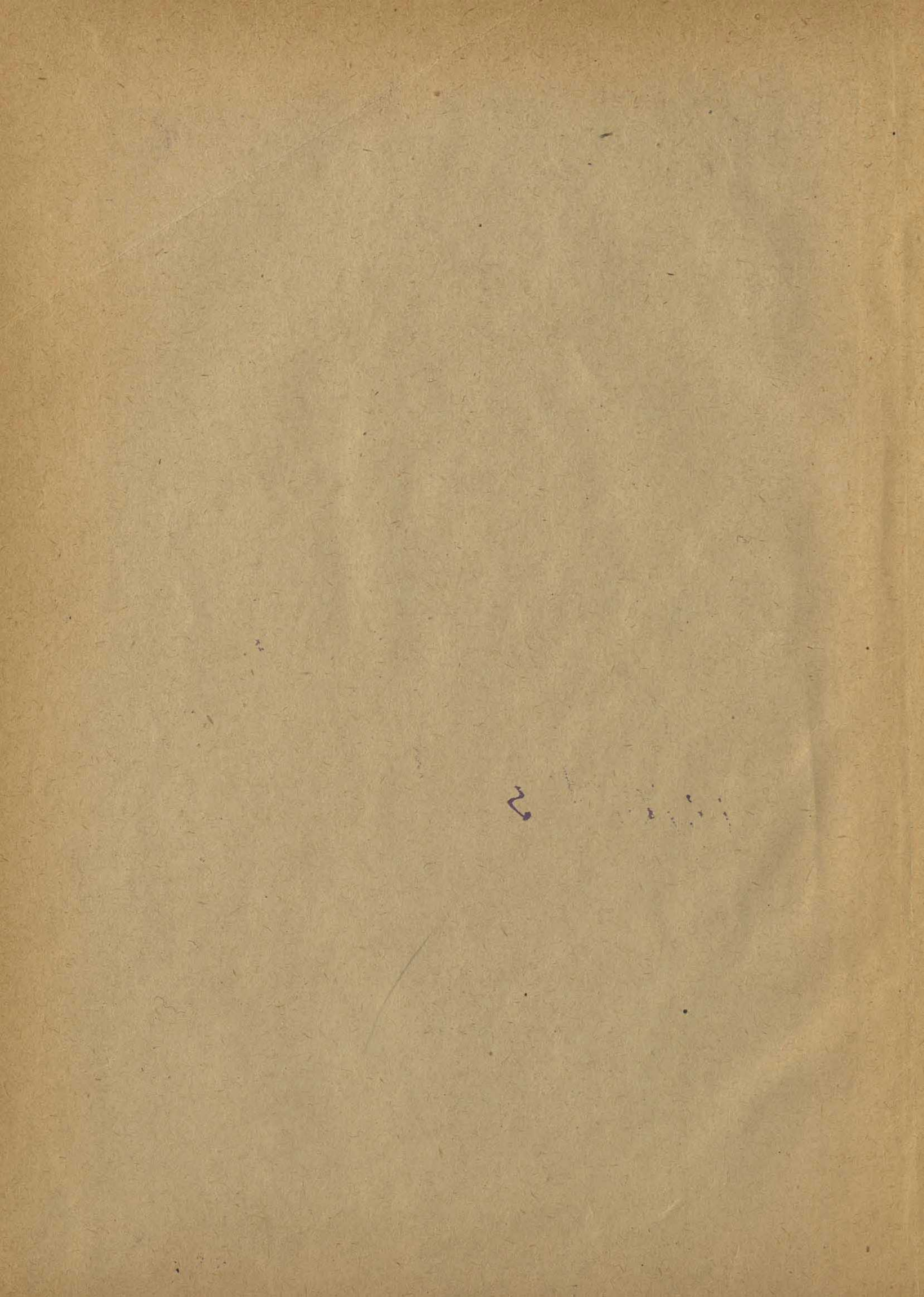
Художникъ
Василій Переплетчиковъ

Сѣверъ.

Очерки русской дѣйствительности.

Книгоиздательство писателей
въ Москвѣ
1917

ХУДОЖНИКЪ

ВАСИЛІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКОВЪ

СѢВЕРЪ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

СЪ 16 РЕПРОДУКЦІЯМИ
КАРТИНЪ И РИСУНКОВЪ
В. ПЕРЕПЛЕТЧИКОВА

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА,
Арбатъ, Никольскій, 21.
1917.

В. Переплетчиковъ — Часовня въ селеніи Устьпинега. Арханг. губ.

ЗАКАЗНОЕ ПИСЬМО

Сижу на берегу и жду парохода. Надо съѣздить получить заказное письмо верстъ за 20. Раннее утро. Кругомъ— свѣтлая тишина. По жемчужно-бронзовому небу кто-то смѣло и свободно провелъ голубовато-синюю полосу, а ниже — золотисто-зеленую, и все это отразилось въ могучей рѣкѣ,— отразилось мягко и нѣжно, какъ сонъ, какъ далекое воспоминаніе.

На этомъ фонѣ,—странномъ и фантастичномъ,—фигуры перевозчиковъ: они сидятъ и ждутъ парохода. Перевозчики курятъ, дымъ равномѣрно таетъ въ тихомъ воздухѣ. Около нихъ стоитъ пастухъ Пашка и сидитъ, поднявъ довѣрчивую морду кверху, толстый щенокъ по прозванію Круглый. Ниже у рѣки лежатъ странники и ждутъ перевоза.

— И почему это теперь семга съ моря въ Двину идетъ?— спрашиваетъ одинъ изъ перевозчиковъ.

— Клопъ гонитъ,—отвѣчаетъ другой.

— И загоняетъ онъ ее въ рѣку, потому что Господь такъ указалъ, чтобъ семгой крестьяне питались. Вотъ и рыбу ловимъ, и работаемъ, а все убытокъ, а они, вонъ, спятъ, да барышъ,—говоритъ онъ, показывая на странниковъ.

— Цѣлый день гуляютъ, а на отдыхѣ отъ гулянки вино пьютъ.

— А ты не пьешь?

— Какъ не пить,—пью. И не токмо я, а вотъ этого самаго щенка оногдась пьянымъ напоили.

— Кто напоилъ?

— А Гриша его напоилъ кабацкимъ *) пивомъ. Щенка на столъ посадилъ, самъ изъ стакана пьетъ и его поитъ. Потомъ въ утряхъ этого щенка тетка Анна опохмѣляла,— жалко стало; должно, здорово собачья голова болѣла, а потомъ въ баню его повели. Вотъ отъ того теперь шерсть у него и лѣзетъ.

— Когда, братцы, у мине голова отъ хмѣля болитъ,—говоритъ подошедшій бойкій плотникъ,—а винополія заперта, я въ Америку на пѣтухѣ ѣзжу.

— Какъ это въ Америку на пѣтухѣ ѣздишь?

— А очення просто. Пойдешь, куда слѣдоваетъ, взойдешь въ горницу, мигнешь хозяйкѣ, та вынесетъ стаканчикъ и скажетъ: „Вотъ тебѣ книги, колокола и всѣ церковныя дѣла“.

— Выпьешь, ну и поправишься.

— За деньги?

— А ты думаешь даромъ. Даромъ только угощаютъ въ банѣ угаромъ. За все остальное пожалуйте денежки.

Далеко за рѣкой раздался выстрѣлъ. Всѣ стали слушать.

— Парко **) бьетъ леворверъ у Листарки.

---

*) На сѣверѣ варятъ пиво дома; кабацкимъ называютъ покупное заводское.

**) Хорошо.

— Чего это онъ?

— Парохода дожидаетъ.

Всѣ стали смотрѣть на рѣку; дыма отъ выстрѣла не было видно. На Двинѣ была полная тишина. Отъ нашего берега къ тому плыли три лошади,—двѣ—впереди, одна—сзади, и за каждой головой шелъ серебряный хвостъ зыби.

— Ведро будетъ. Лошади заплавали...

— Какое ведро. Просто за свѣжимъ сѣномъ плывутъ. Нонче на кошкѣ *) сѣно гребутъ. Ты чего тутъ, Пашка, околачиваешься? Шелъ бы въ лѣсъ къ скотинѣ. Медвѣди ходятъ.

— Медвѣдь здѣшней скотины не тронетъ... Пастухъ у насъ годовъ 50 тому назадъ зарокъ на нашу скотину положилъ. Зубъ у его такой былъ,—львиный, должно быть.

— Ахъ ты, ваганъ, ваганъ **)! И чего ты, Пашка, не женишься?

— За него здѣшнія дѣвушки не идутъ. „Ты,—говорятъ,— Паша, колдунище. Ты—пастухъ, а всѣ пастухи—колдуны“.

— Я на своей сторонѣ возьму,—говоритъ угрюмо Пашка.

И на этомъ странномъ фонѣ бронзоваго неба и тихой воды съ плывущими лошадьми Пашка въ грубыхъ березовыхъ лаптяхъ, съ большой самодѣльной трубой изъ лыка, въ бѣлой домотканой сермягѣ, въ мѣховой оленьей шапкѣ кажется страннымъ, загадочнымъ, лѣснымъ человѣкомъ, хитрымъ и простымъ; то, что онъ говоритъ,—наивно и просто, а то, о чемъ онъ молчитъ,—глубоко и мудро, а молчитъ онъ потому, что онъ—кусокъ этой странной природы, а природа всегда молчитъ о самомъ важномъ.

— Выходила тебѣ, Паша, вакація, не умѣлъ владать, на бутылку бы заработалъ...

— Погодите, ребята... Никакъ пароходъ?

---

*) Кошкой на Двинѣ называютъ островъ съ покосомъ.

**) Ваганами называютъ на сѣверѣ жителей по рѣкѣ Вагѣ, притоку Двины.

Далеко по водѣ хлопалъ колесами пароходъ,—пароходъ и есть.

На той сторонѣ опять раздался выстрѣлъ. Всѣ стали спускаться къ берегу.

— Готово, — слышенъ голосъ капитана. — Впередъ до полнаго.

Карбасъ ловко отчаливаетъ отъ парохода.

Его сильно качаетъ круглой пароходной волной, и съ каждой минутой онъ дѣлается все меньше и меньше. Пассажировъ на палубѣ мало.

Ѣдетъ староста изъ нашего селенія,—онъ ѣдетъ „садиться“ подъ арестъ.

— Съ урядникомъ склыка вышла, — объясняетъ онъ двумъ другимъ пассажирамъ,—за это я и страдаю. Везъ я больного въ больницу; повстрѣчался урядникъ и привязался: зачѣмъ, молъ, въ эту больницу везешь, а не въ другую. „Да эта больница ближе“, — говорю. Ну, ладно, стали мы спорить; урядникъ это, раздомырдываетъ: это не такъ, то не эдакъ. Такое меня зло взяло, не стерпѣлъ, вынулъ свой знакъ, надѣлъ на себя да со знакомъ его и ахнулъ. Признаться, выпимши былъ,—поясняетъ онъ.—Потомъ пошло слѣдствіе, то да се. Ну, слѣдовательно, и присудили, что слѣдоваетъ по закону; ѣду „садиться“.

— Какъ же ты безъ вина просидишь?

— Подъ рубашку сзади привяжу.

И онъ тутъ же показываетъ, какъ онъ это устроитъ.

— Ну, ладно. Одну-то бутылку пронесешь, а дальше?

— Какъ-нибудь извернусь,—отвѣчаетъ староста, подмигивая глазомъ,—не впервые начальство надувать.

— Ну, и начальство нынч пошло, — говоритъ другой пассажиръ, степеннаго вида.

— Начальство—крутое.

— Заболѣлъ это у меня братъ холерой,—говоритъ степенный пассажиръ,—потомъ дочь, потомъ работникъ. Далъ знать по начальству. Ждали-ждали. Пріѣзжаетъ начальство съ докторомъ. Посмотрѣли на холерныхъ въ окошко—и на-

задъ. Я говорю: „Возьмите ихъ, ваше благородіе, въ больницу“. — „Они,—говорятъ,—у тебя тутъ останутся, — такое мое распоряженіе“. — „Что жъ,—говорю,—ваше благородіе, вы семейство мое вывести хотите?“—„И выведу!“ Да ка-акъ дверью хлопнетъ. „Ты, – я говорю,—баринъ, дверьми чужими не изволь хлопать, свои заведи, ну, и хлопай тогда. Ну, миницына! Нечего сказать“.

— Что жъ, померли холерные?

— Померли. И дочь, 16-ти лѣтъ, померла, и работникъ, и братъ. Братъ въ банѣ померъ,—все парился. Потомъ почувствовалъ, что конецъ его приходитъ, за священникомъ послалъ; священникъ его „покаялъ“, причастилъ, все какъ слѣдуетъ. Потомъ синитары пріѣхали.

Разгоняя неподвижную тишину воды, мы давно обогнали плывущихъ лошадей, прошли мимо большой мели. На мели „поплави“: это—ловятъ семгу.

Вдругъ въ пароходной трубѣ что-то захрипѣло, а потомъ уже раздался свистокъ. Пароходъ свисталъ долго и торжественно; потомъ засвистѣло эхо въ горахъ, но свистѣло короче и слабѣе.

Пароходъ, описывая дугу, сталъ подходить къ берегу. Около самаго берега было мелко, а потому пришлось остановиться саженяхъ въ трехъ. Спустили трапъ прямо въ воду. Прямо въ воду по трапу сошелъ матросъ и сталъ въ такую позу, какъ-будто онъ собирался играть въ чехарду. Вслѣдъ за нимъ сталъ осторожно спускаться внизъ солидный, сѣдой старичокъ съ саквояжемъ; онъ вскочилъ на спину матроса и такимъ способомъ переправился на берегъ.

На берегу стоялъ молодой человѣкъ, видимо, тотъ самый Листарка, который стрѣлялъ изъ „леворвера“. Листарка такимъ же способомъ переправился на пароходъ. Раздается свистокъ, но мы не трогаемся,—видимо, кого-то ждутъ; проходитъ минута. По берегу бѣжитъ старуха; въ одной рукѣ у нея пустая корзина, а въ другой — огромные мужскіе сапоги.

— Эй, тетка, прибавь ходу, нажаривай, нажаривай, поддай пару!—кричатъ съ парохода.

Старуха съ разбѣга вскакиваетъ на спину матроса, тотъ благополучно доставляетъ ее на пароходъ. Черезъ минуту она, вся красная и довольная, появляется на палубѣ.

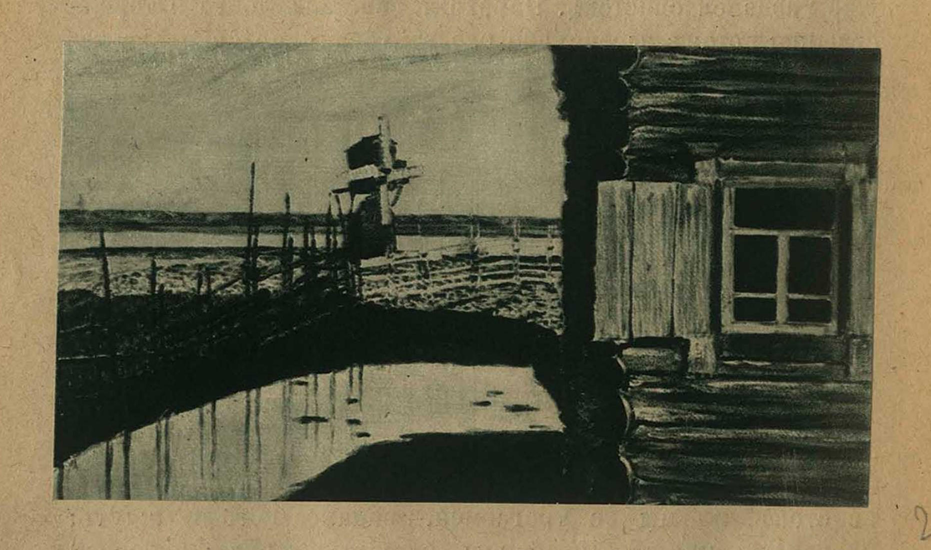
— Такой „перепышки“ въ банѣ зимой не испытаешь,— говоритъ она.—Ну, слава Богу, поспѣла.

Наконецъ, бѣжитъ тотъ, кого ждутъ; онъ сгоряча пробѣгаетъ прямо по водѣ и вскакиваетъ на трапъ.

— Съ женой засидѣлся, — объявляетъ онъ во всеуслышаніе.

Пароходъ отчаливаетъ, и мы снова идемъ мимо поплавей, останавливаемся у пристаней, принимаемъ грузы семги...

Свистокъ... Вотъ и то селеніе, куда мнѣ нужно.

В. Переплетчиковъ — Въ сѣверной деревнѣ

II

— Не знаете ли, гдѣ тутъ волостное правленіе? — спрашиваю я на берегу босаго молодого человѣка въ соломенной шляпѣ,—видимо, ссыльнаго.

— На томъ концѣ селенія. Такъ съ версту отсюда,—говоритъ онъ.

Я иду въ гору, прохожу мимо цѣлаго ряда большихъ избъ; на улицѣ — ни души, всѣ на пожнѣ. А вотъ и волостное.

Отворяю дверь въ коридоръ; въ коридорѣ—прохладная полутемнота; кругомъ—мертвая тишина.

— Тебѣ чего, батюшка?—спрашиваетъ меня старуха.

— Писаря волостного. Письмо нужно получить заказное.

— Писаря? Да его нѣтъ. Онъ на охоту ушелъ. Сулился часа въ два дома быть. Я тутъ одна-одинешенька,—правленіе сторожу.

— Какъ же теперь быть? Кто же мнѣ письмо выдастъ?

— Этого ужъ я, батюшка, не знаю. А ты къ нему на фатеру сходи, можетъ, писариха выдастъ.

Старуха провожаетъ меня по коридору на улицу.

— Видишь домъ съ зеленой крышей? Это — писарева фатера.

Черезъ минуту я стою у дома писаря.

— Послушайте, есть тутъ кто?—спрашиваю я громко.

Въ окнѣ показывается женщина бальзаковскаго возраста со вздернутымъ носикомъ на кругломъ лицѣ; она, видимо, конфузится своего утренняго туалета, а потому держится такъ, чтобы фигура ея была менѣе видна. На подоконникѣ, среди цвѣточныхъ банокъ, мнѣ видна ея пухленькая ручка; мизинецъ для изящества слегка согнутъ и отставленъ въ бокъ. На солнцѣ блеститъ серебряное обручальное кольцо.

— Вамъ что угодно?

— Писаря. Письмо заказное получить.

— Писаря дома нѣтъ. Онъ по дѣлу ушелъ.

— Не по дѣлу, а на охоту.

— Нѣтъ, по дѣлу.

— А почему же онъ ружье съ собой взялъ?

— А неужели человѣкъ не можетъ пойти по дѣлу и ружье съ собой захватить? Это даже странно съ вашей стороны, - ядовито замѣчаетъ она.

— Когда же онъ вернется?

— Не знаю, часа въ два, а можетъ, и позднѣе.

— Не можете ли вы выдать мнѣ заказное письмо?

— Нѣтъ, не могу.

— Стало-быть, мнѣ придется дожидаться?

— Да, придется дожидаться.

— Но вѣдь, позвольте, на дверяхъ правленія прибито объявленіе, что почта открыта съ 9-ти часовъ до 2-хъ.

— Мало ли что объявленіе. Онъ по дѣлу ушелъ. Тоже за десять-то рублей въ мѣсяцъ не разсидишься съ этой почтой,—говоритъ она сердито вполголоса сама съ собой.

— Будьте такъ добры, выдайте письмо; я вамъ квитанцію покажу; у меня еще есть бумаги, удостовѣряющія мою личность. Вотъ посмотрите.

— Не нужно мнѣ вашей квитанціи и личности, и смотрѣть на нихъ не стану. Да и какая квитанція? Можетъ-быть, вы ее украли,—я почемъ знаю. Тоже квитанція – презрительно замѣчаетъ она.

Тонъ ея суровъ и безпощаденъ; видимо, она ждетъ-не дождется, чтобы я оставилъ ее въ покоѣ.

— Какъ же такъ,—говорю я.—Въ прошлый разъ я присылалъ сюда верхового за заказнымъ письмомъ,—та же самая была исторія: нарочный дожидался часа четыре,—тоже писарь на охоту уходилъ.

Лицо дамы мгновенно измѣняется.

— Такъ это вы? Вы у Александра Григорьевича на квартирѣ стоите?

— Да, я у Александра Григорьевича на квартирѣ стою.

— Ну, погодите,—говоритъ дама смягченнымъ тономъ.— Если писарь передъ охотой штаны перемѣнилъ, то ваше

счастье, ключъ, стало-быть, дома остался въ завсегдашнихъ штанахъ, а если не перемѣнилъ, то не взыщите.

Фигура дамы скрывается на нѣкоторое время, а затѣмъ опять показывается. Видъ ея—серьезный и строгій.

— Не перемѣнялъ! Стало-быть, ключъ съ нимъ на охоту ушелъ.

Я внимательно слѣжу за выраженіемъ ея лица: вѣдь женщины хитры,—можетъ-быть, она меня обманываетъ.

— Скажите по правдѣ: у васъ ключъ или нѣтъ?

— Ну, ей-Богу, нѣтъ. Хотите я вамъ другіе штаны покажу?

— Нѣтъ, нѣтъ. Благодарю васъ, не безпокойтесь. Я вамъ вѣрю. До свиданія.

— Будьте здоровы,—говоритъ мнѣ она благосклоннымъ тономъ.

Дѣлать нечего. Иду пить чай на земскую станцію.

На станціи—ни души. Въ избѣ—одна старуха.

— Здравствуй, бабушка. Поставь мнѣ самоварчикъ да яичекъ свари.

— Самоварчикъ я тебѣ, батюшка, поставлю, а яичекъ нѣтъ. Всѣ яйца политическіе поѣли. Ссыльныхъ теперь много у насъ. Политиканцы всѣ яйца скупаютъ.

— А хлѣба бѣлаго нѣтъ?

— Нѣтъ. Черный есть.

Сижу на земской станціи и пью чай съ чернымъ хлѣбомъ. На стѣнѣ бойко тикаютъ маленькіе часики. Изъ окна мнѣ видно, какъ, солидно выступая, идетъ черезъ дорогу ворона; она гдѣ-то стащила кусокъ чего-то съѣдобнаго.

Ворона медленно взлетаетъ на заборъ и, видимо, раздумываетъ: тутъ ей съѣсть этотъ кусокъ или поискать болѣе удобнаго мѣста. Потомъ взмахиваетъ крыльями и летитъ къ лѣсу.

Въ тѣни избы стоитъ телокъ; видъ у него флегматичный: онъ жуетъ, прядетъ ушами и отмахивается маленькимъ хвостикомъ отъ мухъ.

На противоположной избѣ прибита маленькая дощечка,

на ней нарисована швабра и написано: „Уткинъ—швабра“. Это значитъ, что Уткинъ, живущій въ этой избѣ, на пожаръ долженъ являться вооруженный шваброй.

Подъ окнами степенно проходятъ три маленькія-маленькія дѣвочки; головы у нихъ совершенно бѣлыя, и онѣ похожи на свѣжіе орѣхи съ куста; въ рукахъ у дѣвочекъ— березовыя вѣтки.

— Дѣвки! — кричатъ онѣ совершенно какъ большія.— Посмотрите, что мы принесли.

Потомъ онѣ долго сидятъ на крыльцѣ и поютъ пѣсни, тоже какъ большія, т.-е. визгливо и не своими голосами.

Въ три часа я отправляюсь опять въ волостное правленіе. Отворяю дверь въ коридоръ—ни души. Въ слѣдующей большой комнатѣ—тишина и офиціальная торжественность присутственнаго мѣста; на стѣнѣ—портреты; большой, длинный, покрытый сукномъ столъ; маятникъ часовъ солидно отбиваетъ тактъ, и среди этой тишины, ударяясь о стекло окна, жужжитъ большая, жирная муха.

Параллельно столу, на желтомъ свѣже-выкрашенномъ полу, вытянувшись во весь ростъ и прижимая къ груди непочатую бутыль водки (такъ бабы держатъ младенцевъ), лежитъ огромный рыжій мужикъ. Онъ, не поворачивая головы, смотритъ на меня снизу и молчитъ. Выраженіе его глазъ хитрое, себѣ на умѣ, и въ то же самое время такое, что онъ знаетъ про себя что-то, что и мнѣ извѣстно, а потому глазъ его подмигиваетъ, на губахъ—ядовитая улыбка. Мы нѣкоторое время смотримъ другъ на друга молча.

— Ушли на охоту, — говоритъ мужикъ иронически.— Тутъ четверо приходило, вы—пятый.

Я выхожу въ коридоръ.

— Господинъ, господинъ!—слышенъ сзади меня голосъ мужика.

У меня въ головѣ—странное впечатлѣніе: пустынное офиціальное мѣсто, крайне неофиціальная поза мужика, бутыль водки, отливающая холоднымъ бѣловато-зеленымъ

прозрачнымъ цвѣтомъ на желтомъ полу. Во всемъ этомъ было что-то до крайности нелѣпое.

Ну, теперь, должно быть, пришелъ писарь, думаю я, глядя на часы. Уже 6 часовъ, вонъ и дверь въ правленіе полуотворена. Въ коридорѣ—тишина; у старухи въ сосѣдней комнатѣ шумитъ самоваръ. Отворяю дверь въ присутственное мѣсто: рыжій мужикъ солидно сидитъ на стулѣ и печально глядитъ на портреты; въ его рукахъ — та же бутыль; держитъ онъ ее какъ гитару: одной рукой за горлышко, а другая любовно покоится на ярлыкѣ; водки стало гораздо меньше, и она все такъ же отливаетъ зловѣщимъ, бѣловато-зеленымъ прозрачнымъ цвѣтомъ. Ироніи въ глазахъ у мужика уже нѣтъ; онъ меланхолически глядитъ на меня и потомъ строго говоритъ:

— Восемь приходило, вы—девятый. Все охотится.

Уходя, въ коридорѣ я слышу голосъ мужика, теперь уже отчаянный:

— Господинъ! Господинъ!

Иду на берегъ рѣки. Тѣни стали длиннѣе. На Двинѣ—полная тишина. Небо и вода — одного цвѣта. Съ высокаго, крутого берега мнѣ видно, какъ у меня подъ ногами медленно идетъ буксирный пароходъ; рабочіе на палубѣ пьютъ чай; одинъ изъ нихъ наигрываетъ на гармоніи. Хвостъ волны, идущей за пароходомъ, нарушаетъ тишину рѣки.

Пароходъ идетъ не спѣша, не спѣша пьютъ чай на палубѣ, лѣниво наигрываетъ на гармоніи рабочій, и звуки не спѣша долетаютъ до меня; не спѣшитъ писарь возвращаться съ охоты, и мнѣ кажется, что въ этомъ далекомъ краю никто никуда не спѣшитъ, а живутъ тихо, ровно, сонно и лѣниво.

Въ 7 часовъ иду опять въ правленіе. Въ коридорѣ мнѣ встрѣчается старуха.

— Страсть сколько приходило народу, батюшка, а его все нѣтъ. Совсѣмъ заохотился.

Я выхожу, и у дверей правленія встрѣчаю двоихъ неизвѣстныхъ.

— Не знаете ли, когда писарь вернется? — спрашиваю я.

— Я самый писарь и есть.

— Будьте такъ добры, выдайте мнѣ поскорѣе заказное письмо, а то я на пароходъ опоздаю.

— Не безпокойтесь, успѣете.

Я расписываюсь въ книгѣ, а сзади меня стоитъ рыжій мужикъ; на этотъ разъ онъ безъ бутыли.

Поздния сумерки. На пароходъ я опоздалъ, сижу на земской станціи, сейчасъ подадутъ лошадей, придется долго-долго ѣхать лѣсами.

— Погоди, батюшка, я тебѣ сѣнца побольше подложу,— говоритъ старуха. — Сидѣть способнѣе будетъ. Ну, готово! Трогай!

Ямщикъ вскакиваетъ на козлы, и телѣжка трогается. Сейчасъ же за селеніемъ начинается большой лѣсъ. Мы проѣхали съ полверсты.

— Стой! Придержи лошадей, Иванъ!

— Никакъ кричатъ намъ изъ селенія?

Мы остановились и стали слушать.

— Нѣтъ, ничего,—это мнѣ почудилось. Трогай!

Наступала ночь, зажигались звѣзды на небѣ. Свѣтлое пятно дороги около лошадей постепенно пропадало дальше въ прозрачномъ сумракѣ; кусты по бокамъ дороги казались живыми, неподвижными фигурами и глядѣли, какъ ѣду я, какъ бѣгутъ лошади, какъ катится экипажъ.

— Эй, эй, эй, эй! Остановись, эй!

— Погоди, Иванъ, постой! Кто-то опять кричитъ.

Къ намъ бѣжалъ человѣкъ.

— Послушайте,—спрашиваетъ онъ,—вы—не докторъ?

— А вамъ зачѣмъ?

— Да товарищъ заболѣлъ.

— Холера?

— Нѣтъ, рожистое воспаленіе. И опасный случай.

— Нѣтъ, я—не докторъ.

Мы трогаемся дальше; фигура пропадаетъ во мракѣ.

— Ссыльный изъ-за рѣки,—говоритъ ямщикъ,—съ перевоза идетъ; тутъ въ верстѣ перевозъ.

Стало совсѣмъ темно. Мнѣ виденъ ямщикъ, бочкомъ сидящій на козлахъ, крупъ коренника, равномѣрно покачивающійся, его голова, уши, дуга и колокольчикъ; все это постепенно переходитъ въ глубокій густой мракъ, оканчивающійся вершинами елей. Низко надъ елями горитъ яркая до странности большая звѣзда.

— Баринъ, а баринъ,—говоритъ мнѣ ямщикъ,—тутъ, по этой дорогѣ, медвѣдица ходитъ съ четырьмя медвѣжатами. Оногдась за почтаремъ—гналась. Почтарь выстрѣлилъ изъ левольвера да не попалъ. Тужурку уронилъ, такъ она ее въ клочья изорвала. Потомъ, когда ямщикъ назадъ ѣхалъ, поднялъ. Вчера эту медвѣдицу мужикъ въ верстѣ отъ нашего селенія видѣлъ. Онъ на пожнѣ былъ, такъ съ пожни домой прибѣжалъ. Сама большая-распребольшая, а одинъ медвѣжонокъ на дерево залѣзъ. Должно, медвѣдица мужика не видала, а то бы ему не уйти.

Привычной рысцой бѣгутъ лошади по мягкой дорогѣ, и все время, не умолкая, звенитъ колокольчикъ. Когда мы быстрѣе ѣдемъ подъ гору, онъ звенитъ рѣзко и энергично, а когда поднимаемся въ гору, звукъ его—лѣнивый и сонный.

Я сталъ слушать, какъ звенитъ колокольчикъ: самый сильный звукъ былъ непріятный, рѣзкій, металлическій; потомъ гудѣло мягко и пѣвуче о-о-о-о.

Эти два звука, рѣзкій и мягкій, улетали въ лѣсъ, ударялись о стволы деревьевъ и возвращались эхомъ назадъ,— и уже не звономъ, а чѣмъ-то другимъ, страннымъ и загадочнымъ.

Я сталъ слушать то новое, что я услыхалъ: кто-то звалъ меня изъ лѣсной темноты, кто-то кричалъ мнѣ вдогонку человѣческимъ голосомъ, кто-то о чемъ-то спрашивалъ, о чемъ-то напоминалъ, о чемъ-то предупреждалъ. Словъ я не могъ разобрать, но по интонаціямъ я чувствовалъ, что кричитъ онъ мнѣ о чемъ-то важномъ, и я сталъ мучительно вслушиваться въ эти звуки; мнѣ казалось, что если я уловлю

и разгадаю слова, то все на свѣтѣ мнѣ станетъ яснымъ: я самъ, моя жизнь, всѣ люди, весь міръ; но прилетала непрошенная посторонняя мысль, — пустая и незначительная,— отвлекала мое вниманіе отъ таинственнаго голоса, голосъ умолкалъ, и я слышалъ только рѣзкіе удары колокольчика и другой пѣвучій звукъ о-о.

А когда я забывался и, казалось, ни о чемъ не думалъ,— ни о таинственномъ голосѣ изъ лѣса, ни о колокольчикѣ,— загадочныя слова снова неслись изъ лѣса и снова безпокоили и мучили меня.

— Да, да. Я слышу: онъ зоветъ меня властно и настойчиво, теперь укоряетъ, а теперь кричитъ что-то жалобное, и мнѣ жаль и его, и себя.

И мнѣ стало казаться, что давнымъ-давно я ѣду этими лѣсами, что день былъ когда-то давно-давно, и этотъ мракъ, оканчивающійся вершинами елей, и эта странная звѣзда, и этотъ таинственный голосъ, — все это будетъ всегда и никогда не кончится, и сколько времени я ѣхалъ, окруженный мракомъ съ зубчатыми вершинами елей, я не знаю.

Вдругъ пошли чуть желтоватыя поляны между деревьями: это—зрѣющая рожь, и когда мы ѣхали краемъ спящаго селенія, таинственный голосъ молчалъ; онъ молчалъ, когда мы спускались въ глубокій оврагъ и когда медленно поднимались наверхъ, а когда мы опять поѣхали по мягкой, ровной дорогѣ, голосъ снова зазвучалъ и опять сталъ мучить меня.

— Баринъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ медвѣдица за почтаремъ гналась,—говоритъ мнѣ ямщикъ.

И вдругъ я вспоминаю, что когда мы въ полуверстѣ отъ селенія остановились въ первый разъ, потому что кто-то звалъ насъ, вѣдь это былъ таинственный голосъ, который теперь неотступно звучитъ изъ темноты и чего-то хочетъ отъ меня. И опять исчезло у меня представленіе о времени. И долго ли мы ѣхали, я не знаю...

А вотъ, наконецъ, и наше селеніе.

Я сразу почувствовалъ, что стало тепло и сухо, какъ въ

комнатѣ. Холодъ, сырость и таинственный голосъ изъ темноты остались въ лѣсахъ. Вдоль длинной улицы спали избы и казались совсѣмъ черными; только въ одномъ домѣ былъ виденъ свѣтъ въ окнѣ.

— А знаешь, Иванъ, — говорю я ямщику,—хозяйка той избы, гдѣ свѣтъ виденъ, утонула недавно.

— Знаю. Она съ зятемъ на карбасѣ ночевала, кирпичъ везли, фонарь ночью не засвѣтили, ихъ бурей сорвало съ якоря, попали подъ пароходъ, ну,—и шабашъ. Мужика вытащили, а баба, карбасъ и кирпичъ пропали.

Мы поравнялись съ избой, и въ окно было видно, какъ какая-то женская фигура, вся въ бѣломъ, со свѣчей въ рукахъ, медленно шла по комнатѣ.

„Какъ странно“,—подумалъ я.

Видимо, та же мысль была и у ямщика: онъ повернулся было ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто того хлестнулъ лошадей.

В. Переплетчиковъ — Селеніе Устьпинега на С. Двинѣ

— Эхъ, вы, милыя! До дому близко...

Лошади это знали и безъ него; онѣ лихо покатили по мягкой, ровной дорогѣ и разомъ остановились у того дома, гдѣ я жилъ.

— Поздненько вы, Василій Васильевичъ,—говоритъ мнѣ хозяинъ, отпирая дверь.

Въ комнатахъ тепло, сухо и душно.

Во всемъ тѣлѣ—усталость отъ долгой дороги, а въ ушахъ — звонъ колокольчиковъ и таинственный голосъ съ мучительно-неразгаданными словами.

В. Переплетчиковъ — На Двинѣ начинается буря (Собств. Третьяковской галлереи).

ЗЛОЙ ВѢТЕРЪ

I

Весь день свистали отъ вѣтра у меня подъ окномъ телеграфныя проволоки. Курилась желтая отмель посрединѣ темно-лиловой Двины,— это вихремъ крутило песокъ и несло его въ рѣку. Всюду кругомъ звучали голоса: кто-то пѣлъ басомъ въ трубѣ, жалобно тонко визжалъ у оконъ, и что-то гудѣло на чердакѣ. Дулъ жестокій нордъ, который на сѣверѣ называютъ полуночникомъ. Казалось, что кѣмъ-то потревоженные злые духи полуночи летѣли куда-то надъ землей, жаловались, плакали, пѣли тоскливыми ночными голосами среди бѣла дня; свистѣли въ уши безпокойныя, жуткія, одинокія мысли; рвали листья съ деревьевъ; поднимали съ дороги холодный, сухой песокъ и кололи имъ лицо.

Я пошелъ въ лѣсъ на берегъ Двины. Въ лѣсу было гораздо тише; только безпомощно гнулись вершины деревьевъ. Съ высокаго, крутого обрыва у меня подъ ногами

были видны плоты. Бревна внизу казались не больше карандашей, на карандашахъ сидѣли мухи,—это были люди.

На Двинѣ бурей часто разбиваетъ плоты, а потому плотовщики въ сильный вѣтеръ причаливаютъ къ берегу и ждутъ тихой погоды.

Мимо меня прошли три озябшія, оборванныя фигуры,—это были люди съ плотовъ;—они бережно несли огромную пустую винную бутыль...

Я вернулся домой... На дворѣ того дома, гдѣ я жилъ, бродили какіе-то странные, оборванные люди; постояли, поговорили съ хозяйкой и пошли уныло дальше по улицѣ.

— Плотовщики чай пить просятся, имъ, вишь, на улицѣ холодно. Что у меня чайная лавка, что ли?—говоритъ мнѣ потомъ хозяйка.

Къ вечеру пріѣхалъ какой-то чиновникъ; мнѣ видно изъ окна, какъ ему перепрягаютъ лошадей, и слышно, какъ позвякиваютъ бубенчики.

Мы съ нимъ встрѣчаемся на крыльцѣ.

— Вы художникъ?—говоритъ мнѣ проѣзжающій.—Идите скорѣе на берегъ, тамъ интересный сюжетъ для эскиза; стражникъ застрѣлилъ плотовщика. Только осторожнѣе. Стражникъ самъ не свой, должно-бѣть, сильно перепугался: стоитъ на горѣ, никого не пропускаетъ, грозитъ застрѣлить.

Я пошелъ на берегъ. Посрединѣ улицы стоялъ маленькій священникъ безъ шляпы и учительница.

— Что такое?

— Стражника плотовщики убить хотѣли, онъ одного застрѣлилъ. Они тутъ лавку съ товаромъ разбивали, одному здѣшнему крестьянину до кровей голову прошибли; вступился стражникъ,—самъ едва живъ остался. У меня дома вата есть и марля гигроскопическая, — говоритъ священникъ,—я за ними мальчишку послалъ.

Я иду дальше. Въ глубинѣ верхняго окна большой избы видно перепуганное, блѣдное лицо стражника.

— Слушайте, стражникъ, пошлите сейчасъ носилки на берегъ,—говорю я.

— Ихъ дѣлаютъ, — отвѣчаетъ онъ. — Только я туда не пойду, меня убьютъ.

На берегу рѣки у забора я увидѣлъ „сюжетъ для эскиза“: стояли три одинокія странныя фигуры краснаго цвѣта. Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что всѣ три сплошь были залиты кровью. Двѣ фигуры стояли прямо, а третья, согнувшись, висѣла у нихъ на рукахъ. Висѣвшій былъ раненъ пулей на вылетъ ниже праваго плеча. Державшіе грязными ладонями закрывали раны; изъ ранъ свистала кровь.

Раненый то повисаетъ безпомощно, то, выпрямляясь, хрипитъ, лаетъ отъ боли какъ собака, опять хрипитъ, и я слышу, что это не хрипъ, а отвратительныя ругательства...

У раненаго сквозь измазанное кровью лицо иногда проступаетъ что-то безцвѣтно-страшное, безцвѣтно-страшное заволакиваетъ глаза, тогда хрипъ и лай прекращаются, и онъ неподвижно повисаетъ на рукахъ держащихъ,—это смерть дотрогивается до него своей безцвѣтной, страшной рукой. И низкое вечернее солнце, прорываясь сквозь быстро бѣгущія облака, по временамъ освѣщаетъ красноватымъ свѣтомъ эти три кровавыя фигуры. Красновато желтымъ бѣглымъ свѣтомъ освѣщается бугоръ сзади, а быстро бѣгущія тучи надъ бугромъ становятся еще темнѣе и синѣе. Все это кажется сномъ тяжелымъ, невѣроятнымъ, который вотъ-вотъ сейчасъ кончится... Кругомъ трава тоже красная отъ крови...

Изъ-за Двины пришелъ карбасъ *); проходитъ мимо длинная вереница бабъ,—онѣ ѣздили доить коровъ на островъ. Процессія молча, безучастно проходитъ мимо; печально визжатъ ведра на коромыслахъ, и осторожно, чтобы не расплескать молоко, ступаютъ бабы...

Опять долго никого нѣтъ. Наконецъ, приносятъ носилки, кладутъ раненаго и несутъ на перевозъ въ казенную избу. Изба принадлежитъ перевозчикамъ. Раненаго кладутъ на землю. Онъ дрожитъ отъ холода.

— Чего въ избу не несете?—спрашиваю я.

*) Большая морская лодка.

— Перевозчики двери заперли, не пускаютъ.

— Эй, перевозчики! Чего не пускаете?

— Не пустимъ! Еще умретъ тутъ!..

— Что жъ ему на холодѣ помирать?

— Пускай помираетъ!

— А крестъ на васъ есть?

— Есть! А въ избу не пустимъ, несите на съѣзжую.

— Ну, хорошо!—говорю я.—Въ протоколъ запишутъ, что въ избу не пустили.

— Ладно, пускай записываютъ!

Перевозчики стоятъ поодаль; они выпивши, лица у нихъ упрямыя и твердыя.

Учительница и священникъ моютъ раны теплой водой... забинтовали, какъ умѣли... готово!

Перевозчики отпираютъ двери; сжалились, а можетъ-быть, испугались протокола. Раненаго вносятъ въ избу и кладутъ на грязныя нары. Въ нетопленой низенькой избѣ холодно и сыро. Кругомъ—молчаливые зрители.

— Исповѣдаться и причаститься хочешь?—спрашиваетъ раненаго священникъ.

— Хочу.

— Выйдете всѣ вонъ. Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно...

Послѣ причастія раненаго поятъ чаемъ. Чай принесла жена стражника.

Пришелъ караванщикъ—приказчикъ съ плотовъ.

— Эхъ, Олеша,—говоритъ караванщикъ,—милый ты человѣкъ! Ни за что погибаешь. Помрешь! Да и парень ты славный.

— Я за баранками съ плотовъ въ деревню шелъ,—говоритъ слабымъ голосомъ раненый,—я и пьянъ-то не былъ,—не пью.

Рядомъ стоитъ стражникъ; у него на глазахъ слезы.

— Я два раза въ воздухъ стрѣлялъ, — говоритъ онъ,—только въ третій разъ выстрѣлилъ; лѣзутъ на меня съ кольями, чуть не убили.

— Да, народъ аховый,—говоритъ караванщикъ.—Меня самого вчера чуть подъ плоты не спустили. Отъ холода народъ звѣрѣетъ. На водѣ вѣтеръ, стужа; холодъ въ костяхъ заводится отъ этого. Одеженки теплой ни у кого нѣтъ.

Раненый долго смотритъ на меня и потомъ спрашиваетъ:

— Баринъ, какъ васъ зовутъ?—по его глазамъ я вижу, что этимъ вопросомъ онъ хочетъ выразить свою благодарность за хлопоты.—Мы васъ утромъ въ лѣсу видѣли. Меня ребята спрашиваютъ, что это у него въ рукахъ за штука такая, а я имъ объяснилъ, что это стулъ складной, у господъ офицеровъ этакіе складные стулья я на войнѣ видѣлъ.

И вдругъ что-то безцвѣтно-страшное проступило въ его лицѣ, выглянуло изъ глазъ, и раненый сразу умолкъ.

— Ты, Олеша помолчи,—говоритъ караванщикъ.

Наступила тишина... Всѣ ждутъ: пройдетъ это страшное или нѣтъ... Плотовщикъ открылъ глаза. Прошло. Въ маленькое окно надъ головой раненаго мнѣ видна синяя рѣка; по цвѣту рѣки я вижу, что вѣтеръ стихаетъ. На той сторонѣ Двины ярко горятъ отъ лучей заходящаго солнца стекла избъ далекой деревни, и кажется, что тамъ пожаръ.

Теперь по значительно успокоившейся рѣкѣ вереницей, одинъ за другимъ, быстро бѣгутъ плоты. Отсюда бревна плотовъ опять кажутся карандашами, по карандашамъ бѣгаютъ мухи, суетятся, энергично пихаются длинными шестами,—это плотовщики бѣгутъ отъ этого страшнаго мѣста. Здѣсь грозитъ слѣдствіе, допросы, арестъ.

— Не уйдутъ,—говорилъ стражникъ, — ихъ ниже перехватятъ.

Впрочемъ главные зачинщики уже тутъ въ избѣ. Почему они „главные“, — никто не знаетъ. Они арестованы. Одинъ совсѣмъ мальчишка, съ равнодушнымъ глупымъ лицомъ; другой — блондинъ безцвѣтно бѣлый, смотритъ волкомъ, глазъ не поднимаетъ, глядитъ въ землю, видимо, никому не вѣритъ и считаетъ весь міръ плутами. Должно быть, ему никогда не приходилось въ жизни видѣть правды

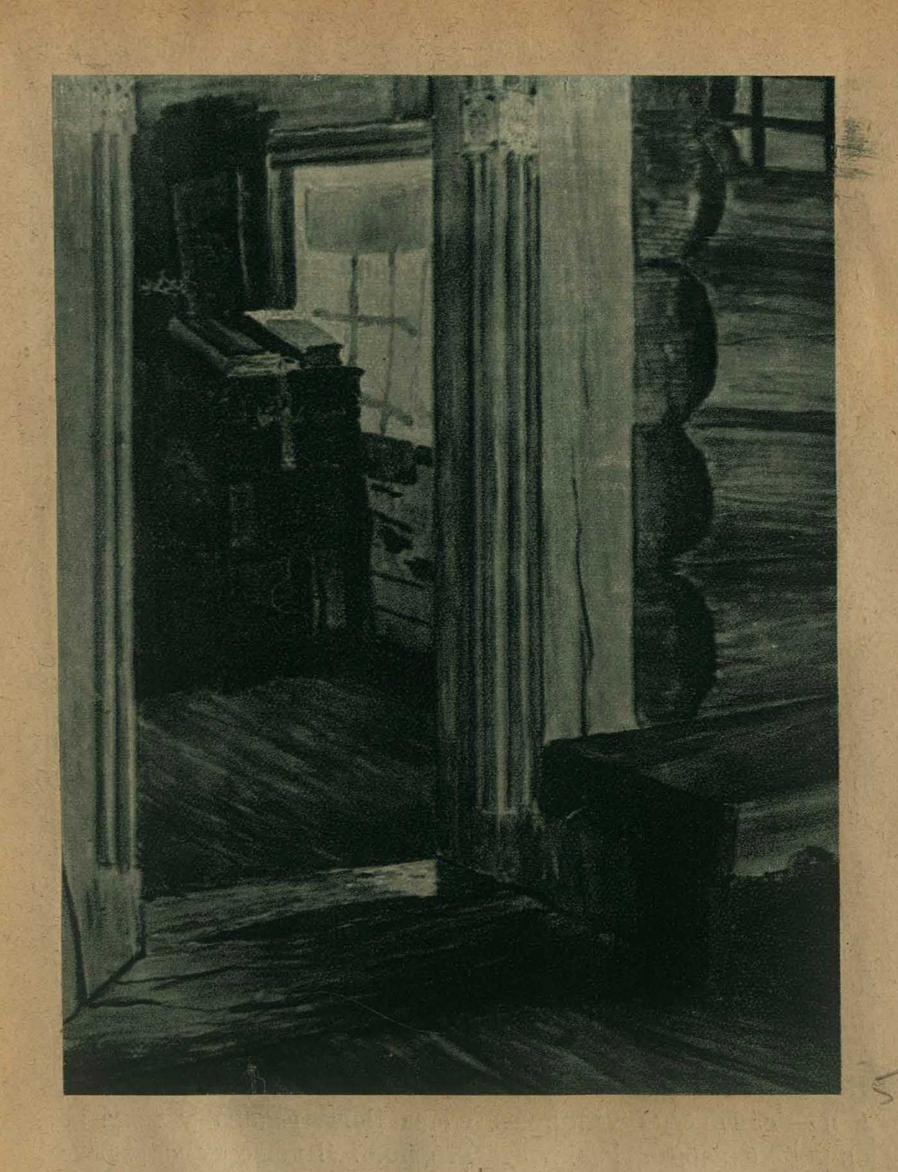
ни къ себѣ, ни къ другимъ, и въ душѣ у него что-то сгорѣло.

Отъ страха оба „зачинщика" давно протрезвились, упорно молчатъ, товарищей не выдаютъ. Около нихъ багажъ до странности маленькій: крошечная корзина и двѣ „теплыхъ" одежины, какія-то женскія кофты изъ тонкой матеріи безъ подкладокъ. И въ такихъ-то „теплыхъ" костюмахъ они день и ночь въ стужу и холодъ сплываютъ мѣсяцами на плотахъ.

Вечерѣетъ... Скоро долженъ пройти пароходъ. Раненаго рѣшаютъ отправить въ ближайшую больницу водой,—такъ лучше и покойнѣе, до больницы верстъ 60. Подобрѣвшіе перевозчики несутъ его на берегъ и кладутъ въ лодку. Раненый покрытъ съ головы до ногъ чѣмъ-то длиннымъ, лежитъ неподвижно и напоминаетъ не человѣка, а какой-то неодушевленный предметъ, и отъ этого становится жутко на душѣ. Съ нимъ ѣдетъ стражникъ. На стражникѣ новая шинель. Показался пароходъ; лодка идетъ къ нему навстрѣчу. Намъ съ берега видно, какъ раненаго долго поднимаютъ на пароходъ, какъ по трапу поднимается стражникъ. Пароходъ медленно повертывается кормой къ берегу; видно, какъ пошли волны изъ-подъ колесъ. Силуэтъ парохода постепенно уменьшается, легко тушуясь съ вечернимъ воздухомъ, дѣлается все меньше и меньше и, наконецъ, пропадаетъ за поворотомъ рѣки.

На берегу молча стоятъ перевозчики, священникъ все еще безъ шляпы. Раненаго увезли, но что-то печальное осталось здѣсь, на берегу,—осталось что-то безпокойное и нерѣшенное. Какой-то вопросъ остался въ холодномъ воздухѣ сѣверной ночи: почему? Отчего такъ? Кто виноватъ во всемъ этомъ?

И широкія волны Двины, ударяясь о сваи, тоже спрашиваютъ: „Ну, ш... что? Ну, ш...что? Ну, ш...чтооо?" А другія, хлюпая лодками, успокоительно отвѣчаютъ: „Ш...ш...ничего..., ш...ш...нич...ч...чего, ш...ш...нич...е...е...г...о»...

В. Переплетчиковъ

Внутренность старинной часовни въ селенiи Устьпинега.

II

Сегодня—воскресенье. Вчерашняя жестокая буря стихла, вѣтеръ перемѣнился, дуетъ шелонникъ, — такъ зовутъ на сѣверѣ свѣжій вѣтеръ съ запада. Смиренно звонитъ колоколъ маленькой сельской церкви.

Хозяйская дочь Саша пошла къ обѣднѣ. На ней новое платье: голубое, съ огромными бѣлыми цвѣтами. Такими матеріями провинціальныя барыни дурного вкуса обиваютъ мебель. Саша въ будни бѣгаетъ босикомъ и безъ платка, а теперь въ рукахъ ея зонтикъ,— это—для стиля; голова покрыта платкомъ такъ, какъ покрываютъ головы дамы, выходя изъ театра, когда садятся въ карету, — бахромой на лобъ. Двѣ старшихъ сестры Саши выданы замужъ за артельщиковъ, жившихъ въ Архангельскѣ, и у своихъ сестеръ Саша переняла этотъ тонъ и стиль. Походка у Саши гордая и степенная. Въ сосѣдней комнатѣ хозяева и работникъ Василій пьютъ чай,—пьютъ по-воскресному, т.-е. долго, не торопясь, съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой; только иногда среди торжественной тишины слышно, какъ кто-то звонко откусываетъ сахаръ.

Василій возилъ ночью почту и вернулся немного выпивши.

— Я у нихъ жилъ въ работникахъ, они меня и образовали,—слышенъ неторопливый, самодовольный голосъ Василія, — а жить я у нихъ былъ несогласенъ: кормы были плохи. Это что такое? Столъ вымыли да во щи вылили, а ты это ѣшь. Когда я уходилъ, хозяинъ слезами плакалъ. Народъ онъ грабомъ грабилъ и меня поддѣть хотѣлъ, ну, а я — самъ себѣ человѣкъ, слава Богу, голова у меня не опилками набита. Развѣ это мыслимо? Я тоже человѣкъ не глупый.

Мнѣ видно изъ окна, какъ возвращается въ своемъ парадномъ нарядѣ изъ церкви Саша.

— Попъ негодится сегодня, — говоритъ мнѣ хозяйка,

входя въ комнату. — Обѣдни не служилъ. Только звономъ зря народъ сбили, пустозвонъ развели. Запиваетъ у насъ батюшка-то. Пьетъ, а служитъ ничего, хорошо. Круто круто, не барабошитъ, не торопится.

Хозяйка вошла въ комнату не безъ причины; какой-то крупный разговоръ происходилъ около дома. Она высовывается изъ окна, насколько это возможно, и впивается въ совершающееся событіе. Мнѣ кажется, что она вотъ-вотъ вылетитъ на улицу. Разговоръ становится все крупнѣе и крупнѣе, начинаетъ прерываться возгласами и, видимо, переходитъ въ драку. Я подхожу къ окну въ тотъ моментъ, когда молодой мужикъ изо всей силы ударяетъ палкой по спинѣ солидную женщину, крѣпкаго тѣлосложенія, лѣтъ сорока. Женщина отскакиваетъ назадъ и въ свою очередь ударяетъ мужика кулакомъ по спинѣ. Видимо, иниціатива нападенія принадлежитъ ей, а мужикъ только обороняется. Рядомъ стоитъ зритель, молодой парень, и, соблюдая строгій нейтралитетъ, чрезвычайно внимательно наблюдаетъ происходящее. Онъ въ „сферѣ огня“, стоитъ очень близко, и кажется, что ударъ палкой вотъ-вотъ попадетъ и ему, но этого не случается. Мнѣ сверху драка представляется какимъ-то своеобразнымъ танцемъ: баба беретъ мужика за плечи, поворачиваетъ его въ опредѣленномъ направленіи и ударяетъ его по спинѣ изо всей силы кулакомъ въ знакъ того, что онъ долженъ куда-то итти. Мужикъ, видимо, не хочетъ слѣдовать этому направленію, а предпочитаетъ другое, онъ добросовѣстно отдаетъ ударъ и идетъ въ свою сторону, третій же, держащій нейтралитетъ, стараясь выбрать самую лучшую точку для наблюденія, кружится и прыгаетъ вокругъ нихъ. Въ движеніяхъ всѣхъ трехъ какой-то своеобразный ритмъ и правильность. Компанія такимъ образомъ проходитъ мимо моихъ оконъ далѣе шаговъ сто. Вдругъ мужикъ вскакиваетъ на заборъ, спрыгиваетъ по ту сторону и бѣжитъ по выгону. Баба остается на дорогѣ и посылаетъ ему вдогонку „самыя лучшія“ пожеланія.

— Тетка съ племянникомъ дерутся,—говоритъ мнѣ хо-

зяйка усталымъ отъ созерцательнаго наслажденія голосомъ,— Она его высватала. Послѣ Рождества, нынче зимой, свадьба была, а онъ къ женѣ равнодушенъ, все больше около винополіи сидитъ да въ карты съ перевозчиками играетъ, дома совсѣмъ не бываетъ. Это тетка его домой гнала. Только бабу молодую загубили. Какая ея жизнь теперь? Бьетъ онъ ее каждый день.

Къ вечеру вѣтеръ сталъ тише. Въ воздухѣ стало мягче и теплѣе. По деревенской улицѣ ходили дѣвушки и пѣли пѣсни. Около большихъ, двухъэтажныхъ избъ сидѣли болѣе солидные люди, щелкали орѣхи и вели солидные разговоры. Мимо одной изъ такихъ компаній проходитъ мужикъ.

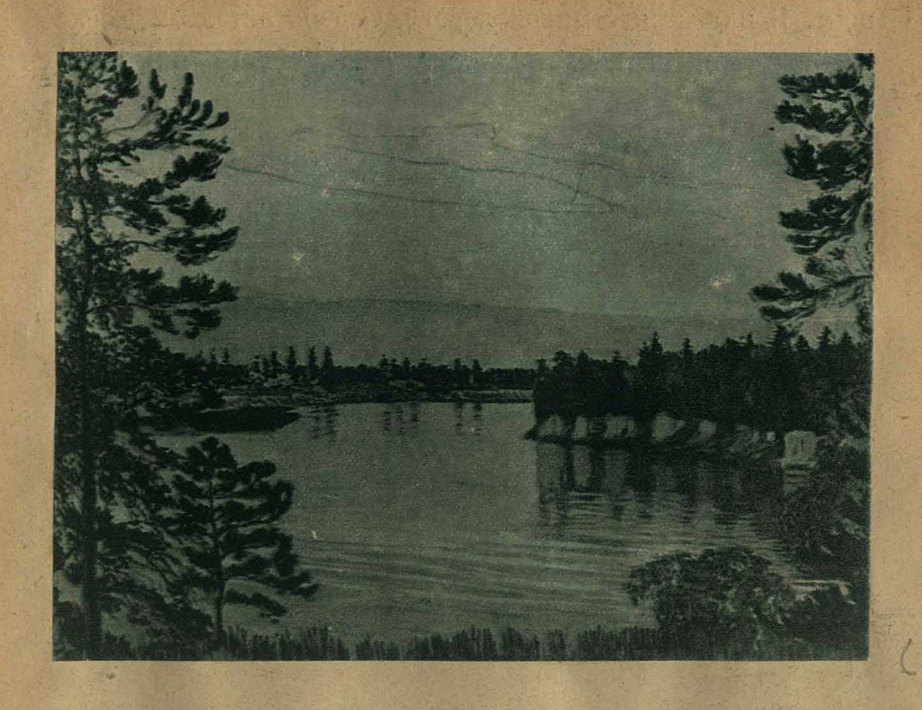
— Что же ты изъ гостей тверезый идешь?—спрашиваетъ ироническимъ голосомъ одинъ изъ солидныхъ людей.

— Нѣтъ, мы выпили,—отвѣчаетъ проходящій оправдывающимся, смущеннымъ тономъ.

По улицѣ проходитъ стражникъ. Онъ доставилъ раненаго въ больницу и успѣлъ уже вернуться. Походка его дѣловая и серьезная; такая походка бываетъ у полиціи, когда она идетъ исполнять свои полицейскія обязанности. Впереди стражника бѣжитъ озабоченная баба босикомъ, и, едва поспѣвая, бѣгутъ за стражникомъ три „няньки",—маленькія дѣвочки лѣтъ шести—семи,—у нихъ на рукахъ треплются младенцы, завернутые въ пестрыя одѣяла, бѣгутъ мальчишки, а поодаль слѣдуетъ нѣсколько солидныхъ людей.

— Что, опять что-нибудь случилось?—спрашиваю я.

— Крестьянинъ тутъ одинъ бунтуетъ,—отвѣчаетъ стражникъ,—двѣ рамы у себя въ дому выбилъ, самоваръ въ окно выбросилъ и швейной машинкой объ полъ ударилъ. Не было бы вредительства. Слышите, какъ оретъ? Ишь какой ораторъ завелся! Скажите, пожалуйста! Нынче поутру тетка его учить вздумала, наставляла его въ правильной, семейной жизни, да онъ убѣжалъ. Вернулся онъ домой, пришелъ въ гости къ нему дядя и началъ его палкой учить, какъ по-семейному себя вести слѣдуетъ. Ушелъ дядя, началъ этотъ мужикъ жену „учить". Вотъ и теперь „учитъ", слышите, шумъ

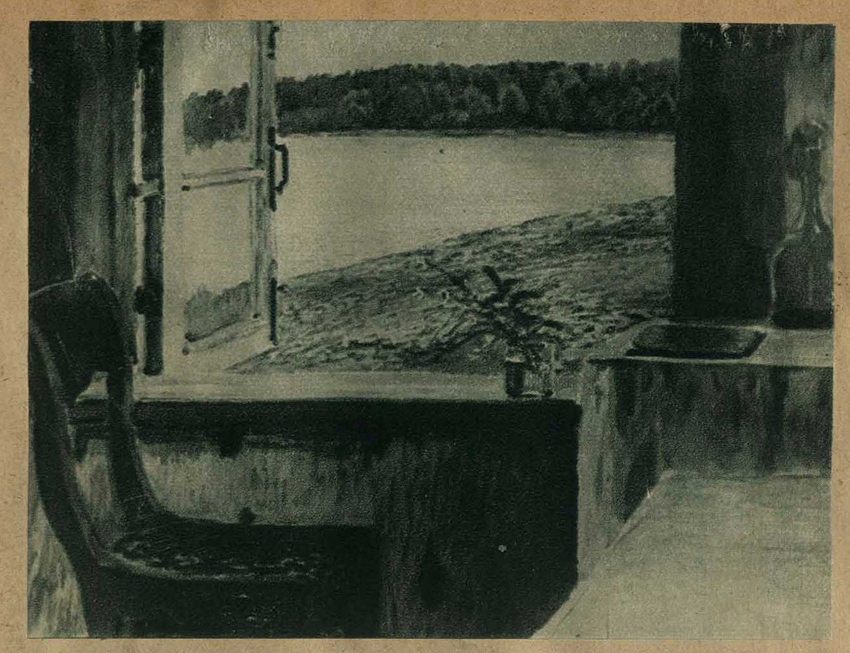
В. Переплетчиковъ Рѣка Пинега

какой. Надо поспѣшать, а то какъ бы вредительства не вышло.

Стражникъ прибавляетъ шагу. Баба босикомъ ушла далеко впередъ. Она, видимо, бѣгала приглашать стражника. За стражникомъ бѣгутъ няньки съ младенцами, мальчишки и поспѣшаютъ, сохраняя свою солидность, степенные люди. На другомъ концѣ деревни шумъ не прекращался: видимо, племянникъ продолжалъ „учить“ жену.

Вѣтеръ совсѣмъ стихъ, отъ вчерашней холодной бури не осталось и слѣда. Въ воздухѣ потеплѣло, запахло черемухой, тепломъ, мягкой погодой; надъ распаханными темными буграми летали бѣлыя чайки. Наступила свѣтлая сѣверная

ночь. Я иду по пустынной дорогѣ, селеніе осталось далеко позади. Въ душѣ еще живутъ впечатлѣнія вчерашняго дня: лиловая, злая Двина, измазанное кровью лицо плотовщика, съ безцвѣтнымъ, страшнымъ налетомъ смерти, глядѣвшей изъ его глазъ, и мнѣ кажется сейчасъ, среди тишины, что злые духи полночи, бывшіе здѣсь вчера, летятъ теперь гдѣ-то далеко и дѣлаютъ свое жестокое дѣло: сѣютъ холодъ и злобу въ природѣ и въ людяхъ... Сзади меня по дорогѣ слышны неясные женскіе голоса... Кто-то кричитъ въ оврагѣ: „Ѳедоръ! Гдѣ кони-то?“ Тонко звенятъ комары въ прозрачномъ воздухѣ ночи. Надъ распаханными темчыми буграми все время летаютъ бѣлыя чайки. Гдѣ-то далеко далеко на Двинѣ хлопаетъ колесами пароходъ... На горизонтѣ—тучи...

В. Переплетчиковъ — Моя комната въ Сійскомъ монастырѣ

НА ЛѢСНЫХЪ ОЗЕРАХЪ

I

У меня подъ окномъ, въ березовой аллеѣ живетъ какая-то птица, и когда мѣрно и печально звонитъ колоколъ старинныхъ монастырскихъ башенныхъ часовъ, эта птица каждый разъ отвѣчаетъ на звукъ колокола короткимъ пѣніемъ.

И разговоръ между колоколомъ и птицей идетъ цѣлый день. Изъ моего окна виденъ огородъ. На берегу озера, въ огородѣ—наклоненная женская фигура.

— А еще монахъ! — негодующе говоритъ наклоненная женская фигура. — И разговаривать съ тобой послѣ этого не стану!

— Ты сколько жалованья получаешь?—спрашиваетъ дѣ-

ланно, невинно и простодушно голосъ, видимо, „а еще монаха“.

— А тебѣ что за дѣло! Взаймы, что ли, попросить хочешь?

Шансы на продолженіе разговора у „а еще монаха“ окончательно потеряны, дѣло испорчено, и „а еще монахъ“ умолкаетъ.

Ближе звучитъ чей-то голосъ въ воздухѣ, между небомъ и землей; пахнетъ масляной краской,—это маляръ-послушникъ краситъ, стоя на высокой лѣстницѣ, стѣну того дома, гдѣ я живу, и поетъ.

Внизу жигаетъ коса горбуша. Настоятель приказалъ скосить траву около дома, чтобы ея не забрызгали краской. Пѣніе прекращается. Слышно чирканье спичкой, — это послушникъ закуриваетъ папиросу. Жиганье косы тоже прекращается.

— Ты откуда сама будешь? — спрашиваетъ „голосъ въ воздухѣ“.

— Я не здѣшняя я емецкая!—отвѣчаетъ молодой, звонкій „голосъ съ земли“.

— А мужъ у тебя далеко? — спрашиваетъ „голосъ въ воздухѣ“.

— У меня мужа нѣтъ, я - вольная!

— А...а-а-а!.. — произноситъ радостно „голосъ въ воздухѣ“, и въ этомъ „а-а-а!“ слышится, какія неожиданныя перспективы и надежды открыло ему это послѣднее извѣстіе.

Затѣмъ опять продолжается жиганье косы, пѣніе, голоса въ воздухѣ и сильнѣе пахнетъ масляной краской.

Изъ окна мнѣ видны кусокъ бѣлой монастырской стѣны, мостикъ на озерѣ; на мостикѣ молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ ловитъ рыбу. Онъ — длинный, худой и самъ похожъ на удочку. Клюетъ плохо. Онъ долго стоитъ неподвижно, затѣмъ собираетъ свои рыболовныя снасти и идетъ домой. Это — мой сосѣдъ по комнатѣ.

Мнѣ слышно, какъ онъ входитъ въ свою комнату, ставитъ удочки въ уголъ и отправляется къ дьякону. Въ ком-

натѣ отца дьякона въ ожиданіи самовара начинается урокъ пѣнія.

До, ре, ми, фа, соль, ля, си, — звучитъ какъ соборный колоколъ густой басъ дьякона, и въ этомъ басѣ тонетъ жидкій тенорокъ молодого человѣка. До, ре, ми! Ай!—слышенъ теноровый возгласъ молодого человѣка,—это дьяконъ тычетъ его пальцемъ въ бокъ. Пѣніе прерывается, слышенъ густой, басовый хохотъ дьякона. Урокъ начинается снова и часто прерывается звонкими теноровыми „ай, ай“ молодого человѣка.

Въ антрактахъ, когда пѣніе прерывается, слышны чьи-то шаги,—это въ своей комнатѣ ходитъ священникъ. Священникъ и дьяконъ сосланы сюда въ заточеніе,—невинно, какъ они говорятъ. Они обжаловали это рѣшеніе въ Синодъ, подчиняясь до времени распоряженію строгаго начальства.

Пѣніе кончилось. Начинается чистка сапогъ. Дьяконъ и молодой человѣкъ—великіе охотники до этого, тоже музыкальнаго, удовольствія. У каждаго своя вакса и щетка; они долго и усердно работаютъ въ четыре руки. По временамъ чистка прекращается, каждый ставитъ свой сапогъ на стулъ и молча любуется чистотой и блескомъ своей работы. Каждый что-то соображаетъ; затѣмъ чистка возобновляется еще отчаяннѣе.

Наконецъ, послушникъ Сергѣй приноситъ самоваръ, звякаетъ имъ о подносъ. Зовутъ батюшку: начинается чаепитіе.

Теперь — полная тишина. Чрезъ окно видны синѣющія ели на далекомъ, противоположномъ берегу. Бѣлая чайка летаетъ надъ озеромъ, монахъ идетъ по берегу. Кругомъ безконечныя цѣпи озеръ и необъятныя пространства сѣверныхъ дебрей. Благодаря обилію воды и лѣсовъ тишина и звуки тутъ какіе-то особенные.

Ударяетъ колоколъ къ вечернѣ. Степенной походкой, блестя свѣже вычищенными сапогами, проходитъ подъ моимъ окномъ молодой человѣкъ; веселой, размашистой походкой идетъ дьяконъ, проходитъ священникъ; выходятъ

богомольцы изъ противоположнаго страннопріимнаго дома,— всѣ спѣшатъ въ церковь...

Народъ—у вечерни. Кругомъ—полная тишина. Мѣрно и печально бьетъ колоколъ монастырскихъ часовъ, и, какъ всегда, ему отвѣчаетъ птица.

II

— Какъ-то, знаете, вотъ это... какъ-то такъ... живу, это, въ мірѣ,—не то, знаете. Ну, и тянетъ къ духовному, свѣтскаго какъ-то не люблю. Т.-е. говорю: папаша, хочу въ монахи постричься. Папаша, знаете, говоритъ: „Рано; молодъ еще очень“. Вижу какъ-то самъ, знаете, что молодъ. Повременю. Настоятель тоже благословляетъ повременить. Знаете, музыку люблю, на рояли играю; вотъ когда постригусь, фисгармонію заведу. Не подобаетъ монаху фортепіано. На гармоніи еще играю. Ну, гармонія монаху совершенно не подобаетъ. Мамаши у меня нѣтъ, одинъ папаша, — разсказываетъ мнѣ про себя молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ.

Я слушаю, гляжу на него и вижу, что онъ весь какой-то ненастоящій, весь чужой и сборный. Его носъ — какой-то чужой, словно съ другого лица. Глаза поставлены врозь и тоже чужіе. Руки и ноги — длинныя и нескладныя, какъ у молодого щенка, и онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бываютъ же такія негармоничныя наружности!

Костюмъ у него тоже несуразный: соломенная шляпа съ большими полями, небеснаго цвѣта, голубая рубашка, сѣрыя брюки, заправленныя въ ярко начищенные сапоги съ очень коротенькими голенищами. Онъ похожъ на „поселянина“ временъ Карамзина,—такими ихъ изображали на наивныхъ картинкахъ того времени.

Всѣ относятся къ молодому человѣку въ голубой рубашкѣ со смѣшкомъ.

Отецъ Андрей, вѣдающій порядокъ дома, гдѣ мы жи-

вемъ, когда говоритъ о молодомъ человѣкѣ въ голубой рубашкѣ, начинаетъ свою рѣчь презрительнымъ: „Ну, ужъ!“

— Ну, ужъ! Этотъ вашъ сосѣдъ, прости, Господи, говоритъ, говоритъ; думаешь: что ему нужно? Не важное ли дѣло какое? А выходитъ просто: самоваръ поставить проситъ. Пока поймешь, въ потъ броситъ!

Одинъ только послушникъ Сергѣй, прислуживающій въ этомъ домѣ всѣмъ намъ, относится къ нему ровно, мягко и не со смѣшкомъ.

Мнѣ иногда слышно, какъ они разговариваютъ за стѣной.

— Сережа,—спрашиваетъ шопотомъ молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ,—тебя дѣвушки любятъ?

Сергѣй испускаетъ звукъ не то носомъ, не то горломъ „х-х“, но, по всей вѣроятности, сопровождаетъ этотъ звукъ мимикой, потому что спрашивающій удовлетворенъ отвѣтомъ.

Послушникъ Сергѣй тоже интересенъ въ своемъ родѣ: онъ—небольшого роста, коренастый, на немъ — чужая скуфейка, размѣромъ больше, чѣмъ нужно, и потому она слѣзаетъ ему то на затылокъ, то на лобъ; длинная ряса со шлейфомъ съ чужого плеча; талія у рясы гораздо ниже того мѣста, гдѣ ей полагается быть, и огромные мужицкіе сапоги, тоже съ чужой ноги. Въ этомъ нарядѣ Сергѣй похожъ на крѣпкій лѣсной пень въ монашескомъ одѣяніи. Волосы у него прямые, желтаго цвѣта и похожи на мочалки. Онъ кривъ на одинъ глазъ, и, когда улыбается, ротъ у него приближается къ уху. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него всѣ черты лица свои, и даже чужой костюмъ какъ-то присталъ къ нему. Раньше Сергѣй состоялъ при монастырѣ въ должности ложкомоя, т.-е. мылъ ложки въ трапезной, недавно его повысили чиномъ, теперь онъ помогаетъ отцу Андрею ставить самовары и носить мнѣ обѣдъ и ужинъ изъ трапезной.

Отецъ Андрей тоже прибавляетъ къ его имени презрительное „Ну, ужъ!“ и освѣщаетъ его еще однимъ эпитетомъ: „деревенщина“.

— Ну, ужъ! Эта деревенщина, Сергѣй, къ вамъ въ келью боится ходить,—говоритъ мнѣ отецъ Андрей.

— Отчего?

— Боится зацѣпить за что-нибудь. У васъ тутъ картины. Вы видите, какъ ходитъ, деревенщина, чисто лошадь топаетъ.

Сергѣя всѣ считаютъ „деревенщиной“ и недалекимъ малымъ, а онъ не глупъ.

Иногда бываетъ очень выгодно человѣку „себѣ на умѣ“, когда его считаютъ недалекимъ. Какъ-то Сергѣй принесъ мнѣ обѣдъ изъ трапезной, поставилъ на столъ горшокъ съ кашей и сталъ смотрѣть на мою картину.

— Хочу купить у тебя эту картину,—говоритъ онъ мнѣ.

— А сколько дашь?

— 30 копеекъ!

— Помилуй, Сергѣй, да тутъ одной краски пошло больше, чѣмъ на 30 к. Очень дешево даешь!

— Ну, полтинникъ дамъ, а больше не могу.

Видимо, Сергѣй, несмотря на то, что онъ—„деревенщина“, не лишенъ эстетическихъ наклонностей.

— Что же, Сергѣй, — спрашиваю я, — нравится тебѣ въ монастырѣ?

— Ничего, нравится. Жизнь хорошая.

— Что же, потомъ въ монахи пострижешься?

— Нѣтъ, въ монахи не постригусь.

— Отчего?

— Баскія смущаютъ! (баскія—хорошенькія). Если монахомъ быть, такъ надо по-настоящему.

Онъ долго внимательно смотритъ на картину, потомъ уходитъ, осторожно топая своими огромными сапожищами. Черезъ нѣкоторое время, выглянувъ изъ окна, я увидѣлъ Сергѣя: онъ стоялъ на верхней ступенькѣ крыльца противоположнаго дома и тянулъ къ себѣ за одинъ бокъ корзину изъ-подъ угля, а за другой бокъ кокетливо тянула корзину къ себѣ молоденькая дѣвица въ бѣломъ платочкѣ. Въ томъ, какъ она тянула корзину, замѣчалась извѣстная доля благосклонности по отношенію къ Сергѣю, носъ котораго былъ

запачканъ углемъ. Они стояли нѣкоторое время неподвижно, съ улыбкой глядя другъ на друга.

Вдругъ раздались чьи-то шаги по коридору. Дѣвица, вырвавъ корзину, моментально скрылась за угломъ, а Сергѣй, поглядѣвъ на небо и облегчивъ свой носъ безъ помощи носового платка, сдѣлалъ серьезное лицо, сошелъ солидно съ крыльца и пошелъ быстрой дѣловой походкой исполнять свои обязанности. На крыльцо изъ коридора вышелъ отецъ Андрей,—онъ ничего не замѣтилъ.

III

Молодой священникъ, который сосланъ вмѣстѣ съ дьякономъ въ этотъ отдаленный монастырь, скучаетъ по своей семьѣ.

Послѣ долгой вечерней службы мы сидимъ на бревнѣ у озера.

— Знаете,—говоритъ онъ мнѣ,—я въ священники-то пошелъ добровольно, по убѣжденію, — мнѣ хорошая свѣтская карьера открывалась. Не предполагалъ, что будетъ такъ трудно. Я когда-то мечталъ, — да и теперь, признаться, иногда мечтаю, — чѣмъ должна бы быть церковь. Зданіе должно быть отличной архитектуры. Образа должны быть свѣтлые, радостные. О музыкѣ мечтаю: должны быть арфы, трубы, органъ, красивое пѣніе; послѣ богослуженія проповѣдь свободная, бесѣды; каждый въ церковь приходитъ со своими нуждами: кому помощь матеріальная нужна, кому—утѣшеніе; послѣ обѣдни — трапеза для бѣдныхъ. Знаете, должно быть свободное богослуженіе!.. Я такъ понимаю церковь.

И когда онъ говорилъ, надъ озеромъ летѣлъ ангелъ. Ангелъ былъ изъ облаковъ на фонѣ лиловой тучи. Весь сѣро-серебряный, онъ тихо поднимался надъ спокойнымъ, вечернимъ озеромъ, надъ безконечными лѣсами; онъ становился все больше и больше, потомъ развернулся въ толпы

херувимовъ съ маленькими крыльями. Херувимы летѣли выше и выше, пока, наконецъ, не превратились въ смиренную, простую облачную полосу въ самомъ зенитѣ неба.

Мы оба молча глядѣли на небо, и свободное богослуженіе, которое сейчасъ совершалось въ природѣ, было еще прекраснѣе того, о которомъ мечталъ священникъ.

Священника очень волнуютъ наши съ нимъ разговоры по вечерамъ, и онъ долго потомъ не спитъ ночью. Онъ боится теперь разволноваться и отправляется домой, а я иду по длинному, прямому, какъ стрѣла, монастырскому шоссе, дохожу до перекрестка на большой дорогѣ. При свѣтѣ теплой бѣлой ночи лѣса, дорога, кусты, все кажется призрачнымъ, невещественнымъ и нереальнымъ. Далеко въ деревнѣ на озерѣ вдругъ залаяли собаки. На кого они лаютъ? Кто-то ѣдетъ. По мосту глухо простучала телѣга. Тонко звучитъ комаръ надъ ухомъ. Шумитъ монастырская мельница. Просвистала ночная птица. Кто-то далеко въ деревнѣ кричитъ: „Ваня... я... Ваня... я-я!“

Вотъ опять отчаянно залаяли собаки. Облака плывутъ надъ соснами. Пролетаетъ бѣлая ночная бабочка. Кто-то ѣдетъ... ближе... ближе... По пустынной дорогѣ пробѣгаютъ три собаки, – двѣ сѣрыхъ и одна бѣлая... Какъ странно! Въ сумеркахъ лѣсной дороги онѣ не похожи на собакъ, а такъ— пятна... два сѣрыхъ и одно бѣлое; сзади, очевидно, ѣдетъ хозяинъ. На меня собаки не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Это на нихъ такъ неистово лаяли деревенскіе псы. Иду дальше. Прохожу деревней, деревня спитъ; одно окно забыли затворить. Собака посмотрѣла на меня и не залаяла. Иду мимо мельницы, она работаетъ; около стоятъ лошади и жуютъ сѣно.

Оборачиваюсь назадъ: надъ озеромъ—ночныя тучи, теплый вѣтерокъ, и озеро все серебряное.

Возвращаюсь домой. Проходя по коридору, я вижу, какъ открывается дверь чулана, кто то смотритъ на меня изъ темноты, затѣмъ рокочетъ сдержанный, густой басъ дьякона:

— Это—вы? А я въ чуланъ отъ комаровъ спрятался.

Мой сосѣдъ, молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ, еще не спитъ. Онъ шуршитъ бумагой какъ мышь, безпокойно возится и, видимо, что-то мастеритъ. Затѣмъ начинаетъ вбивать гвоздь въ стѣну. Вбиваетъ долго и громко, затѣмъ долго вытаскиваетъ этотъ гвоздь изъ стѣны, расправляетъ его молоткомъ и опять заколачиваетъ. Потомъ начинаетъ заколачивать другой гвоздь.

„Совсѣмъ несоотвѣтствующее ночному времени занятіе",— думаю я, стараясь заснуть.

IV

На другое утро—чрезвычайно деликатный стукъ въ дверь моей комнаты.

— Взойдите!

Входитъ дьяконъ и молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ.

— Я, кажется, знаете, какъ-то обезпокоилъ васъ своимъ стукомъ этой ночью. Извините,— говоритъ мнѣ молодой человѣкъ.

— Обезпокоилъ!—заливается басомъ дьяконъ.—Ха-ха-ха! Всѣхъ насъ-то въ домѣ перебулгачилъ! Ему по ночамъ скучно, не спится, — онъ для веселья въ стѣну гвозди заколачиваетъ.

— А вы, я вижу, отецъ дьяконъ, тутъ не скучаете?— говорю я.

— Каждыя сутки пять рублей теряю отъ того, что не служу, — отвѣчаетъ со вздохомъ дьяконъ — А то ничего. Вездѣ жить можно! Вотъ только неладно у меня въ семействѣ: дѣти въ скарлатинѣ. Просился дѣтей навѣстить,— владыка отказалъ. Ну, да, авось, Богъ дастъ, все устроится. Я не унываю, духъ у меня бодрый. Недавно меня въ газетѣ прописали. Такъ и прописали, что басъ у меня замѣчательный. Отбуду ссылку. Если не полажу съ начальствомъ, въ

другое мѣсто переведусь. Съ этакимъ басомъ меня вездѣ съ удовольствіемъ возьмутъ. А дѣти! Дѣти, Богъ дастъ, поправятся! Ну, до свиданья! Къ обѣднѣ ударяютъ.

День сегодня чудесный, тихій. Надъ озерами и безконечными лѣсами встаютъ высокія, бѣлыя облака. Я добрался до монастырской мельницы и сижу на бревнахъ около воды. Рядомъ старый, сѣдой монахъ-мельникъ, весь бѣлый, засыпанный мукой, вяжетъ березовые вѣники для монастырской бани. Мельница тоже засыпана мукой и кажется серебряной на серебристомъ фонѣ озера. Она живая,—въ ней глухо гудятъ жернова, и она вся дрожитъ.

— А ну-ка, отецъ,—говорю я монаху,—перевези меня на лодкѣ къ монастырю.

Онъ не обращаетъ на мои слова ни малѣйшаго вниманія.

— Да ты ему въ ухо шибче кричи,—говоритъ мнѣ мужикъ,—онъ—глухой, ничего не слышитъ.

— Перевези, отецъ, къ монастырю!—кричу я ему на ухо.

— А! Къ монастырю? Погоди, вотъ вѣники довяжу, тогда и поѣдемъ! Вѣники въ баню повезу и тебя кстати захвачу.

Я жду довольно долго, а потомъ мы плывемъ по тихому озеру. Маленькая лодка сильно нагружена вѣниками, отъ борта до воды — одинъ вершокъ. На кормѣ сидитъ бѣлый, глухой монахъ и гребетъ однимъ весломъ; весло оставляетъ тонкую струйку воды за кормой. Свѣтитъ теплое солнце, все небо задернуто свѣтлой серебряной мутью.

Большія, бѣлыя облака высоко поднялись надъ берегами и удлиненно отражаются въ водѣ. Все теперь бѣлое: бѣлѣетъ монастырь, къ которому мы теперь плывемъ, бѣлѣютъ облака, вода тоже бѣлая, и только синяя кайма лѣсовъ по берегамъ да зеленые вѣники въ лодкѣ нарушаютъ эту бѣлую гармонію. Съ нами ѣдутъ пассажиры: это — слѣпни и оводы. Они надоѣдали на берегу, надоѣдаютъ и тутъ, на водѣ.

Подъѣзжаемъ къ берегу; на берегу сидятъ двѣ фигуры: одна сѣрая, другая—голубая. Это—священникъ и молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ.

— Погода хороша,—говоритъ батюшка.—Мы вотъ обѣдню отстояли, потрапезовали, а теперь наслаждаемся.

— Да, знаете, благодать большая, — говоритъ молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ. — Сегодня служба была длинная, торжественная; манифестъ читали: Думу распустили, депутатамъ отъ мѣстъ отказали и разочли. Монашество принять желаю; вотъ все объ этомъ съ батюшкой бесѣдуемъ.

У батюшки въ глазахъ бѣгаютъ веселые огоньки, когда онъ слушаетъ молодого человѣка въ голубой рубашкѣ.

— Что жъ,—говорю я, это неплохо: тутъ хорошо быть монахомъ; здѣсь тихо, спокойно. Дадутъ вамъ келью окномъ на озеро. Заведите себѣ лѣтомъ рясу бѣлую; есть такая матерія, теперь она дешева,—fin de siècle называется; изъ нея непремѣнно рясу себѣ сшейте; будете ходить весь бѣлый, свѣтлый, радостный.

Молодому человѣку, видимо, пріятенъ этотъ разговоръ; онъ радостно улыбается.

Идемъ пить чай. За чаемъ молодой чаловѣкъ въ голубой рубашкѣ опять возвращается къ разговору о монашествѣ.

— Вотъ вы,—говоритъ онъ мнѣ,—тамъ, на берегу, о монашествѣ говорили, потомъ о мамзеляхъ...

— Что? Когда? Батюшка, будьте свидѣтелемъ: когда я о мамзеляхъ говорилъ?

— А-а а... финь, финь?..

— Fin de siècle! Да вѣдь это—матерія, а не мамзель.

— А я думалъ мамзель.

Батюшка быстро ставитъ блюдце съ чаемъ на столъ, выскакиваетъ изъ за стола и бросается на диванъ.

— Охъ, не могу! Охъ, не передъ добромъ я такъ смѣюсь! Охъ, батюшки! Охъ-хо-хо!..

— Что у васъ тутъ такое?—спрашиваетъ дьяконъ, открывая дверь.

— Да я какъ-то, знаете, спутался: матерію за мамзель принялъ,—сконфуженно говоритъ молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ.

— Ничего, это бываетъ, — говоритъ дьяконъ. — Что на умѣ, то и на языкѣ.

Молодой человѣкъ недоволенъ своей оплошностью и серьезно допиваетъ свой чай.

V

Жара. Слѣпни, оводы. Я ѣду изъ монастыря въ дальнюю деревню по песчаной лѣсной дорогѣ.

Дорога идетъ по перешейку наверху горы; внизу, сквозь стволы вѣковыхъ деревьевъ, съ той и другой стороны блестятъ озера. Пахнетъ гарью... сильнѣе... сильнѣе. Въѣзжаемъ въ лѣсной пожаръ; ѣдкій рыжій дымъ; деревья кажутся лиловыми; огонь лижетъ внизу сухую траву, хворостъ. Дышать тяжело. Миновали пожаръ; лѣсъ сталъ рѣже, дорога пошла подъ гору; переправились черезъ быструю рѣчку и въѣхали въ деревню Останавливаемся у большой избы. Хозяинъ дома пьетъ чай съ какимъ-то проѣзжающимъ. Въ избѣ чисто, по стѣнамъ—печатныя картинки. Хозяинъ важенъ, и не безъ основанія: онъ два раза былъ въ Москвѣ и одинъ разъ, какъ онъ говоритъ, — „въ Русалими“ и видѣлъ Константинополь.

— Ты зачѣмъ въ Москву ѣздилъ?—спрашиваю я его.

— Да, можетъ, слыхали, Перхуновъ есть такой, торговецъ у насъ. Такъ онъ въ Москву жениться ѣздилъ.

— Что жъ, невѣсту оттуда бралъ?

— Нѣтъ, и невѣста тутошняя, да братья ему жениться не позволяли, и попы у насъ подъ запретомъ были. Вѣнчать не хотѣли. Ну, и поѣхалъ онъ въ Москву, а я—какъ бы его слуга... что ли...

— А почему жениться ему братья не позволяли?

— Да ему 60 лѣтъ было, а ей 20. Вы сами откеда?

— Изъ Москвы.

— А а. Хорошее дѣло. Въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя богатъ наружностью. Наружность у него богатѣйшая.

Вотъ у Исаковской церкви въ Петроградѣ никакой наружности нѣтъ.

— Совершенно, вѣрно, — вступаетъ въ разговоръ проѣзжающій.—Это и нашему брату замѣтно, хоть я—и крестьянинъ, ну, поторговываешь, ѣздишь, виды видаешь.

— Чѣмъ торгуете?

— Да всѣмъ: сапогами, мыломъ, бумагой, лимонами, дегтемъ, колбасой, ситцемъ,—всѣмъ, что нужно въ деревнѣ.

— Значитъ, вы—деревенскій Мюръ и Мерилизъ?

— Ха-ха!.. Да, Мюръ и Мерилизъ. Только труба пониже, да дымъ пожиже. Торгуемъ правильно, народъ не обижаемъ, продаемъ по-божески.

Черненькіе глаза у Мюра и Мерилиза посажены глубоко, носъ слегка сизый.

— Вотъ только съ полиціей не лажу, не любитъ она меня,—говоритъ Мюръ и Мерилизъ.—Взятокъ не даю, зато и придирается. Зданіе выстроилъ—нашли незаконнымъ. Подалъ въ судъ, нашелъ права и указалъ, что вѣрно. Зато въ лицѣ окружающихъ всталъ великимъ. Для каждаго дѣла нужно свою тахтику имѣть. Водка меня маленечко подпорчиваетъ. Десять лѣтъ въ Петроградѣ прожилъ, онъ меня и испортилъ, а то бы героемъ былъ. Я—крестьянинъ выдающій... Несмотря! (слово „несмотря" употреблено для показанія образованности; онъ поймалъ это слово у культурныхъ людей).

Очéнь довольный самимъ собой, Мюръ и Мерилизъ солидно молится Богу, прощается, влѣзаетъ въ телѣжку и уѣзжаетъ по своимъ дѣламъ.

Я сажусь рисовать подъ окномъ того дома, гдѣ пилъ чай. Около меня — клубъ: сошлись мужики, бабы, дѣвки, ребята. Жарко. Пожаръ въ лѣсу, за рѣкой; разгорается сильнѣе и сильнѣе. Иногда валитъ бѣлый дымъ, иногда черный. Лѣвѣе вспыхнулъ другой пожаръ, теперь два дыма.

— Завтра полѣсовщики пріѣдутъ народъ сгонять—будутъ пожаръ тушить,—говоритъ голосъ изъ толпы.

— Что жъ сегодня-то тушить добровольно сами не идете?—спрашиваю я.

— Чего добровольно-то итти; погонятъ—и пойдемъ. Ишь, ишь, какъ идетъ; это—общественный горитъ.

— Нѣтъ, казенный,—говоритъ другой голосъ.—А ужъ къ нашему подходитъ. Эхъ, дождя нѣтъ! Для ржи дождя бы надо. А плантъ-то у тебя выходитъ, господинъ, сходственный.

Народъ расходится. Вечерѣетъ; тѣни избъ стали длиннѣе.

Изъ избы мнѣ слышенъ голосъ моего ямщика; онъ читаетъ по-складамъ:

— Ва... ви.. лон... ская баш... ня... Еще существуетъ?

— Существуетъ,—отвѣчаетъ голосъ побывавшаго въ „Русалими".

— И ты видѣлъ?

— Видѣлъ.

— А-а, Господи!

Тишина. Пожаръ разгорается все больше и больше. Дымы соединились, и теперь надъ лѣсомъ огромная арка изъ дыма.

Плотники стучатъ топорами,—строятъ дымъ попу. Голуби ходятъ близко около меня и иногда взлетаютъ, звеня крыльями.

Внизу, по теченію рѣки, быстро несутся бревна; это вверху рубятъ лѣса. Бревна кажутся живыми. Кажется, что они плывутъ по очень нужному дѣлу и торопятся.

Пора ѣхать обратно. Переправляемся черезъ рѣку, поднимаемся въ гору, ѣдемъ лѣсомъ; въ лѣсу стало прохладно. Въѣхали въ лѣсной пожаръ; всѣ деревья теперь синія; дымъ—желтый. Пожаръ давно остался позади. Наступаетъ теплая, бѣлая, сѣверная ночь. По бокамъ дороги—столѣтнія ели; внизу цвѣтетъ шиповникъ. Обгоняемъ странниковъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваю я ямщика.

— Антонъ.

— А какъ ваше христіанское имя?—спрашиваетъ онъ меня.

— Василій.

— А по батюшкѣ.

— Васильевичъ.

— Вотъ, Василій Васильевичъ, жить трудно. Семья у насъ большая,—пошелъ въ работники. Живемъ-живемъ; то нужно, другое нужно, а помремъ,—руки къ сердцу, и ничего-то намъ не надо. Вонъ странники идутъ съ котомками, съ удочками. Хорошо имъ, вольно. Остановится у озера, рыбки половитъ, уху себѣ сваритъ. Вонъ, смотрите: у озера костеръ горитъ, котелокъ привѣшенъ: странникъ уху себѣ готовитъ. Похлебаетъ ушки, заснетъ тутъ же. Ночь теплая, погожая. Ишь какъ шиповникъ-то пахнетъ. Господи, какъ хорошо! Вольные люди, мы—подневольные.

Наконецъ, я дома. Всѣ спятъ; только въ комнатѣ моего сосѣда, молодого человѣка въ голубой рубашкѣ, раздается монотонный, ровный голосъ. Такъ читаютъ надъ покойниками читалки-монашенки.

Что это? Неужели покойникъ? Нѣтъ, это моему сосѣду не спится, и онъ по совѣту настоятеля читаетъ вслухъ Псалтирь.

Это чтеніе напоминаетъ о смертномъ часѣ, о покойникѣ,— думаю я, стараясь заснуть,—но все же гораздо спокойнѣе, чѣмъ заколачиваніе гвоздей въ стѣну.

„Аще возму крылѣ своя рано и вселюся въ послѣднихъ моря“,—слышится мнѣ сквозь сонъ изъ-за стѣны. И вспоминаются крылья того облачнаго ангела, котораго мы со священникомъ видѣли надъ озеромъ.

VI

Какъ-то съ вечера раскричались чайки надъ озеромъ; кричали долго, нервно и безпокойно, а на другой день, утромъ, потянулъ свѣжій вѣтеръ съ сѣверо-запада. Изогнувшись, какъ бы тайкомъ, бѣжали надъ лѣсами низкія, грязныя, какъ фабричный дымъ, облака: это океанъ дохнулъ

сыростью и холодомъ съ сѣвера. Навстрѣчу смѣлымъ взмахомъ летѣли южныя облака: серебряные юноши съ крыльями, бѣлыя фигуры женщинъ съ длинными волосами. Все это быстро неслось другъ на друга. Рванулъ сильный вѣтеръ, и въ воздухѣ надъ озеромъ и лѣсами начался бой облаковъ. Побѣдили темныя... Подулъ полуночникъ, — вѣтеръ съ сѣвера. Косой, холодный ливень задернулъ почернѣвшіе лѣса того берега. Только иногда, на короткое время, прорывало солнце быстро несущіяся облака, ливень прекращался, вся природа сіяла мгновеннымъ, блестящимъ мокрымъ солнечнымъ свѣтомъ, а потомъ опять уходила въ сѣрый, тоскливый мракъ, и косой, крупный дождь лилъ еще сильнѣе.

По монастырской дорогѣ веселые звонки—ближе, ближе. Кто это въ такую погоду? Къ крыльцу противоположнаго дома лихо подлетаетъ высокій возъ, запряженный тройкой и покрытый чѣмъ-то темнымъ. Возъ живой: онъ шевелится; изъ-подъ крышки вылѣзаетъ баба, потомъ молодой человѣкъ, весь буквально въ грязи: лицо, руки, ноги,—мѣста живого нѣтъ; еще молодой человѣкъ, еще, еще, еще. Боже мой! Сколько ихъ! Они во время ливня легли въ повозку другъ на друга, закрылись сверху непромокаемыми плащами, и оттого казалось, что это—большой возъ съ товаромъ. Раздался музыкальный стонъ,—оказывается, пріѣхала большая гармонія „тальянка". Раздался музыкальный звонъ,—пріѣхали балалайки; всѣ прибывшіе—пьяны, но стараются по возможности твердо стоять на ногахъ; кому это трудно, тѣ прислоняются къ стѣнѣ. Кто-то остался въ повозкѣ и спитъ непробуднымъ сномъ,—видны большіе болотные сапоги на сѣнѣ.

Раздается топотъ великаго множества ногъ по нашей лѣстницѣ. Компанія перебирается къ намъ.

Слышно щелканье ключа: это заперся у себя въ комнатѣ мой сосѣдъ, молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ. Затѣмъ изъ-за стѣны я слышу его осторожный голосъ:

— Василій Васильевичъ, запритесь!

— А что?

— Какъ бы чего не вышло!

— Обѣда нѣтъ!—раздается въ коридорѣ строгій голосъ отца Андрея.—Келарь спитъ. Самовара? Самоваровъ пьянымъ не подаемъ!

— Да вѣдь мы—богомольцы, — говоритъ чей-то пьяный голосъ.

— Ты въ зеркало на себя посмотри, какой ты богомолецъ, прости Господи!—возражаетъ отецъ Андрей.

Въ коридорѣ—смущенное молчаніе; затѣмъ начинается выборъ депутаціи къ игумену съ просьбой о чаѣ.

У меня подъ окнами, стараясь сохранить трезвость походки, проходятъ къ игумену „депутаты"; сзади нихъ бѣжитъ послушникъ Сергѣй; онъ старательно обѣгаетъ лужи, держа по-дамски полы своей длинной рясы.

Въ моей комнатѣ начинаетъ чуть-чуть пахнуть виномъ; въ коридорѣ этотъ запахъ гуще. Мой сосѣдъ притаился въ своей комнатѣ, и его не слышно.

Черезъ нѣкоторое время „депутаты" возвращаются. Сергѣй сообщаетъ отцу Андрею резолюцію настоятеля: игуменъ пьянымъ самовара давать не велитъ.

„Депутаты" жалуются на погоду, объясняютъ, что „выпимши" они по случаю холода и сырости, умоляютъ о чаѣ, чтобы согрѣться. Вся компанія дѣйствительно промокла до костей.

Сжалившійся отецъ Андрей соглашается, наконецъ, дать самоваръ съ условіемъ, что послѣ „самовара" вся компанія немедленно удалится.

Чай оконченъ. Повеселѣвшіе „богомольцы" размѣщаются въ экипажѣ съ нѣкоторымъ музыкальнымъ звономъ: звонятъ балалайки; съ своей стороны подаетъ голосъ гармонія. Они долго укрываются плащами сверху. Возъ принимаетъ первоначальный видъ. Лошади подхватили, звонки зазвонили,—только мы ихъ и видѣли.

Раздалось щелканье ключа: это мой сосѣдъ отперъ свою дверь. Опасность миновала!

На другой день, утромъ, стукъ въ дверь моей комнаты.

— Войдите!

Входитъ молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ, осторожно, кончиками пальцевъ онъ держитъ за уголъ какую-то брошюрку, видимо, боясь осквернить свои руки.

— Что такое у васъ?—спрашиваю я.

— Да вотъ подъ дверь вчера мнѣ эту книжку подсунули. На полу нашелъ!

— Кто подсунулъ?

— Да, флажники!

— Какіе флажники?

— А вотъ которые вчера сюда пьяные пріѣзжали!

— А почему вы ихъ флажниками называете?

— Да они во время революціи по городу съ красными флагами ходили; я нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтилъ тогда.

— А брошюра эта какая?

— Еретическая! Жизнь Ѳеодосія Косаго! Да вотъ не знаю какъ-то, что съ ней дѣлать: бросить въ помойную яму или сжечь. Что вы мнѣ посовѣтуете?

— Я въ еретическихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Посовѣтуйтесь лучше съ настоятелемъ,—говорю я ему.

Молодой человѣкъ отправляется совѣтоваться съ настоятелемъ.

VII

Сегодня большой праздникъ. Изъ окрестныхъ деревень, дальнихъ и близкихъ, пріѣхало въ монастырь много народа. Всѣ у обѣдни. Около моего дома и дальше по березовой аллеѣ стоятъ запряженныя въ телѣги крестьянскія лошади съ бубенцами и колокольчиками. Лошади, стоя, махаютъ головами. Идетъ неумолкаемый, свѣтлый перезвонъ колокольчиковъ и бубенцовъ.

Ударили къ „Достойнѣ“, и всѣ перезвоны потонули въ густомъ, тягучемъ гудѣніи большого монастырскаго колокола. И когда послѣдніе звуки его волнами таяли въ воздухѣ, опять выплывали свѣтлые, серебряные перезвоны бу-

бенчиковъ. Среди тепла, тишины и хорошей погоды вставало въ душѣ радостное, праздничное настроеніе, такое, какое бывало лишь въ далекомъ дѣтствѣ. Веселый дружный звонъ большихъ колоколовъ; обѣдня кончилась. Народъ степенно идетъ изъ церкви. Блестя ярко вычищенными сапогами проходитъ молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ, весело идетъ отецъ дьяконъ, идетъ священникъ. Молодой человѣкъ смущенъ и озабоченъ, и всѣ трое что-то серьезно обсуждаютъ. Очевидно, случилось что-то важное...

— Случай-то какой!—говоритъ отецъ дьяконъ, входя ко мнѣ въ комнату,—Вотъ онъ, вашъ сосѣдъ, себя за упокой записалъ; его нынче за обѣдней какъ усопшаго поминали.

— Какъ такъ?—спрашиваю я.

— Да я бумажки перепуталъ, — говоритъ сконфуженно молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ изъ-за спины дьякона.

— Написалъ себя, папашу, тетокъ на одной бумажкѣ, на другой — усопшихъ. Перепуталъ, знаете, какъ-то. Усопшихъ за здравіе помянули, а меня, папашу, тетокъ – за упокой. Не знаю, какъ теперь быть,—очень непріятная исторія.

— Ну, пойдемъ чай пить! – говоритъ ему дьяконъ, хлопая его по плечу.– Все равно теперь дѣла не поправишь,— думай, не думай!..

А послѣ трапезы у меня подъ окномъ на крыльцѣ идутъ праздничные разговоры. Рѣчь, видимо, идетъ обо мнѣ:

— Ты говоришь, что дѣло его трудное! Ты хорошенько объ этомъ подумай, елова голова, сидитъ это онъ на стульцѣ околъ озера или въ лѣсу, пишетъ себѣ, горя ему мало, а нашъ братъ, маляръ, краситъ крышу или кумполъ; чуть зазѣваешься, какъ разъ съ крыши слетишь или съ кумпола, тутъ тебѣ и каюкъ! Елки зеленыя! А ты говоришь: труднѣе его дѣло, чѣмъ наше малярное! Ты промозгуй это хорошенько про себя, а потомъ и говори, елова голова!..

Отъ веселаго звона колоколовъ, отъ тепла, свѣта и тишины весь день и кругомъ въ душѣ было музыкальное праздничное настроеніе. Когда настала предвечерняя тишина, въ лѣсу беззвучно пѣли цвѣты, пѣли деревья, тонко звеня,

пѣли комары и мошка, пѣлъ душистымъ запахомъ дикій шиповникъ. Лѣнивопо звякивали колокольцы обратнаго ямщика. Шли шагомъ лошади по пустынной лѣсной дорогѣ, и онъ самъ, лѣниво развалясь въ повозкѣ, пѣлъ: „И отъ нея я пастрадалъ... И отъ нея я пастрадалъ".

Гдѣ-то далеко-далеко за озеромъ куковали двѣ кукушки разомъ.

VIII

Мой сосѣдъ, молодой человѣкъ въ голубой рубашкѣ, уѣхалъ. Въ монастырѣ онъ рѣшительно со всѣми переговорилъ о томъ, постригаться ли ему въ монахи, или нѣтъ; теперь онъ объ этомъ же уѣхалъ бесѣдовать съ отцомъ и тетками. За стѣной—тишина, и по ночамъ я больше уже не слышу чтенія псалтири. Какъ-то возвращаясь домой и проходя по коридору, я увидѣлъ дверь сосѣдней комнаты полуотворенной, и оттуда слышался равномѣрный звукъ пилы. Я прислушался. Оказывается, кто то спалъ крѣпко-крѣпко и испускалъ носомъ основательный, твердый звукъ. Звукъ былъ равномѣрный, рѣзкій и настойчивый. „Ишь какъ работаетъ!—думаю я часа три спустя!—Неужели не устанетъ?"... А звукъ продолжался весь день, весь вечеръ и всю ночь. Такъ же равномѣрно, твердо и настойчиво. На другой день, утромъ, у сосѣда было тихо. На дворѣ моросилъ дождь, и кто-то подъ зонтикомъ прошелъ мимо моихъ оконъ къ обѣднѣ. Мнѣ видны изъ-подъ зонта желтовато-песочнаго цвѣта подогнутыя брюки и новыя калоши. „Должно быть, это мой сосѣдъ", — подумалъ я. Обѣдня еще не кончилась, а я слышу грузный топотъ множества ногъ по нашей лѣстницѣ: что-то несутъ и идетъ много народа. Внизу подъ окномъ, у крыльца, столпились темныя фигуры монаховъ въ высокихъ клобукахъ и ждутъ подъ дождемъ очереди, чтобы взойти по лѣстницѣ.

— Что случилось?—спрашиваю я въ коридорѣ монаха,

— Вашъ сосѣдъ моментальной смертью скончался, сейчасъ въ монастырскихъ воротахъ подняли.

Маленькая сосѣдняя комната полна монаховъ. Отъ того, что монахи въ клобукахъ и стоя почти касаются своимъ головнымъ уборомъ потолка, комната кажется еще ниже. На диванѣ лежитъ человѣкъ съ сѣрымъ лицомъ въ новыхъ запачканныхъ грязью калошахъ. У стѣны—зонтикъ; съ зонтика стекаетъ вода. Всѣ стоятъ молча.

— Надо опись вещей сдѣлать, которыя остались послѣ покойнаго,—говоритъ настоятель...

— Денегъ нѣтъ ли?

Отецъ казначей собирается описывать вещи, но перо въ его толстыхъ, корявыхъ пальцахъ пишетъ плохо и не слушается.

— Не хотите ли, я перепишу вещи?—предлагаю я.

Казначей съ удовольствіемъ соглашается.

Предо мной серебряные часы съ цѣпочкой и массой брелоковъ... Часы, цѣпочка и брелоки—все это грубо и некрасиво. Кошелекъ,—въ немъ немного денегъ,—тоже грубый и некрасивый. Портсигаръ металлическій, аляповатый, тоже некрасивый, плэдъ тоже некрасивый. Этотъ человѣкъ съ сѣрымъ лицомъ, лежащій теперь на диванѣ, любилъ некрасивыя вещи.

Пустая бутылка изъ-подъ пива, стаканъ, нумеръ „Будильника", разсыпанныя папиросы на столѣ безъ скатерти придаютъ комнатѣ безпорядочный, неуютный, будничный видъ. Скрипитъ отъ вѣтра незакрытое окно и шумятъ мокрыя березы въ монастырской аллеѣ.

Вещи переписаны. Настоятель приказываетъ послать за становымъ. Монахи молятся и молча, потихоньку выходятъ изъ комнаты.

Пріѣхалъ приставъ. Онъ пьетъ чай, закусываетъ, потомъ допрашиваетъ дѣвушекъ, работавшихъ въ огородѣ и видѣвшихъ, какъ упалъ въ монастырскихъ воротахъ человѣкъ, любившій некрасивыя вещи. Послѣ допроса дѣвушки уходятъ. Приставъ ходитъ нѣкоторое время по своей комнатѣ и затѣмъ стучится въ мою дверь.

— Очень пріятно познакомиться, — говоритъ мнѣ приставъ.—Встрѣчалъ вашу фамилію въ газетахъ! Наши мѣста списывать пріѣхали? Очень пріятно!

— Садитесь, пожалуйста!—говорю я.

— Случай-то какой! — говоритъ приставъ. — Сосѣдъ-то вашъ! Тю, тю!..

— Все по вашей спеціальности?—говоритъ онъ, окидывая полицейскимъ взоромъ названія книгъ, лежащихъ на столѣ.—Папиросочку не угодно ли?—предлагаетъ онъ мнѣ, раскрывая портсигаръ.

— Благодарю васъ, я только свои курю!..

— Да это и не мои, я тоже свои собственныя предпочитаю,—эти послѣ покойника остались, еще его набивки, насыпныя! Да вотъ какая служба-то у насъ! Только что изъ уѣзда къ себѣ домой пріѣхалъ, отдохнуть не успѣлъ,—пожалуйте въ монастырь: скоропостижная смерть. Охо-хо-хо!.. Служба здѣсь тяжелая, а все лучше, чѣмъ на Мурманѣ. Тамъ хуже. Плавали, помню я, разъ мы по океану: пароходикъ маленькій, трепало насъ, не приведи Господи! Сошли на берегъ, въ становище. Холодище страшный! Легли мы спать на одной постели съ однимъ поморомъ. Печку натопили здорово. Угорѣли оба. Я ближе къ двери лежалъ; изъ двери дуло, такъ поэтому, должно-быть, живъ остался, а поморъ умеръ отъ угара. Будятъ это меня, говорятъ: „Рядомъ—покойникъ на постели“: а я говорю: „Чортъ съ нимъ!“ и опять заснулъ,—очень уставши былъ! Жизнь наша полицейская не приведи-то Господи! Прямо собачья жизнь. Ну, до свиданія.

Приставъ уѣхалъ. Пришелъ послушникъ.

— Отпросился я у настоятеля,—говоритъ онъ мнѣ,—по покойникѣ читать ночью. Очень радъ, что вы тутъ рядомъ въ комнатѣ будете, а то одному-то ночью страшно! Изъ этого дома всѣ ушли. Боятся покойника.

— А вы-то какъ же? Боитесь, а читать вызвались?—говорю я.

— Да, признаться, скучновато въ оградѣ-то,—въ 8 ча-

совъ теперь запираютъ. А тутъ все же на свободѣ! Какъ-никакъ!

IX

— Отъ дорожной сумки у меня оторвался ремень, кто бы тутъ могъ его пришить?—спрашиваю я какъ-то у отца Андрея.

— А тутъ недавно въ монастырь сапожникъ пришелъ. На братію работаетъ. Чудакъ такой! Пойдемте, я васъ провожу къ нему.

У сапожника въ кельѣ пахнетъ кожей и сапожнымъ товаромъ. На низенькой скамейкѣ сидитъ маленькій, худенькій человѣкъ съ тонкими, грязными, изящными руками. Онъ быстро пришиваетъ ремень къ сумкѣ.

— Пожалуйте! Готово!..

— Сколько вамъ?—спрашиваю я.

— А ничего не нужно!

— Какъ ничего? Да вѣдь вы работали!

— Да мнѣ денегъ не нужно! На что онѣ мнѣ? Я — бездомный, семейства не имѣю. Вотъ хожу по монастырямъ на братію работаю изъ усердія. Помолюсь въ монастырѣ, обошью братію, въ другой монастырь пойду. Монастырь кормитъ, стало-быть, я сытъ. А деньги? Деньги мнѣ не нужны. Вотъ слабость имѣю: табачокъ. Пожалуй, на табачокъ возьму. Да нѣтъ, лучше не надо, табачокъ у меня еще есть. Спасибо!

Сапожникъ—тихій и смиренный. Я иду по доскамъ монастырскаго двора; со мной идетъ запахъ кожи и сапожнаго товара, а въ душѣ осталось странное успокаивающее впечатлѣніе отъ человѣка, которому ничего не нужно. „Какихъ-какихъ людей нѣтъ на свѣтѣ, — думаю я, — и почему такое успокаивающее впечатлѣніе исходитъ изъ этого простого человѣка?“. Такое же успокаивающее впечатлѣніе было и въ природѣ: яркимъ предзакатнымъ свѣтомъ сіяли золотые кресты на свѣтломъ небѣ; рѣзкимъ вечернимъ крикомъ, мелькая въ воздухѣ, кричали стрижи. Въ ожиданіи трапезы

сидѣли темныя монашескія фигуры на бѣлыхъ ступеняхъ церкви. Ключарь, звеня ключами, запиралъ церковь послѣ всенощной, и кто-то звонко захлопнулъ окно въ кельѣ.

Я иду къ священнику. Его перевели изъ нашего дома, и онъ теперь живетъ въ архіерейскихъ покояхъ. Я прохожу рядъ большихъ комнатъ. Въ комнатахъ нежилая чистота; полы словно только что выкрашены, половики только что вымыты, мебель у стѣнъ стоитъ въ мертвомъ, безжизненномъ порядкѣ. Со стѣнъ недружелюбно смотрятъ на меня острыми глазами портреты настоятелей и архіереевъ, и только окна, открытыя на озеро, даютъ свѣтъ и жизнь, туда хочется смотрѣть. Хочется смотрѣть на свѣтлое небо, на вечернія краски лѣсовъ того берега. Въ дальней комнатѣ стучитъ мѣднымъ рукомойникомъ служка, умывая руки, мѣдный стукъ гулко разносится по пустыннымъ, мертвымъ комнатамъ.

Батюшка съ послушникомъ Николаемъ Петровичемъ пьютъ чай. На столѣ лежитъ новая книжка журнала и газета; эта книжка и газета совсѣмъ не соотвѣтствуютъ окружающей обстановкѣ, и кажется, что онѣ тутъ лишнія. Послѣ чая мы съ Николаемъ Петровичемъ беремъ весла и ѣдемъ на озеро. Солнце давно сѣло. Монастырь остался далеко за лѣсомъ. Мы сидимъ въ лодкѣ у крутого берега, поросшаго высокими, хмурыми елями и соснами. При свѣтѣ бѣлой ночи я рисую, а Николай Петровичъ читаетъ книгу. Легкая волна ударяетъ въ корму, и идетъ непрерывный разговоръ волны съ рулемъ. По водѣ издалека доносится чей-то непрерывный разговоръ, непрерывное гоготаніе: это—гагары. Онѣ, не переставая, о чемъ-то лопочутъ на своемъ языкѣ, что-то разсказываютъ другъ-другу... и вдругъ надъ водой страшный человѣческій крикъ,—крикъ ужаса, злобы. Далеко? Близко? Не знаю! Кричитъ женщина? Ребенокъ? Кто?!

— Что это, Николай Петровичъ?—спрашиваю я.

— Гагары кричатъ! — отрываясь отъ книги, отвѣчаетъ Николай Петровичъ; иногда заѣдешь, знаете, подальше отъ

монастыря на пустынныя озера, эти гагары ка-а-акъ закричать! Знаешь, что гагары, а жутко дѣлается.

Я снова рисую, Николай Петровичъ опять погружается въ книгу, опять идетъ разговоръ руля съ волной и опять время-отъ-времени раздаются страшные, внезапные крики и опять пугаютъ своей неожиданностью. А когда наступаетъ тишина, то слышно, какъ на томъ берегу, около монастыря, лаетъ собака. Она тявкаетъ размѣренно. Это—мой знакомый песъ. Онъ каждую ночь ходитъ ко мнѣ подъ окно и лаемъ выпрашиваетъ хлѣбъ. И теперь я слышу доносящіяся сюда по водѣ жалобныя, просящія интонаціи его лая. Этого пса никто не кормитъ, и онъ, видимо, сильно озабоченъ, чтобы не умереть съ голоду. Иногда я вижу его днемъ; онъ дѣловой побѣжкой отправляется куда-то добывать себѣ пропитаніе. Встрѣчаясь со мной, онъ мимоходомъ, вѣжливо махаетъ хвостомъ по моему адресу въ знакъ того, что онъ знаетъ, кто кормитъ его изъ окна по ночамъ.

Мы возвращаемся домой. Взошелъ мѣсяцъ кроваваго цвѣта, на небѣ — цвѣта синей оберточной бумаги. Цвѣтъ мѣсяца и неба страненъ и необыченъ, и кажется, что этого въ природѣ быть не можетъ, а отъ того дѣлается жутко.

Николай Петровичъ гребетъ, я сижу на рулѣ.

— Мнѣ не привыкать стать къ водѣ,—говоритъ Николай Петровичъ,—я во флотѣ писаремъ служилъ. Побывалъ въ Америкѣ, въ Австраліи былъ.

Его ничего не удивляетъ, онъ ищетъ тишины жизни, но все же ему скучно по ночамъ въ запертой оградѣ монастыря, когда не спится, и онъ съ удовольствіемъ ѣздитъ со мной по озерамъ, благо это ему разрѣшаетъ настоятель.

X

Я, послушникъ Николай Петровичъ, позолотчикъ, работающій въ монастырѣ, жена позолотчика ѣдемъ въ большой лодкѣ на далекія озера. Мы быстро плывемъ мимо монастыр-

ской мельницы. На плотинѣ стоитъ старый, сѣдой монахъ. Сегодня онъ не засыпанъ, какъ всегда, мукой, а одѣтъ во все новое. Онъ весело киваетъ намъ головой и кричитъ безжизненнымъ, металлическимъ голосомъ, который бываетъ у глухихъ:

— А ко мнѣ дочь пріѣхала!

Мы быстро гребемъ; мельница, плотина, монахъ,—все это осталось далеко позади. Осторожно, боясь заблудиться въ водяномъ лабиринтѣ, мы плывемъ узкими протоками изъ озера въ озеро; пересѣкаемъ большія пространства воды и опять входимъ въ лѣсные коридоры.

По берегамъ въ лѣсахъ растутъ грибы,—ихъ здѣсь некому брать; зрѣетъ брусника,—ее собираютъ только медвѣди. Кругомъ—полное безлюдье. Мы плывемъ долго, а вотъ и цѣль нашей поѣздки: среди большого озера—островъ, на островѣ—старая часовня. Сюда уходилъ на два года „молчать“ основатель обители.

Теперь только разъ въ годъ въ старой часовнѣ совершается богослуженіе; тогда сюда на лодкахъ приплываютъ монахи. Это дѣйствительно мѣсто молчанія и тишины. Тутъ не хочется говорить.

На берегу горитъ костеръ, кипитъ вода въ котелкѣ; мы пьемъ чай; бродимъ по острову, собираемъ ягоды, грибы. Пора въ обратный путь. Проходимъ опять длинными лѣсными коридорами, большими пространствами воды. Среди одного изъ озеръ мы видимъ маленькую лодочку. Кто-то, сидя на кормѣ, быстро гребетъ однимъ весломъ. Кто это здѣсь въ этомъ безлюдьѣ?

— Ау!—кричитъ Николай Петровичъ.

— Ау!—кричитъ позолотчикъ.

— Ау!—отвѣчаетъ эхо.

Плывущій скользитъ по водѣ какъ призракъ и не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія. Николай Петровичъ всматривается въ таинственную лодку и потомъ говоритъ:

— Кричите—не кричите,—все равно не отвѣтитъ: это—глухой рыбакъ, я его знаю.

Мои спутники гребутъ быстро, боясь опоздать къ вечерней трапезѣ. Глухой рыбакъ, пустынный островъ молчанія, одинокая старая часовня остались далеко позади. Мы вернулись во-время. задолго до трапезы. Въ сосѣдней комнатѣ я слышу за стѣной разговоръ:

— А кто рядомъ съ твоей квартирой живетъ? — громко кричитъ чей-то мужской металлическій голосъ.

— Офицеръ,—отвѣчаетъ женскій голосъ.

— Кто?

— Офицеръ.

— Женатый?

— Женатый.

— А дѣти есть?

— Есть.

— А кто напротивъ живетъ?

— Чиновникъ.

В. Переплетчиковъ **Сійскій монастырь**

Въ интонаціяхъ отвѣтовъ женскаго голоса слышится и неловкость, и досада, что всѣ слышатъ этотъ громкій разговоръ, и любовь, и жалость до слезъ, и недовольство собой за свою досаду. Это разговариваетъ глухой монахъ со своей дочерью.

А на другой день, утромъ, по монастырскому, прямому, какъ стрѣла, шоссе уѣзжала телѣжка; въ ней сидѣла женская фигура. Удаляясь, телѣжка дѣлалась все меньше и меньше; по временамъ женская фигура, оборачиваясь, махала платкомъ; сзади, далеко отставъ, бѣжалъ сѣдой монахъ въ будничной старой рясѣ, засыпанной мукой. Онъ плакалъ громко, какъ ребенокъ.

— А дочь моя уѣхала!—закричалъ онъ мнѣ металлическимъ голосомъ.

Телѣжка, ставшая очень маленькой, остановилась, ямщикъ слѣзъ съ козелъ, отворилъ монастырскія ворота въ концѣ шоссе, лошади проѣхали дальше, ямщикъ сѣлъ на козлы, женская фигура въ послѣдній разъ оглянулась, въ послѣдній разъ махнула платкомъ и скрылась за поворотомъ дороги, а старый монахъ еще долго бѣжалъ, самъ не зная зачѣмъ, по пустынной теперь дорогѣ и плакалъ, плакалъ какъ маленькій ребенокъ.

XI

Я уѣхалъ изъ монастыря. Безконечные лѣса, озера, все это для меня теперь—далекое воспоминаніе. Я—въ большомъ портовомъ городѣ. Наступаетъ сѣверная лиловая ночь, тихая вода, корабли стоятъ прямо, а другіе,—ихъ отраженія,—опрокинулись въ водѣ. Изрѣдка пробѣгаетъ маленькій пароходъ; тогда отраженія кораблей превращаются въ странные зигзаги, затѣмъ зигзаги выпрямляются, вытягиваются и принимаютъ прежнюю форму. На этомъ фонѣ на мосткахъ стоитъ человѣкъ въ старой соломенной шляпѣ съ веселыми, добрыми глазами. Онъ—нѣмой, но очень любитъ говорить

В. Переплетчиковъ **Сумерки**

и произноситъ только одинъ звукъ а-а-а-а-а. Я понимаю его; онъ разсказываетъ, что вотъ только сейчасъ ушелъ пароходъ и уѣхало на пароходѣ много народа, что съ моря идетъ еще пароходъ и пріѣдетъ много народа, что сегодня хорошая погода, а вотъ тутъ — ящикъ для писемъ. Онъ очень радъ, что есть съ кѣмъ поговорить. Появляется еще одно странное существо. Собака? Нѣтъ! Бѣжитъ по мосткамъ маленькій горбунъ; ноги у него растутъ прямо изъ грудной клѣтки; въ рукахъ у него, чтобы удобнѣе было двигаться, — маленькіе деревянные утюги. Онъ ловко бѣжитъ на четверенькахъ по мосту, потомъ по борту маленькаго парохода. Быстро садится, складываетъ ноги калачикомъ, ловко закидываетъ удочки въ воду и дѣлается неподвижнымъ.

Приходитъ маленькая, хорошенькая бѣлокурая дѣвочка въ розовомъ платьѣ, она о чемъ-то горько плакала, на глазахъ ея еще невысохшія слезы, она ѣстъ бѣлый хлѣбъ и,

стоя рядомъ съ горбуномъ, смотритъ какъ онъ ловитъ рыбу. Неподалеку кто-то бойко играетъ на гармоніи.

Я иду въ ресторанъ. Въ ресторанѣ скучно: горятъ лампы, а на дворѣ еще свѣтло, играетъ безобразный оркестръ, и та музыка, которую я только что слышалъ на берегу, гораздо лучше. За столами сидятъ купцы изъ поморья, со страшными, безпощадными затылками, норвежцы, шведы, капитаны съ кораблей, пришедшихъ изъ далекихъ странъ. Лица этихъ людей обожжены моремъ.

Я сижу и думаю, что когда изъ одной привычной обстановки попадешь въ другую, совершенно противоположную, то все начинаетъ казаться страннымъ и загадочнымъ, вся жизнь человѣческая вдругъ представляется чѣмъ-то инымъ, и въ душѣ встаетъ вопросъ: что же это такое вся наша жизнь? А потомъ мало-по-малу привыкаешь къ этимъ страннымъ впечатлѣніямъ, вопросъ уходитъ вв глубь, замираетъ и не безпокоитъ больше впредь до слѣдующихъ странныхъ впечатлѣній.

В. Переплетчиковъ

Селеніе Кривое
Архангельской губ.
Холмогорскаго уѣзда

БОЖЬИ ДѢТИ. СВЯЩЕННИКЪ

Вечеромъ кто-то пускалъ змѣй на берегу рѣку. Около пристани стоялъ народъ, и всѣ смотрѣли вверхъ на небо.

— Ты, Миша, поглядывай парохода,—говоритъ причетникъ сыну.—Чуть-что бѣги на квартиру къ батюшкѣ.

Съ горы къ рѣкѣ шелъ священникъ, за нимъ матушка съ ребенкомъ, а сзади на телѣгѣ ѣхалъ багажъ. Около пристани плакала женщина.

— Катерина плачетъ,—хмуро говоритъ мнѣ степенный, пожилой человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ,—священника ей жалко. Что и говорить, хорошій батюшка былъ, такого намъ не нажить,—не было и не будетъ. Вонъ отецъ Петръ! Развѣ

это священникъ? А отъѣзжающій очень народъ жалѣлъ; такой простой: со всякимъ поговорить, когда это нужно, всегда безъ отказа идетъ во всякое время.

— Да, приходится провожать,—вступаетъ въ разговоръ приказчикъ потребительской лавки. — Съ пьянствомъ батюшка очень боролся, сколько черезъ него народа пить бросило! Въ церкви все проповѣди противъ пьянства говорилъ. Споконъ вѣка тутъ кабака не было, а винная лавка въ 15-ти верстахъ, а всетаки пивали которые. А теперь почти никто изъ здѣшнихъ жителей не запиваетъ. Перевозчикъ пьетъ, да онъ не нашъ, пастухи пьютъ, да они не тутошніе,—изъ другого мѣста.

Священникъ подошелъ къ провожающимъ и прежде всего къ дѣтямъ. Мальчики сняли картузы и, наклонивши головы, стояли просто и серьезно. Что-то милое и наивное было въ ихъ присмирѣвшихъ фигурахъ. Священникъ креститъ каждаго, каждаго ласковой рукой проводитъ по волосамъ: „Ростите большими, ведите себя хорошо, учитесь прилежно. Ну, Богъ съ вами“.

Поодаль стоятъ мужики, они ждутъ, когда къ нимъ подойдетъ священникъ. „Ну, попъ и попъ,—задорно говоритъ одинъ изъ нихъ, человѣкъ въ велосипедномъ картузѣ,—что за невидаль такая! Эка штука!“ Остальные молча, хмуро слушаютъ. Что-то безпокоитъ человѣка въ велосипедномъ картузѣ; ему что-то не нравится въ священникѣ.

Подходитъ священникъ, и всѣ, въ томъ числѣ и человѣкъ въ велосипедной фуражкѣ, внутренне немного подтягиваются.

— Ну, прощайте,—говоритъ батюшка,—приходится покидать васъ. Жалко мнѣ, шесть лѣтъ съ вами прожилъ. Здоровье мое плохо стало. У моря поживу, можетъ быть, поправлюсь, грудь у меня слаба. Ну, а тамъ воля Божья, если не поправлюсь, значитъ, такъ Богу угодно.

Священникъ безъ шляпы, его тонкая высокая фигура, его изможденное лицо—все это строго, просто и красиво въ вечернихъ сумеркахъ.

— Простите меня, если я кого въ чемъ-нибудь обидѣлъ, волновался я иногда, огорчался, раздражался порой съ вами; вѣдь, пользы вамъ всегда хотѣлъ. Хотѣлъ, чтобы вы пили меньше. Не въ моихъ это рукахъ. Конечно, это воля Божья. Старайтесь безъ меня не пить. Помните, что я вамъ говорилъ. Мнѣ жалко васъ оставлять... Ну, счастливо!

Всѣ молча по очереди подходятъ подъ благословеніе.

Священникъ отходитъ въ сторону, къ нему подходитъ фрондировавшій раньше человѣкъ въ велосипедной фуражкѣ, теперь онъ не тотъ, поза его почтительна и смиренна.

— Ну, что,—говоритъ священникъ,—опять не удержался, опять присягу нарушилъ?

— Опять,—тихо говоритъ человѣкъ въ велосипедной фуражкѣ,—опять ослабѣлъ.

— Ну, смотри, знаешь, до чего тебя эта слабость доводила! Крѣпись!

Въ каютѣ пароходной пристани сидятъ отъѣзжающій священникъ, фельдшеръ, старшина и почтовый чиновникъ, сидятъ крестьяне, у дверей толпятся женщины и дѣти. За стѣной плачетъ ребенокъ, дочь священника. Священникъ поминутно выходитъ ее утѣшать. На столѣ стоитъ бутылка съ квасомъ и одинъ стаканъ, всѣ по очереди пьютъ за здоровье отъѣзжающаго. Пароходъ запаздываетъ и, должно быть, придетъ поздно ночью. Старшина, фельдшеръ, почтовый чиновникъ сидятъ долго, потомъ прощаются.

Священникъ остается одинъ на пристани и съ мостковъ смотритъ, какъ уходятъ провожающіе.

На высокомъ берегу двѣ церкви; одна каменная, другая старинная деревянная. И эти двѣ церкви и поднимающіяся по горѣ фигуры провожавшихъ въ свѣтлыхъ сумеркахъ бѣлой сѣверной ночи кажутся священнику призраками. И съ этихъ церквей, въ которыхъ онъ служилъ, и съ этихъ людей, съ которыми онъ жилъ, постепенно, сейчасъ, на его глазахъ слеталъ реальный покровъ, и они уходили въ область воспоминаній, а бѣлая, безцвѣтная ночь все пре-

вращала въ призрачное, загадочное и таинственное, окрашенное грустнымъ чувствомъ разлуки навсегда.

На изможденномъ лицѣ священника, утонченномъ и отъ болѣзни, и отъ волненій отъѣзда, и отъ прощаній съ людьми, теперь ставшими воспоминаніемъ, странная печать не то вопроса, не то недоумѣнія.

Теперь всѣ ушли. На большой рѣкѣ становилось холодно и сыро. Парохода все еще не было, а въ каютѣ пристани не переставая плакалъ ребенокъ.

На другой день утромъ среди высокой ржи шла нищая Анна.

— Батюшку вчера проводили,—говоритъ она мнѣ,—при отъѣздѣ мнѣ полтинникъ далъ, въ лавочку сбѣгалъ, мнѣ на кофту четыре аршина ситцу купилъ. Дай Богъ ему здоровья; такой былъ батюшка... Такой... Такого ужъ намъ не нажить.

— Вѣрно, Анна, — говоритъ проходящій мѣстный житель,—вина въ нашемъ селеніи теперь пьютъ мало. А кто для этого старался? Все батюшка! Человѣкъ 50 отъ пьянства ослобонилъ, теперь не пьютъ совсѣмъ. Есть которые отчаянные, вотъ Мамонъ, напримѣръ, — прозвища это его такая, Яковъ имя ему христіанское. Ну, того ничѣмъ не прошибешь; пьетъ и пьетъ, даже противъ батюшки шелъ. А какъ огорчался батюшка, когда пьянаго встрѣчалъ. На похоронахъ вина ни-ни. Мы, бывало, въ чуланъ пить ходили. Ей-Богу! А какъ увидитъ на столѣ вино, страсть какъ огорчится. Хорошій былъ человѣкъ, что и говорить. Ссыльныхъ къ намъ какъ-то прислали, а тѣ картежную игру завели и насъ втягивали. Такъ, бывало, забѣжитъ въ избу, гдѣ играютъ, — и какъ онъ это узнавалъ, — давай разгонять, а ссыльный ему, — такой бѣдовый былъ, — „какое вы имѣете полное право въ мое жилище входить, оно безприкосновенно“, и выгонитъ батюшку. Если новый попъ намъ не понравится,—стараго вернуть просить будемъ.

Вечеромъ была свадьба. Женился мужикъ, по прозвищу „генералъ“.

— Сейчасъ генерала обвѣнчали,—говоритъ мнѣ хозяйка избы, въ которой я живу.—Тотъ батюшка, прежній, бывало, взойдетъ въ церковь, сперва помолится, а потомъ скажетъ: „Здравствуйте", а новый прямо прошелъ, ни слова не сказалъ. Тотъ, прежній, бывало, отвѣнчаетъ и скажетъ: „Съ законнымъ бракомъ", а новый сказалъ: „Поцѣлуйтесь". Народъ такъ и прыснулъ со смѣху.

Поздно вечеромъ на ступенькахъ крыльца потребительской лавки сидятъ мужики.

— Скучаетъ онъ тамъ дюже, прежній батюшка, на новомъ-то мѣстѣ, — говоритъ одинъ ихъ сидящихъ.—Не нравится ему. Пишетъ: мѣсяцъ прожилъ, а все привыкнуть не могу, самъ, пишетъ, нездоровъ, попадья тоже нездорова.

В. Переплетчиковъ

Селеніе Ухтостровъ
Архангельской губерніи
Холмогорскаго уѣзда

Плачу каждый день,—такъ и пишетъ! Ей-Богу. Мы, крестьяне, вотъ тутъ остались на своемъ мѣстѣ, а онъ другого захотѣлъ. Вѣтродуй онъ, вотъ онъ кто. А хорошій былъ, что и говорить. Народу добра желалъ, себя не берегъ, оттого и здоровьемъ разстроился; сказываютъ: отецъ у него отъ чахотки померъ. Обидно народу, что такъ ушелъ, сжились съ нимъ очень, душой сжились, а онъ насъ бросилъ. А можетъ и впрямь боленъ.

Въ деревнѣ всѣ спали, была поздняя ночь. Изъ избы вышелъ мужикъ, мрачно и упрямо пошелъ на берегъ рѣки, къ пароходной пристани. Изъ-за угла избы тайкомъ глядѣла ему вслѣдъ жена, проѣхалъ верхомъ на лошади сынъ, видимо, куда-то посланный, и горько плакалъ. Что-то случилось.

— Вчера, ночью, сосѣдъ опять „разрѣшилъ",—говоритъ мнѣ утромъ хозяйка,—пять лѣтъ не пилъ, присягу принималъ, что пять лѣтъ отъ вина воздерживаться будетъ. Ночью этой срокъ кончился, ну и запилъ. А какъ безъ пьянства поправился, избу новую поставилъ, скота прибавилъ, любо глядѣть. Былъ бы прежній священникъ, опять бы его уговорилъ новую присягу принять... Батюшки! Сколько господъ нынче у насъ на улицѣ! Должно, съ парохода.

Мимо моихъ оконъ проходитъ элегантная дама въ костюмѣ самой послѣдней моды, за ней господинъ въ изысканномъ лѣтнемъ костюмѣ съ фотографическимъ аппаратомъ въ новомъ изъ желтой кожи футлярѣ. Господинъ останавливается и щелкаетъ аппаратомъ,—видимо, что-то снялъ,— и отправляется дальше.

На крыльцѣ противоположной избы въ безукоризненномъ бѣломъ кителѣ сидитъ студентъ и пьетъ молоко; его мизинецъ слегка отставленъ отъ стакана, на мизинцѣ блеститъ большое золотое кольцо. Изъ избы выходитъ барышня, на ней кофточка въ видѣ фрака съ короткими фалдами и желтые башмаки на высокихъ каблукахъ. У пристани стоитъ большой бѣлый пароходъ и беретъ дрова, по берегу бродятъ такія же фигуры, въ такихъ же изысканныхъ костюмахъ.

Какой-то совершенно другой міръ почувствовался тутъ среди большихъ, сѣрыхъ избъ, безконечныхъ заборовъ, колодцевъ съ высокими коромыслами, среди гари отъ огромныхъ лѣсныхъ пожаровъ, наполняющей воздухъ. Пароходъ даетъ свистокъ; элегантные люди спѣшатъ къ берегу. На палубѣ парохода комфортабельно пьютъ чай кавалеры въ высокихъ воротничкахъ, дамы—въ особенныхъ прическахъ. Третій свистокъ. Пароходъ медленно отваливаетъ; на немъ все весело, празднично и беззаботно.

— Что за пароходъ?—спрашиваю я мужика съ пристани, который зажигаетъ сигнальные огни по вечерамъ.

— Гулящій пароходъ,—равнодушно отвѣчаетъ онъ.

— Господишки гуляютъ! Пить имъ въ Архангельскѣ, должно быть, неспособно стало,—иронически прищуривается онъ, — на пароходѣ выпиваютъ. Чудно! Мы, мужики, отъ сѣрости пьемъ, а отчего у господъ такое невоздержаніе въ себѣ? Напиться—нужно у кармана спроситься; должно быть, большой карманъ у господъ, коли пароходъ наняли и на пароходѣ выпиваютъ. Нашъ прежній батюшка ихъ за это бы не похвалилъ...

Ударяетъ колоколъ къ обѣднѣ... Проходятъ въ церковь старухи въ темныхъ платкахъ. „Гулящій“ пароходъ давно скрылся во мглѣ лѣсныхъ пожаровъ. Мгла становится все гуще и гуще. Солнце мертвымъ, краснымъ пятномъ стоитъ на небѣ и не даетъ лучей. Противоположный берегъ рѣки чуть виденъ въ дыму, и оттуда чей-то голосъ кричитъ:

— Лодку!.. Лодку... у... у!..

В. Переплетчиковъ — Рѣка Онега

УРЯДНИКЪ

По пустынной лѣсной дорогѣ, мокрой послѣ дождя, догоняя меня, звенѣли колокольчики. Ѣхалъ тарантасъ съ закрытымъ верхомъ. Поравнявшись со мной, изъ тарантаса выглянула фигура въ фуражкѣ съ кокардой и свѣтлыми пуговицами и крикнула:

— Поѣхали!

Это было странно и неожиданно для меня. Мнѣ виденъ удаляющійся экипажъ, потомъ колокольчикъ сразу умолкъ за крутымъ поворотомъ лѣсной дороги, а спустя нѣкоторое время слабо прозвенѣлъ еще разъ далеко, далеко и умолкъ. На сыромъ пескѣ остались двѣ свѣжія колеи.

Стояла полная тишина.

Навстрѣчу мнѣ развалистой походкой шла полинявшая фигура человѣка въ выцвѣтшей военной фуражкѣ.

— Художникъ Переплетчиковъ? — спрашиваетъ фигура.

— А вы откуда знаете мою фамилію?

— Да приставъ пріѣзжалъ и сказывалъ, что пріѣдетъ художникъ Переплетчиковъ.

Видъ у урядника добродушный, глаза голубые, добрые. Походка развалистая,—крестьянская.

— Давно вы тутъ служите?

— Недавно! Изъ другого мѣста перевелся. Попы нажаловались.

— За что?

— Да я на свадьбѣ былъ, а тамъ пьяный мужикъ, богатый, началъ ругаться, а тутъ дѣвушки были, просятъ: выведи, - скверно ругается. Сталъ я его выводить, а онъ меня за эксельбантъ дернулъ, ну, петлю вырвалъ. Пріѣзжаетъ потомъ приставъ. Сходилъ это къ попамъ, вернулся выпивши. „Какъ это, — спрашиваетъ, — съ тебя пьяный на свадьбѣ погонъ сорвалъ? Сорвалъ, а ты такъ это дѣло оставилъ!" Объясняю, что не погонъ, а эксельбантъ, такъ у меня и въ протоколѣ сказано. Вы, говорю, ваше благородіе, другимъ вѣрите, а мнѣ вѣрить не хотите!..—„Тебя, говоритъ, за это переведу въ другое мѣсто, такъ ты это и знай".—„Что жъ, говорю, ваше благородіе, куда же мнѣ съ дѣтьми-то ѣхать?"—„А сколько ихъ у тебя?" —„Семеро".— „Что жъ такъ много?"—„Что жъ мнѣ, ваше благородіе, убивать ихъ, что ли?" Купилъ это я лодку и сталъ дожидаться приказу. Пришелъ приказъ поздно осенью. Снѣгъ идетъ, дождь, вѣтеръ. Рѣка скоро станетъ. Семьдесятъ верстъ водой плыли. Сами всѣ перемокли, сѣно перемокло, дѣти чуть живы остались.

— Ну, что жъ, тутъ спокойнѣе?

— Слава Богу, спокойнѣе, только чиновники очень ругаются: пріѣдутъ на земскую станцію, увидятъ окурки--непорядокъ! Кто виноватъ?—Урядникъ! А то исправникъ прі-

ѣхалъ, что это за жаръ на земской станціи? Ты урядникъ, такой сякой, чего смотришь? Отвори двери!.. Двери отворилъ, а самъ уѣхалъ. Я,—говоритъ,—вернусь скоро; смотри, чтобъ на станціи температура была. Пріѣзжаетъ мировой судья. „Урядникъ! Ты что это смотришь? Отчего на станціи холодъ такой?“—„Да это господинъ исправникъ такъ приказали!“—„Ну, ты тутъ не разсуждай! Натопить какъ можно жарче“. Нажарилъ я ему печи, до 28-ми градусовъ довелъ, постарался! Мировой переночевалъ, уѣхалъ утромъ, слава Богу, доволенъ. Опять пріѣзжаетъ исправникъ: „Это что такое? Я тебѣ велѣлъ температуру держать!“—„Это, говорю, ваше благородіе, мировой судья жаръ любятъ“.—„Какъ жаръ любитъ? Это что за новости? Я твое непосредственное начальство, ты меня и слушай! Не разсуждать!“ Такъ вотъ и вертятъ! Я говорю: „Сдѣлайте меня, ваше благородіе, начальникомъ земской станціи, ну и спрашивайте тогда“.

Въ манерахъ урядника добродушіе и простота. Видимо, онъ понялъ, что главное въ его жизни—смиреніе. И когда онъ разсказывалъ о себѣ, то по тону его словъ кажется, что рѣчь идетъ не о немъ, а о комъ-то другомъ, постороннемъ. Онъ ни на кого не сердится.

— Вотъ тоже: недавно зацѣпилъ пароходъ за телеграфную проволоку черезъ рѣку, а почтовый чиновникъ доноситъ, что умышленная порча телеграфа. Никакого умысла тутъ не было, а просто зацѣпилъ. Пріѣзжаетъ исправникъ. „У васъ тутъ все спокойно?“—„Все спокойно, ваше благородіе!“ — „А умышленная порча телеграфа?“ — „Просто пароходомъ зацѣпило, ваше благородіе!..“ Ну, допросилъ крестьянъ, оказывается, и они видѣли, что проволока низко висѣла. Все, знаете, на урядника валятъ. Пріѣзжаетъ слѣдователь, жалуется потомъ исправнику на меня, говоритъ: „Дорога невозможная, чего урядникъ смотритъ“. Поѣхалъ потомъ по этой дорогѣ нарочно исправникъ, а потомъ мнѣ и говоритъ:

— Какой такой ему еще дороги нужно! 18 дней, не переставая, дожди лили. Это не дорога, а слава тебѣ Господи

послѣ 18-ти-то дней дождя. Это онъ отъ сырости капризничаетъ.

— Ну, какъ же вы съ вашими семью дѣтьми на ваше жалованье живете?

— Да какъ живу? Огородъ завелъ. Есть у меня старый каталогъ отъ Иммера, тамъ описаніе есть, какъ что садить; такъ вотъ по каталогу огородъ развожу. Все подспорье! Я и сейчасъ дорогу осматривать ходилъ, дорога хорошо исправлена. А вотъ проѣхалъ сейчасъ чиновникъ. Изволили видѣть? Безпремѣнно на меня за дорогу исправнику пожалуется. Какъ пить дастъ! — говоритъ урядникъ съ доброй улыбкой и совершенно спокойно.

13

.В Переплетчиковъ

Онежскій уѣздъ
Архангельской губерніи

— Что жъ? Вамъ, должно быть, тяжело такъ жить?

— Нѣтъ, ничего! Вотъ пройдешь по дорогѣ, посмотришь, поглядишь кругомъ. Хорошо тутъ, тихо. Лѣса! Станетъ на сердцѣ спокойнѣе. Ну и ничего. До свиданія!

— Счастливо!

Полинявшая фигура урядника скрылась за поворотомъ лѣсной дороги.

Въ природѣ была полная тишина и неподвижность. Вдругъ молодая осина, на краю дороги, только она одна, забезпокоилась, зазвенѣла листьями и опять такъ же внезапно умолкла. Казалось, она разсказала о чемъ-то другимъ деревьямъ, которыя стояли неподвижно, и о чемъ-то ихъ предупредила.

Опять настала полная тишина, и среди этой мертвой тишины тонко звенѣли въ неподвижномъ, влажномъ воздухѣ какія-то невидимыя, волшебныя струны: не то это звенѣли мошки по вершинамъ деревьевъ, не то звенѣлъ далекій дождь, проходившій стороной, не то струился сырой, теплый воздухъ и, двигаясь, звенѣлъ въ соснахъ.

Звукъ былъ торжественный, тонкій и гармоничный.

Должно быть, то самое, что я слышалъ теперь въ природѣ,—ея вѣчная гармонія и музыкальная тишина,—это самое давало силы жить, нести безропотно тяжесть жизни и быть незлобнымъ тому человѣку, который только что ушелъ отъ меня.

ВЪ ПРИМОРСКОМЪ ГОРОДѢ

I.

Публика, встрѣчавшая пароходъ, давно разошлась. На берегу было пустынно. Гремѣла лебедка. Наступала хмурая сѣверная ночь, но было свѣтло какъ днемъ, собирался дождь.

Около пароходнаго трапа стоялъ господинъ съ книгой и глядѣлъ на небо.

— Вотъ здѣсь скворцовъ не видно,—говоритъ онъ мнѣ,—въ посадѣ Сорокѣ есть скворцы, а тутъ ихъ нѣтъ,—говорящая птица,—вы не слыхали, какъ они говорятъ? У датскаго консула воронъ былъ, такъ этотъ воронъ научился кучера звать. Выйдетъ консулъ на крыльцо, а воронъ тутъ же съ курами ходитъ, увидитъ онъ консула и крикнетъ: „Карпъ!" Это—кучеру, чтобы подавалъ,—кучера Карпомъ звали.

Къ намъ изъ Англіи двухъ черныхъ пѣтуховъ привезли. Оба рядомъ у разныхъ сосѣдей жили, никогда между собой не дрались, а бывало, перелетитъ одинъ къ другому черезъ заборъ, постоятъ другъ съ другомъ носъ къ носу, словно разговариваютъ, и разойдутся.

Зато съ другими пѣтухами страсть какъ дрались, и сильные были, не могли ихъ наши русскіе одолѣть.

Я на тракту по Онегѣ разъ утку руками поймалъ. Плавала она въ канавѣ, крыло у нея было ранено; должно

быть, на телеграфную проволоку налетѣла. Везу ее, а она бьется. Говорю ямщику: не выпустить ли?—а онъ говоритъ: „Выпустимъ". Я ее въ рѣку пустилъ, такъ она сразу нырнула, потомъ вынырнула, потомъ опять нырнула, а потомъ совсѣмъ скрылась. Я—охотникъ, а тутъ жалко стало; должно быть, старше становлюсь,—къ самому смерть ближе.

Начинаетъ накрапывать дождь.

— Ну, до свиданія,—говорю я ему.

Гостинецъ въ городѣ нѣтъ; всѣ свободныя помѣщенія заняты ссыльными, а потому приходится ночевать на отводной квартирѣ.

На другой день съ утра сыро и пасмурно, а потомъ пошелъ крупный дождь. Я сижу на отводной квартирѣ; тишина за стѣной, въ кухнѣ, не переставая, говоритъ о чемъ-то женскій голосъ; на обитый клеенкой диванъ равномѣрно капаетъ съ потолка дождевая вода. Передъ окномъ—чахлый фикусъ, за окномъ—рѣка и туманные отъ дождя лѣса. Вѣтеръ хлопаетъ рамой окна, на улицѣ—грязь.

— У меня два сына утонули на морѣ, — разсказываетъ мнѣ хозяйка отводной квартиры,—одинъ сынъ осенью утонулъ, а другой—весной,—на самую Ѳедосью, 29-го мая. Вотъ посмотрите, какой онъ былъ, на патретѣ снятъ.

А вечеромъ я сижу у знакомаго чиновника и пью чай.

— Ну, какъ вы тутъ живете?—спрашиваю я его.

— Въ карты играемъ, — отвѣчаетъ онъ.—Вотъ жена у меня больше дома сидитъ, она у меня не картежница.

— Я театръ люблю,—говоритъ хозяйка, - въ Архангельскѣ все, бывало, въ театръ ходила или въ концертъ.

— Здѣсь у насъ до шести часовъ утра чиновники играютъ,—разсказываетъ хозяинъ,— разъ подъ рядъ двѣ недѣли играли. Я въ 9 часовъ на должности обязанъ быть, а у другихъ канцелярія на дому, справятъ свои дѣла, когда имъ удобно, а потомъ и свободны.

Затѣмъ разговоръ принимаетъ исключительно гастрономическій характеръ.

— Вы не можете себѣ представить, — продолжаетъ хо-

зяинъ,—какъ здѣсь провизію трудно доставать: хоть бы взять, напримѣръ, сливочное масло. Былъ тутъ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, у него всегда запасы провизіи были; большимъ за это уваженіемъ въ городѣ пользовался. Когда его перевели въ другое мѣсто, будто мы всѣ осиротѣли.

— А знаете,—говорю я,—на отводной квартирѣ во время дождя приходится подъ зонтикомъ сидѣть, — тамъ крыша протекаетъ.

— Нисколько это у насъ не удивительно; тутъ у насъ почти всѣ крыши такія, очень въ городѣ квартиры скверныя.

— Гдѣ же у васъ тутъ жизнь?—спрашиваю я.

— Да, жизни нѣтъ никакой, прозябаемъ помаленьку,— можно сказать, не жизнь, а жестянка. Ссыльныхъ порядочно у насъ, да съ нами они не знаются. Впрочемъ мѣстные жители ихъ уважаютъ: у соборнаго попа всѣ три дочери за политическихъ замужъ повыходили и теперь очень хорошо живутъ. Ссыльные свою ссылку окончили, а потомъ не плохо устроились.

За окномъ отъ вѣтра качается рябина, видна пустынная соборная площадь. Въ квартирѣ неуютно и тоскливо, и это— лѣтомъ. А что бываетъ тутъ зимой?

Въ лѣтнее время пріѣзжаютъ съ пароходами комиссіонеры, проходятъ черезъ городъ богомольцы.

Въ полночь подъ Ивановъ день изъ нѣкоторыхъ домовъ, одѣтыя въ бѣлыя ночныя рубахи, выѣзжаютъ на помелахъ старухи; онѣ солидно ѣдутъ по улицѣ, объѣзжаютъ соборную площадь и въ томъ же порядкѣ возвращаются по домамъ. Отъ такой поѣздки на помелѣ пропадаютъ, по ихъ мнѣнію, въ домахъ клопы и прочія ненужныя и безпокойныя насѣкомыя.

II

Въ глухихъ лѣсахъ уѣзда я провелъ лѣто, а въ началѣ августа опять вернулся въ этотъ городъ.

На отводной квартирѣ мѣста нѣтъ, ждутъ трехъ генераловъ; одинъ изъ нихъ уже прибылъ.

Вечерѣетъ, накрапываетъ теплый дождь, солнце сквозь тучу свѣтитъ какъ будто черезъ желтое стекло.

— Я тебѣ, батюшка, свою комнату уступлю, тамъ тепло,— говоритъ мнѣ хозяйка отводной квартиры.

На дворѣ жарко и душно, собирается гроза, въ комнатѣ старухи горячо натоплена печь, а на приготовленной постели лежатъ двѣ шубы, чтобы потеплѣе укрыться.

Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ солидный голосъ, видимо, одного изъ генераловъ.

— А я у васъ два года тому назадъ останавливался, со мной еще чиновникъ былъ, несуразный такой, въ родѣ какъ бы пьяный. Помнишь?

— Да, да,—почтительно отвѣчаетъ другой голосъ,—помню въ родѣ какъ бы не трезвый-съ. Скоро изволите чай кушать?

— Да, такъ черезъ часикъ поставь самоваръ.

— Слушаю-съ.

Иду къ знакомому чиновнику, звоню у его крыльца. Всѣ окна сосѣдняго дома, выходящаго на пустынную соборную площадь, открыты, въ домѣ идетъ бѣшеная ругань. Ругаются два голоса, по временамъ вступаетъ еще третій. Иногда кричатъ всѣ три голоса разомъ, и получается такое впечатлѣніе, что не люди ругаются, а ругается самъ домъ.

— Ну, какъ живете?—спрашиваю я чиновника.

— Живемъ помаленьку, новостей нѣтъ никакихъ. Изъ морошки пудъ варенья сварили, да и не замѣтили, какъ его въ одну недѣлю съѣли. Вотъ малины у насъ пока еще нѣтъ,—не продаютъ. Теперь малины дожидаемся.

— А вотъ баба, которая сегодня меня сюда привезла, пудъ малины сейчасъ продала,—говорю я.

— Да что вы!—На лицѣ хозяина полное отчаяніе.—Какая жалость, что я не зналъ! Ну, да, ее тутъ въ городѣ живо расхватаютъ.

— Ну какъ лѣто проводили,—спрашиваю я.

— Да ничего! Какъ всегда!! Вотъ ночи темнѣе стали, опять въ клубѣ заиграли, третью ночь играютъ; сегодня шелъ на должность утромъ, въ 9 часовъ, а наши только еще изъ клуба идутъ.

Я возвращаюсь домой; въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ такъ отчаянно ругались, теперь тихо, окна закрыты, огня нѣтъ, видимо, наругавшись досыта, всѣ его обитатели спятъ.

На улицѣ пустынно. У окна одного дома, видимо, квартиры столяра, стоитъ фигура. Самъ столяръ высунулся изъ окна, сзади него видна новая, только что сдѣланная школьная парта, а у окна стоитъ полуобитое кресло.

— Ну, давай мириться, — говоритъ стоящій на улицѣ. Столяръ молча протягиваетъ ему черезъ окно руку.

— Что подѣлываешь?

— Да вотъ мебель обивать оканчиваю,—отвѣчаетъ столяръ.

По мосткамъ улицы идетъ, пошатываясь, пьяный. Онъ вдругъ останавливается, прислоняется къ забору, съ серьезнымъ недовольнымъ видомъ снимаетъ съ ноги сапогъ, забрасываетъ его на крышу сосѣдняго дома и потомъ въ одномъ сапогѣ идетъ дальше.

А на отводной квартирѣ, въ той комнатѣ, которую мнѣ уступила хозяйка, стоитъ тропическая жара, спать тамъ невозможно.

— А нельзя ли у васъ на сѣновалѣ ночевать? — спрашиваю я.

— Отчего жъ! Можно!—отвѣчаетъ старуха.

На сѣновалѣ свѣжо; я располагаюсь на полу. Сквозь худую крышу виднѣется ночное небо и робко свѣтится звѣздочка. По временамъ съ улицы доносится смутный

говоръ, кругомъ играютъ граммофоны,—одни ближе, другіе дальше.

Чувствуется, какъ постепенно затихаетъ жизнь въ городѣ. На лѣстницѣ — шаги; отворилась дверь сѣновала, женщина вся въ бѣломъ, держа свѣчу, пропустила мимо себя двѣ большихъ черныхъ фигуры. Среди темноты и неяснаго свѣта свѣчи мнѣ съ пола эти люди кажутся необычно большими и странными.

— Что за люди?—спрашиваю я.

— Путешественники!—отвѣчаетъ мужской голосъ,—гдѣ бы тутъ примоститься на ночь?

— Да ложитесь вотъ тутъ въ саняхъ у стѣны, — говорю я.

— Отлично! Устроимся въ саняхъ, сегодня 40 верстъ на лошадяхъ проѣхали,—устали. Сунулись было на отводную квартиру, — тамъ генераловъ дожидаются, одинъ уже на диванѣ храпитъ.

На козлахъ саней стоитъ свѣча, господинъ съ кокардой на фуражкѣ старается снять съ себя болотные сапоги.

— Вы по какой части?—спрашиваю я.

— Изслѣдуемъ рыбные промыслы. Два мѣсяца ѣздимъ, думали тутъ въ городѣ съ комфортомъ устроиться, а вотъ приходится на сѣновалѣ ночевать. Единственное утѣшеніе, что здѣсь блохъ нѣтъ и прочихъ хищныхъ насѣкомыхъ. Тамъ, на отводной квартирѣ, хозяйка мнѣ свою комнату уступила, да у нея печь докрасна натоплена, а сама старуха подъ двумя шубами почиваетъ.

Изслѣдователи рыбныхъ промысловъ укладываются спать, — одинъ въ саняхъ, другой — около, на полу. Погасили свѣчу. Теперь въ городѣ полная тишина, граммофоны умолкли.

— Ну, и городъ здѣшній!—говоритъ голосъ изъ саней,—даже гостиницы нѣтъ!.. Впрочемъ здѣсь хоть отводная квартира въ приличномъ мѣстѣ, а то есть тутъ одинъ городокъ, такъ отводная квартира помѣщается въ верхнемъ этажѣ, а внизу—очень подозрительное увеселительное предпріятіе!

Ну, и жизнь въ этихъ городишкахъ! Врагу не пожелаешь! Чиновники дурѣютъ отъ скуки. Въ одномъ вотъ такомъ городишкѣ былъ податной инспекторъ, вздумалъ онъ дамъ удивлять своей эксцентричностью. Какихъ-какихъ штукъ не выкидывалъ! Гуляетъ какъ-то разъ по берегу моря, а одѣвался онъ всегда франтовато; видятъ дамы, что инспекторъ уходитъ въ море въ полномъ парадѣ; идетъ... идетъ... сперва по поясъ... потомъ по шею, а потомъ и совсѣмъ съ головкой ушелъ; глядятъ: фуражка форменная поплыла. Дамы кричать начали, а онъ побылъ подъ водой, вышелъ и отправился домой. Очень большой за это успѣхъ у дамъ имѣлъ. Въ этомъ же городѣ исправника въ клубѣ напоили и вмѣсто форменной фуражки на него женскую шляпу одѣли, а онъ не замѣтилъ. Пришелъ домой; такъ что ему отъ жены за эту шляпу было! Потомъ уже къ женѣ объ-ясняться ѣздили тѣ, которые штуку-то эту устроили. Не вѣритъ жена, говоритъ: это—не штука, а форменная улика,это,—говоритъ,—поводъ для развода. Ну, покойной ночи!

Утромъ пришелъ пароходъ; на берегу оживленіе, видны на пристани новыя фигуры пріѣзжающихъ. Вдругъ появились солдаты мѣстной команды, прошли быстрымъ, служебнымъ шагомъ на пароходъ и черезъ нѣкоторое время провели оттуда молодого человѣка съ фотографическимъ аппаратомъ. Провели они его съ особенно холоднымъ, зловѣщимъ видомъ, какъ будто имъ удалось изловить и арестовать чрезвычайно важнаго преступника.

— Какая жалость! — говорилъ мнѣ изслѣдователь рыбныхъ промысловъ, — арестовали моего знакомаго. Онъ не имѣлъ права выѣзда изъ одного городишка, приходилось тамъ прямо съ голода помирать. Сжалился надъ нимъ исправникъ, отпустилъ его на честное слово сюда въ поморье заработать деньжонокъ фотографіей; здѣшніе жители очень сниматься любятъ. Заработалъ этотъ фотографъ рублей сорокъ, думалъ и въ этомъ городѣ увеличить свои капиталы, а его арестовали. Очень симпатичный малый, — смирный.

Попалъ случайно въ какую-то исторію, а вотъ теперь и расплачивается. Мы съ нимъ въ Сорокѣ познакомились.

— Вы не знаете, за что этого молоого человѣка арестовали?—спрашиваю я полицейскаго.

— Арестованъ онъ по телеграммѣ, а за что, не могу знать. Его по мѣсту жительства со слѣдующимъ рейсомъ этапнымъ порядкомъ перешлютъ, а пока въ нашей каталажкѣ будетъ находиться подъ арестомъ.

— Да его въ вашей каталажкѣ мѣстныя хищныя насѣкомыя загрызутъ,—говорю я.

— Это ужъ такое распоряженіе начальства,—отвѣчаетъ полицейскій чинъ.

— А знаете ли что?- говоритъ мнѣ изслѣдователь рыбныхъ промысловъ, — пойдемте къ здѣшнему помощнику исправника, — исправника въ городѣ нѣтъ. Предложимъ взять арестованнаго на поруки, поручимся за него, что онъ съ этимъ же рейсомъ проѣдетъ добровольно туда, куда его препроводитъ этапнымъ порядкомъ. Сходимте послѣ обѣда къ помощнику исправника, авось онъ смилуется.

Послѣ обѣда идемъ къ помощнику исправника, проходимъ мимо каталажки, гдѣ теперь сидитъ арестованный фотографъ. Окна отворены, за рѣшетками поютъ арестанты, слышенъ шумъ и гамъ, изъ окна несетъ особеннымъ, кислымъ запахомъ.

— Тутъ квартира помощника исправника?—спрашиваю я прохожаго.

— Тутъ!

Грязная лѣстница ведетъ наверхъ, поперекъ лѣстницы лежитъ сеттеръ и дремлетъ. Я хочу перешагнуть черезъ него. Сеттеръ глухо ворчитъ, скалитъ зубы и бросаетъ на меня злобный взглядъ; видимо, онъ не желаетъ меня пропустить.

Дверь наверху отворяется, показывается грязно одѣтая женщина, видимо, кухарка, вокругъ нея—трое дѣтей тоже грязноватаго вида.

— Вамъ кого?—спрашиваетъ она насъ.

— Помощника исправника!

— А вотъ въ эту дверь пожалуйте, которая почище.

— Вы сеттера отзовите,—говорю я,—онъ не хочетъ меня пропустить и, кажется, не прочь меня укусить, а я не люблю, когда меня кусаютъ собаки.

Кухарка начинаетъ свистать по адресу сеттера, и онъ нехотя отправляется въ кухню. Она отпираетъ другую дверь, „парадную", и мы входимъ въ просторную комнату. Въ комнатѣ тихо и никого нѣтъ, на стѣнѣ висятъ два ружья, у стѣны—письменный столъ, на окнахъ—цвѣты. Посреди комнаты стоитъ стулъ, на его спинкѣ надѣтъ новый форменный мундиръ. Никого нѣтъ. Проходитъ минута—другая, мы стоимъ молча.

— Должно-быть, спитъ,—говорю я.

Отворяется дверь, входитъ кухарка, беретъ со спинки стула мундиръ и скрывается.

Черезъ нѣкоторое время выходитъ помощникъ исправника. Щеки у него румяныя, усы пушистые, глаза заспанные, на немъ тотъ же мундиръ, что висѣлъ на спинкѣ стула.

Теперь я замѣчаю, что дѣти, которые смотрѣли на насъ сверху вмѣстѣ съ кухаркой, похожи и на нее, и на помощника исправника.

— Чѣмъ могу быть полезенъ?—любезно спрашиваетъ онъ.

Мы подаемъ свои визитныя карточки.

— Мы хотѣли бы взять на поруки фотографа, котораго сегодня арестовали на пароходѣ, —говорю я, — онъ добровольно отправится туда, куда его направятъ этапнымъ порядкомъ,—за это мы ручаемся.

— Онъ очень симпатичный,—говоритъ помощникъ исправника,—мнѣ самому его очень жаль, но ничего, къ сожалѣнію, сдѣлать не могу: онъ арестованъ по телеграммѣ высшаго начальства.

— Ну, извините за безпокойство.

— Пожалуйста! — вѣжливо раскланивается помощникъ исправника.

Мы спускаемся по лѣстницѣ, сверху на насъ съ любопытствомъ смотрятъ кухарка, дѣти и сеттеръ.

На пароходѣ еще не знаютъ, когда мы будемъ отваливать, чтобы итти дальше: сегодня въ полночь или завтра въ 12 час. дня. Выходить нужно во время прилива. Сигнальные огни еще не поставлены по берегамъ залива, а въ этомъ мѣстѣ много банокъ и отмелей.

Если лоцманъ согласится провести пароходъ въ темнотѣ на свой рискъ и страхъ, тогда мы уйдемъ сегодня ночью, иначе придется ждать до завтра.

Въ общей каютѣ капитанъ пьетъ пиво.

— Барометръ сильно упалъ,—говоритъ онъ,—не то передъ штормомъ, не то гроза будетъ со шквалами, да и ноги мои взбунтовались къ погодѣ,—ревматизмъ замучилъ.—Трудная наша служба; вся жизнь въ ней прошла. Мальчонкой привела меня мать на корабль опредѣлять. Ну, проситъ капитана меня беречь. Хорошо, дошли мы до Мудъюгскаго маяка, отпустилъ капитанъ повара убирать свой покосъ, а меня въ повара произвелъ,—въ коки, какъ тутъ называютъ. Бывало, сидитъ матросъ на бочкѣ съ квасомъ, тутъ же чашка привязана, чтобы пить. Матросъ кричитъ мнѣ: „Подай квасу“. — „Да ты на квасу сидишь!“ — говорю ему, а матросъ хлопъ меня по шеѣ: „Не разговаривать! Наливай!..“ Вотъ какую школу проходили! А теперь ученики мореходнаго училища ѣздятъ для практики на пароходѣ; а какъ ѣздятъ,—больше въ каютѣ сидятъ; получитъ свидѣтельство, что ходили въ море, а ничего не умѣютъ.

Вдругъ на пароходѣ, гдѣ-то внутри, раздался отчаянный крикъ; всѣ бросились вонъ изъ каюты.

— Это шорникъ оретъ,—говоритъ одинъ изъ пассажировъ,—у него матросы водку отнимаютъ.

Въ трюмѣ матросы обыскивали шорника; онъ оралъ благимъ матомъ и въ то же время звенѣлъ страннымъ, стекляннымъ звономъ,—этотъ человѣкъ былъ весь наполненъ маленькими бутылочками. Матросы вынимали у него водку изъ боковыхъkармановъ, изъ брюкъ, заправленныхъ прямо

въ сапоги; нашлись бутылки за пазухой. Сверху, въ открытый люкъ, на этотъ обыскъ смотрѣли многочисленные зрители.

— Безпремѣнно каждыя 20 минутъ я долженъ выпивать, безъ этого помру,—кричитъ шорникъ.—А до Архангельска то еще сколько плыть!

— Капитанъ приказалъ у него водку отобрать, только одну бутылку разрѣшилъ оставить, — говоритъ одинъ изъ матросовъ.

— Да вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ безъ вина помретъ, оставьте ему побольше,—прошу я.

Шорникъ неожиданно бросается ко мнѣ, обнимаетъ и цѣлуетъ прямо въ губы. Не скажу, чтобъ поцѣлуй этотъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе.

— Вотъ это — человѣкъ правильный, — восклицаетъ въ восторгѣ шорникъ, показывая на меня, — онъ понимаетъ дѣло!

Всѣ кругомъ хохочутъ.

— Что жъ отдадите?—спрашиваетъ онъ матросовъ.

— Капитанъ не приказываетъ!

— Ну, чортъ съ вами, не поѣду на вашемъ пароходѣ.

Ему выдаютъ обратно деньги за билетъ, шорникъ забираетъ съ собой бутылки и идетъ на берегъ.

На берегу онъ ставитъ бутылки на землю и ползаетъ на четверенькахъ.

— Ты что жъ это по-собачьи забѣгалъ? — кричатъ ему съ парохода.

— Трехрублевку оборонилъ, ищу!—отвѣчаетъ шорникъ.

Наступаетъ ночь. По небу быстро несутся низкія, темныя тучи, въ разныхъ концахъ горизонта вспыхиваютъ молніи.

— Сегодня въ полночь отвалимъ,—говоритъ капитанъ,— придется все электричество на пароходѣ потушить, — лоцману въ темнотѣ виднѣе будетъ.

Среди черной темноты, при яркихъ вспышкахъ молній, пароходъ медленно и осторожно идетъ губой. Громъ гре-

не переставая, но дождя нѣтъ. Ежесекундно тьма смѣняется ослѣпительнымъ свѣтомъ, а тишина—страшными ударами грома, и теперь, при этой грозной игрѣ стихій, еще меньше и ничтожнѣе кажутся люди, ихъ дѣла, хлопоты и заботы тамъ, на берегу, въ приморскомъ городѣ.

В. Переплетчиковъ — Церковь св. Іоанна Златоуста въ селеніи Кандалакша

ЗА СѢВЕРНЫМЪ ПОЛЯРНЫМЪ КРУГОМЪ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

(Изъ записной тетради)

1903 г. Іюль. Кандалакша, Кемскаго у. Архангельской г.

Живу въ Кандалакшѣ. Природа угрюмая и грустная. Народъ съ небольшой разницей—все тотъ же русскій народъ: то же пьянство, та же ругань, то же невѣжество.

Климатъ тутъ, должно быть, очень скверный: постоянно вѣтры, дожди. Теплыхъ дней всего два мѣсяца въ году. Въ огородахъ растетъ только рѣпа, жители питаются лѣтомъ

рыбой, зимой олениной. Ржи и овса тутъ не сѣютъ,—слишкомъ холодно.

Интеллигенція: священникъ, учительница и почтовый чиновникъ Порочкинъ—очень любезный человѣкъ: припаялъ мнѣ гайку къ мольберту. И, подумаешь: въ этой глуши живутъ люди!

Съ утра въ море уходятъ карбаса *)—ѣдутъ ловить рыбу. Ловится преимущественно сельдь, кумжа, треска. Весной бываетъ иногда такой уловъ сельдей, что обезпечены подати, пропитаніе и всѣ житейскіе расходы. Въ эту весну уловъ былъ плохой. Народъ жалуется, что рыбы съ каждымъ годомъ все меньше и меньше: „Старики сказываютъ,—куда прежде рыбы болѣ было“.

Въ селеніи винная лавка. Торгуетъ въ годъ тысячъ на 10, 12. Кромѣ мѣстныхъ жителей пьютъ еще и лопари, „лопь“.

Пишу этюдъ. Вокругъ зрители. Разговариваю съ писаремъ. Писарь получаетъ въ волостномъ правленіи „Архангельскія Губернскія Вѣдомости“.

— Что папа умеръ?

— Померъ.

— А матерой **) былъ папа?—спрашиваетъ близстоящій поморъ.

— Матерой.

Молчаніе. По улицѣ идутъ пьяные.

— Спиши насъ, пьяныхъ-то.

— Трифонъ, а Трифонъ, гдѣ Иванъ?

— Пьяный дома лежитъ.

— А ты куда идешь?

— Опохмеляться!

Пьютъ содержатели почтовой станціи.

„Отецъ пилъ, говорятъ обыватели, да съ головой былъ, такъ и нажилъ, а эти такъ все спускаютъ. — Все пропили.

*) Карбасъ—большая морская лодка.

**) Старый.

Хлѣбъ послѣ отца остался — пропили, оленьи шкуры остались — пропили. Одинъ до бѣлой горячки допился. Теперь въ Архангельскъ уѣхали—тамъ пьютъ".

— Отчего же они пьютъ?

— Да такъ въ роду ужъ. Отецъ пилъ и они.

— Да, пьютъ рабочіе, — говоритъ Русановскій приказчикъ,—чашку выпьетъ, другую, третью, все чашками. Спиртъ въ 90% пьютъ и ничего.

Полночь, освѣщенная низкимъ солнцемъ. Всѣ спятъ, на улицѣ ни души. Передъ избой въ черной бархатной грязи ничкомъ, лицомъ внизъ, валяются два пьяныхъ, у одного сквозь розовую разорванную рубашку видно бѣлое, какъ слоновая кость, тѣло. Какой-то странный клубокъ бѣгаетъ около тѣлъ, свиститъ жалобно и злобно—это полярная мышь. Слышно, какъ хохочутъ чайки на морѣ. Кричатъ то близко, то далеко.

У избы стоитъ огромный крестъ, выкрашенный въ зловѣщую красную краску.

Такіе огромные кресты были только на Голгоѳѣ.

Вотъ Россія—христіанское государство, а народъ спаивается, должно быть, тоже „христіанскимъ" образомъ... Сжимается и холодѣетъ сердце: сколько лѣтъ ѣзжу по Россіи, а всюду одна и та же картина, освѣщенная то полуденнымъ, то полунощнымъ солнцемъ. Картина пьянства, темноты и ужаса жизни.

2 іюля

Шумитъ рѣка Нива, бѣжитъ по камнямъ, по порогамъ, шумъ наполняетъ все селеніе. Во время отлива шумъ сильнѣе. Рѣка синяя съ бѣлой пѣной, кругомъ горы. По рѣкѣ, прыгая, ныряя несутся бревна,—это въ верховьяхъ рубятъ лѣса...

— Мы губяне, не поморы. Поморы тѣ по морю живутъ, а мы въ губѣ живемъ и потому въ Архангельскѣ насъ называютъ губянами,—говоритъ мнѣ одинъ здѣшній житель.

— Что же, на Мурманъ промышлять ходите?

— Нѣ, раньше ходили, почитай, всѣ ходили, даже бабы нѣкоторыя, а теперь промыслы худые пошли на Мурманѣ, года три ужъ не ходимъ.

— А что,—много тонутъ на промыслахъ?

— Нѣ, мы, губяне, народъ осторожный. Вотъ поморы—тѣ отчаянные, тѣ шибко тонутъ. Прямо съ Онеги на шнякахъ, такъ на Мурманъ и идутъ поперекъ моря и ничего—Богъ хранитъ.

3 іюля

Хозяинъ дома, гдѣ я стою, Сергѣй Давыдычъ Нѣмчиновъ, церковный староста — мужикъ себѣ на умѣ. Онъ недавно ходилъ съ попомъ за 100 верстъ „принимать" лопарскую часовню Бабинскаго погоста.

— Ну, что, какъ сходили, Сергѣй Давыдычъ?

— Ницего, приняли, все слава Богу. Только пришлось 40 верстъ пѣшкомъ итти, вмѣсто того, чтобы карбасами плыть.

— Отчего?

— Да вотъ эти пьяницы Подурниковы *), что почту держатъ, ничего у нихъ тамъ нѣтъ, ни карбасовъ, ни рабочихъ. И жалобы писали и все такое,—ницего не помогаетъ. Всѣ жалобныя книги вдоль и поперекъ жалобами исписаны, а начальство не обращаетъ, стало быть, вниманія... Ницего, часовня хорошая, только кумпола нѣтъ. Кумполъ тутъ, въ Кандалакшѣ, сдѣлаютъ, зимой отвезутъ.

4 іюля

Идетъ дождь. Работать нельзя.

Положительно у всѣхъ жителей Кандалакши манія снимать съ себя фотографіи. Пришли „барышни", дочери Бѣляевскаго приказчика, „желаютъ сняться". Молодой чело-

---

*) Теперь, какъ я слышалъ, Подурниковы въ Кандалакшѣ больше не держатъ почтовой станціи, ихъ смѣнили.

вѣкъ, поморъ, „очень хочетъ посмотрѣть на себя, каковъ онъ есть“.

— Да вы посмотрите въ зеркало на себя, ну и узнаете, каковъ вы есть.

— Нѣтъ, на карточкѣ виднѣе!

Волостной писарь тоже желалъ бы сняться, — „очень было бы пріятно получить снимочекъ“.

Одинъ мой хозяинъ на предложеніе снять его отвѣтилъ:

— Грѣхъ, Василій Васильевичъ.

— Почему грѣхъ? Вѣдь есть же изображенія Христа, царскіе портреты, какой же тутъ грѣхъ? Ты спроси священника.

— Да что! Священникъ-то у насъ молодой, чего онъ понимаетъ.

5 іюля

Дождь пересталъ. Сыро, сѣро. Когда я уѣзжалъ изъ Архангельска, тамъ только что разыгралась обычная въ нынѣшнее время исторія. На пароходѣ изъ Норвегіи студентъ привезъ бочку селедокъ. Бочка эта на пристани развалилась, и вмѣсто селедокъ, оттуда посыпались какія-то бумаги.

Таможенный солдатъ полюбопытствовалъ взглянуть, что это за бумаги. Взглянулъ — прокламаціи. Студента, конечно, арестовали, но кромѣ него оказались замѣшанными въ это дѣло два лица изъ хора, который пѣлъ въ одномъ изъ Архангельскихъ ресторановъ. Хористы, конечно, тоже были арестованы, а весь хоръ въ 24 часа высланъ изъ Архангельска. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ эту исторію архангельскій обыватель, ѣхавшій со мной вмѣстѣ на пароходѣ.

Что это за хоры, я знаю... пришлось слышать въ одной изъ гостиницъ въ Архангельскѣ. Что за голоса! Что за куплеты! Въ самыхъ рискованныхъ мѣстахъ лакеи скалятъ зубы, перемигиваются и испускаютъ легкое ржанье отъ удо-

вольствія. Публика тоже довольна этимъ перцемъ. Словомъ, „цивилизація".

И въ подобномъ хорѣ политическія идеи. Чудны дѣла твои, Господи! У студента, будто бы, нашли письмо одного изъ хористовъ, въ письмѣ сказано: Привозите „масла", тутъ все „готово".

Не даромъ въ „Губернскихъ Архангельскихъ Вѣдомостяхъ" былъ анонсъ отъ одной изъ гостиницъ, что ѣдетъ новый хоръ, и не въ продолжительномъ времени запоетъ еще лучше прежняго.

Когда я пишу свои записки, мою кисти, приготовляюсь итти работать, читаю, въ сосѣднихъ комнатахъ у хозяевъ идетъ несмолкаемый разговоръ.

Заходятъ лопари, конечно, пьяные, идутъ денежные счеты съ хозяиномъ. Въ сосѣдней комнатѣ помѣстился какой-то постоялецъ, тихій человѣкъ: онъ по цѣлымъ днямъ набиваетъ папиросы, долго и съ удовольствіемъ пьетъ чай; у меня въ комнатѣ слышно, какъ онъ откусываетъ сахаръ. Иногда читаетъ старую газету.

Хозяинъ мой чаю не пьетъ.

— Что же ты, не пьешь чаю, Сергѣй Давыдычъ?

— Да ужъ два года не пью, Василій Васильевичъ, вреденъ онъ мнѣ, какая-то въ грудяхъ у мине болѣсь случилася, такъ съ тѣхъ поръ и не пью. Не на пользу онъ мнѣ.

8 іюля

Противный климатъ. Сегодня весь день болѣли зубы. Не работалъ. Пошелъ на берегъ.

Поистинѣ окраина Россіи.—Мѣстные крестьяне, кто посмышленнѣе, то-есть кто еще не совсѣмъ одурманенъ водкой, обставляютъ лопарей: поятъ ихъ водкой, а потомъ обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ, словомъ, надуваютъ, гдѣ только можно.

Край здѣсь не бѣдный, и могъ бы быть богатымъ, но живутъ кое-какъ, неряшливо, а, главное, пьяно. Поѣдетъ

крестьянинъ ловитъ рыбу, другой разъ наловитъ рублей на 20—30, деньги пришли сразу, легко, ну и пьетъ.

10 іюля

Сегодня днемъ была тихая ласковая погода, проглядывало солнце. Потомъ стало хмуриться, побѣжали туманы „Туманъ наваливатъ“ (тутъ не говорятъ „наваливаетъ“),— сказалъ мужикъ. Къ 6-ти часамъ пошелъ дождь. Не работалъ, бродилъ по горамъ, снялъ нѣсколько фотографій, глядѣлъ, какъ дѣвушки и парни играютъ въ мячъ. Мячъ тутъ кожаный. Наподдаютъ его палкой, игра—въ родѣ нашей лапты.

Очень ярко одѣваются женщины на сѣверѣ, издали цѣлая палитра красокъ; синихъ, зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ, среди сѣрыхъ горъ и блѣдной природы—очень красиво.

Пошелъ сильный дождь, улица опустѣла, дождь разогналъ всѣхъ по домамъ. У хозяевъ гости, то-есть такъ, кой-кто зашелъ посидѣть, идетъ несмолкаемый разговоръ.

Тутъ у всѣхъ болятъ зубы, масса народу приходитъ и проситъ у меня лѣкарства. Доктора тутъ нѣтъ да и, кажется, и не полагается.

Ко мнѣ каждый день являются все новые и новые посѣтители: одни хотятъ снять съ себя фотографіи, другіе— лѣчить зубы. Я окончательно сдѣлался зубнымъ врачомъ.

Вчера явился молодой человѣкъ, желающій продать жемчугъ. Жемчугъ ловятъ тутъ по небольшимъ рѣчкамъ, но его здѣсь немного, и онъ, кажется, не очень хорошаго достоинства.

Пришли съ озеръ лопари. Церквей на озерахъ нѣтъ, а потому принесли крестить ребенка въ селеніе. Ребенку полгода, онъ прочно укрѣпленъ въ маленькой люлькѣ, на подобіе лодки. Чтобы ребенокъ не мѣшалъ, его иногда въ этой лодкѣ вѣшаютъ на стѣну,—зовутъ меня въ крестные отцы.

Вечеромъ ребенокъ оралъ благимъ матомъ на всю улицу,—лопарка отдала его бабѣ „подержать“, а сама скрылась и немедленно напилась.

— Вотъ мать-то наканунѣ крестинъ валяется пьяная на улицѣ, а ребенокъ оретъ, такъ что въ Архангельскѣ слышно. „Что я буду съ нимъ дѣлать?“ жаловалась мнѣ баба.

13 іюля

— Ты, Порасья, одинъ глазъ запри, а другой отворь и гляди. Видишь?.. А, Василій Васильевичъ! Братъ ты мой, ну премудрость. Обѣими глазами глядишь, хорошо, все какъ есть, а однимъ въ кулакъ, такъ настоясцее, живое. Да ты, дура, кулакъ къ глазу приставила и оба глаза заперла, такъ что же ты увидись? Ты, вотъ-эдакъ смотри... Ну что? Одинъ глазъ заперла? Ну что, живо? А?

Сергѣй Давыдычъ Нѣмчиновъ, у котораго я квартирую въ Кандалакшѣ, привелъ смотрѣть мои картины своихъ двухъ дочерей. Одна дѣвица, другая замужняя. Дѣвица держитъ себя просто, другая конфузится, слегка жеманится и манерничаетъ.

— Да, братъ мой, Василій Васильевичъ, до цего нынѣ, подумаешь, народъ дошелъ, до такихъ премудростей, что Боже мой. Ай! ай!..

Сергѣй Давыдычъ каждый день заходитъ ко мнѣ въ комнату посмотрѣть, что я написалъ. И каждый разъ дивится. Онъ понимаетъ, что изображено на картинѣ, только „широкая живопись“ его смущаетъ.

— Что же послѣ отдѣлывать будешь?.. Ты вотъ, Василій Васильевичъ, братъ мой, цаю (чаю) мало пьешь, а вотъ инженеръ у меня стоялъ, такъ насцотъ цаю здорово работалъ. Бывало, какъ прищемится къ самовару, такъ и сидитъ, а ты чтой-то мало его пьешь? Да и къ водкѣ ты не касаешься.

Сергѣй Давыдычъ, человѣкъ торговый, ведетъ дѣло больше съ лопарями, вина не пьетъ. Осталась одна только дочь не замужемъ, остальныя двѣ выданы; сыновей нѣтъ— померли.

— Позапрошлое лѣто дочь у меня горломъ померла. Четыре года жила. Шибко у насъ маленькіе тогда горломъ

помирали, большіе не такъ чтобъ очено. Вотъ въ Княжей Губѣ и большіе шибко мерли.

— Что жъ, докторъ пріѣзжалъ?

— Нѣтъ, не пріѣзжалъ, да и фершалъ, почитай, что тоже не пріѣзжалъ,—къ намъ они рѣдко ѣздятъ.

— Ну, а такъ у васъ народъ болѣетъ?

— Нѣтъ, такъ, слава Богу, не слыхать, всѣ здоровы. Зубами иногда жалятся, а такъ нѣтъ, не болѣютъ.

15 іюля

Мертвенно свѣтлая ночь. Пишу въ лѣсу этюдъ, мимо проходитъ человѣкъ, у него на спинѣ родъ стула, только безъ ножекъ; на стулѣ мѣшки. Онъ не глядитъ по сторонамъ, только походка его стала осторожнѣе и тише, когда онъ замѣтилъ меня. На нѣкоторомъ разстояніи идетъ другой такой же, потомъ третій. Странные таинственные люди идутъ изъ лѣсовъ въ селеніе! Это лопари. Они идутъ за хлѣбомъ и водкой.

По всему лѣсу въ горахъ таинственный шорохъ и свистъ. Это бѣгутъ полярныя мыши. Недалеко отъ меня, видимо, по моему адресу, злобно свиститъ звѣрокъ, кладу палитру, подхожу, наклоняюсь къ нему, онъ вскакиваетъ на заднія лапы и старается укусить меня за сапогъ—это полярная мышь. Звѣрокъ маленькій, злой, жалкій и таинственный, такой же таинственный, какъ тѣ люди, которые только что прошли мимо меня; такой же таинственный, какъ сѣрые камни въ лѣсу. Странно, загадочно и таинственно хохочутъ чайки на морѣ. Надъ всѣмъ этимъ желтое, мертвенное небо, тоже таинственное.

Въ этой обстановкѣ я самъ себѣ становлюсь страннымъ, загадочнымъ, чужимъ, и кажется мнѣ, что это не я, а кто-то другой стоитъ въ лѣсу.

Эта странная, ночная, мертвенно-свѣтлая природа все впитываетъ въ себя. Лѣсъ, мыши, лопари, камни и я,—все подчинено жуткой и таинственной власти — власти страшныхъ, безпощадныхъ ритмовъ, тѣхъ ритмовъ, которые созда-

В. Переплетчиковъ — Поморскіе кресты (Селеніе Кандалакша)

вали въ старину заговоры и заклинанія, создавали таинственныя сочетанія словъ и звуковъ. А шорохъ и свистъ все явственнѣй и явственнѣй, множество маленькихъ темныхъ мышиныхъ спинъ мелькаютъ среди сѣрыхъ камней, и свистъ сливается въ странную музыку. Мыши эти появились тутъ недавно, и съ каждымъ днемъ ихъ становится все больше и больше.

Онѣ не похожи на нашихъ обыкновенныхъ полевыхъ, а какія-то рыжеватыя, съ темными спинками, величиной съ кролика. Идутъ мыши сотнями тысячъ съ Мурмана, переплываютъ морскіе заливы, озера; гибнутъ массами; ихъ душатъ кошки, грызутъ собаки, бьютъ палками и камнями

деревенскіе мальчишки, но онѣ идутъ, идутъ, идутъ: какая-то сила гонитъ ихъ на югъ.

Говорятъ, лѣтъ 25 тому назадъ было то же самое.

„Къ крови идутъ. Война будетъ. И въ тѣ поры къ войнѣ шли“, говорятъ старики.

— Да, вѣдь, онѣ траву ѣдятъ, корни, какая же кровь?— спрашиваю я.

— Такъ старые старики сказывали.

Объясненіе мистическое и поэтическое *). И теперь ночью мнѣ кажется, что это правда: мыши идутъ съ сѣвера, а на сѣверѣ за горами зловѣщая кровавая заря. Музыка свиста сливается въ неясный отдаленный скорбный плачъ.

19 іюля.

Сегодня весь день дождь и туманъ. Въ душѣ чувство отдаленности; далеко Москва. Далеки люди, съ которыми связанъ. Тутъ все чужое. Завтра Ильинъ день. У насъ должно быть теперь тепло, хорошая погода, а тутъ сентябрь.

Мою комнату вымыли, передъ образами горитъ лампадка.

Чувствуется, что завтра большой праздникъ.

Одно изъ преимуществъ здѣшняго края: почти нѣтъ комнатныхъ мухъ, а если и есть, то смирныя и деликатныя, въ лицо не лѣзутъ, по столу не ползаютъ, а все время летаютъ подъ потолкомъ въ срединѣ комнаты. Я по утрамъ, лежа въ постели, гляжу на нихъ и думаю: „Чего онѣ летаютъ? Должно быть, грѣются послѣ ночного холода“.

Зато комары въ теплый день—поистинѣ бичъ Божій. Я спасаюсь отъ нихъ „невидимой броней“, духами отъ Келлера или креолиномъ. Ничего, дѣйствуетъ. Мошекъ тутъ тоже несмѣтное количество.

Неуютный край.

Вышелъ вечеромъ погулять, дальніе берега въ туманѣ, моросить дождь, надъ моремъ кричатъ чайки, плаваетъ бѣ-

---

*) Мыши шли лѣтомъ 1903 г., а въ январѣ 1904 г. началась русско-японская война.

луха *), охотясь за семгой; мокрыя избы, мокрыя лодки, мокрые люди...

Ударяютъ ко всенощной.

Вернулся домой. Пью чай.

Тишина. Стучитъ равномѣрно маятникъ. За обоями скребутъ мыши. Мальчишки за окномъ играютъ въ „попа“ — сшибаютъ чурку палками. Въ окно глядятъ сѣверныя сумерки, на горизонтѣ тучи,—завтра будетъ дождь.

20 іюля

11 часовъ вечера. Блѣдный свѣтъ. Замѣтно, какъ стало темнѣе въ это время. У моего тихаго сосѣда гости. Кто-то очень бойко играетъ на гармоніи. Изъ сосѣдней комнаты пахнетъ сапогами и водкой. Гости чуть-чуть „клюнули“... Кстати, тутъ не говорятъ, какъ у насъ, змѣя ужалила, а змѣя клюнула. Гора называется здѣсь „варака“, фуфайка теплая—„мурманка“.

На варкѣ въ Кандалакшѣ стоятъ два старыхъ огромныхъ креста, въ воскресенье около нихъ всегда двое-трое сидятъ и смотрятъ на море, это очень поэтично...

А въ самомъ дѣлѣ, что тянетъ человѣка пойти повыше, посмотрѣть подальше?..

Почтовый чиновникъ Порочкинъ каждый день ходитъ къ морю. Его тоже тянетъ къ простору. Передъ почтовой конторой быстрая рѣка Нива, а за ней высокая гора, поросшая лѣсомъ, мѣсто закрытое.

22 іюля

Раннее утро, солнечный день. Свѣжо. Окна запотѣли. Парохода еще нѣтъ. Сергѣй Давыдычъ объявилъ, что Катерина сейчасъ „наставитъ самоваръ“. На улицѣ пусто. Изъ трубъ идетъ дымъ. Парохода долго нѣтъ, иду на „вараку“ къ крестамъ, гляжу въ бинокль на пустынное сѣрое море.

У крестовъ стоитъ старуха.

---

*) Сѣверный дельфинъ.

— Что, батюшка, отсюда въ твою глядѣлку Ковды не видно? (До Ковды верстъ 60).

— Нѣтъ, такъ далеко не видать.

— А я вотъ стара, 74-й пошелъ, а агличанина помню, какъ сюда приходилъ, Кандалакшу сжегъ. Первый разъ пришелъ, ходилъ тутъ, на гору лазилъ; мы ничего, добро, которо было, на острова вывезли, скотъ тоже. Ну, а потомъ отъ царя приказъ вышелъ, чтобы не допускать. На другой годъ лѣтомъ опять пришелъ. Я ужъ замужемъ была, парня принесла, встали мы это рано утромъ, смотримъ, а „онъ" опять идетъ большой салмой *). Видишь островъ яловый съ переймой? Около сталъ. Перво-на-перво бѣлый флагъ выкинулъ. Наши тутъ изъ пищалей, изъ ружей палить зачали. Тогда, значитъ, красный флагъ выкинулъ, изъ пушекъ запалилъ. Сперва на той сторонѣ домъ Павкова зажегъ, церковь на наволокѣ пушкими не могъ зажечи, отъ руки зажегъ, потомъ огонь назадъ перебросило и пошло. Домовъ пять отъ Кандалакши осталось.

— Что же, страшно было?

— Какъ не страшно! Перемѣненіе свѣта сдѣлалось, простились другъ съ другомъ, думали всѣхъ убьетъ... А наши съ ружьями здѣсь, на варакѣ, за камнями засѣли, въ его лодки стрѣляютъ, вотъ изъ-за этихъ камней. Какъ онъ въ нихъ изъ пушки пальнетъ! Только никого не убилъ... Потомъ музыку заигралъ и прочь пошелъ, опять большой салмой. Съ той поры мы и обѣднѣли.—Лодьи ловилъ, шкуны. Вотъ Павкова со шкуны въ одной рубашкѣ выпустилъ, а шкуну сжегъ. Послѣ правительство Павкову деньги выдало. А теперь плохо жить стало, не работно, мало денегъ достаютъ. Въ старину тутъ хорошо жили; дома всѣ съ подъизбицами были, а теперь не даютъ жердины вырубить. За все пошлину берутъ. Сельди не попадаютъ. Бывало, въ старину 70—80 человѣкъ по Мурманамъ ходили, а теперь промыслы пропали. Вотъ и нонѣ сельдей егорьевскихъ не попало, если

---

*) Салма—проливъ.

осенные не попадутъ—бѣда!.. Вотъ кое-какъ заводами кормимся, бревенщиной. Господь урожаю не даетъ. Пропадаемъ голодомъ, живемъ-позоримся. Все вотъ позябло. Рѣпа нонѣ плохая, сѣмя позябло. Съ весны знобы *) были... Издалека ходите?

— Изъ Москвы.

— Ну прощайте, у меня дома ребенокъ плачетъ.

На горизонтѣ показался длинный хвостъ дыма.

Пришелъ пароходъ. Съ берега слышно, какъ гремитъ якорная цѣпь. Къ пароходу спѣшатъ карбаса. Первая лодка съ парохода уже у берега.

Пріѣхалъ урядникъ, съ озабоченнымъ видомъ бѣжитъ по улицѣ.

— Господинъ!—обращается онъ дѣловито ко мнѣ, - не видали ли вы тутъ въ Кандалакшѣ англичанина, туриста Смита?

— Нѣтъ, не видѣлъ!

— Господинъ, а что такое „туристъ“?—спрашиваетъ онъ меня осторожнымъ тономъ.

— Туристъ? Это путешественникъ.

— Что же это, занятіе что ли какое?

— Да, въ родѣ занятія...

У урядника, видимо, затрудненіе съ иностранными словами.

— Покорно благодарю! А Смитъ это—фамилія?

— Да, фамилія.

— Ребята,—слышенъ сзади меня по улицѣ голосъ урядника,—не видали ли вы тутъ англичанина, господина „Туриста“, а занятіе его „Смитъ“?

Пароходъ идетъ Терскимъ берегомъ Бѣлаго моря. Горы стали ниже. Кандалакши давно не видно. Рядомъ со мной на палубѣ стоитъ урядникъ.

— Вотъ господинъ,—говоритъ онъ,—сколько хлопотъ съ этимъ туристомъ, чтобъ его! Просто бѣда! Надо мнѣ его найти обязательно.

---

*) Знобы—морозы.

— Зачѣмъ?

— Кто-то обидѣлъ его въ здѣшнихъ мѣстахъ, онъ и написалъ жалобу губернатору; вотъ меня и послали разслѣдовать дѣло, кто и какъ его обидѣлъ. Сказывали мнѣ въ Кандалакшѣ, что ловилъ этотъ англичанинъ по озерамъ рыбу. Панталоны у него кожаныя, непромокаемыя, по самое горло влѣзетъ въ воду, какъ ему способнѣе, по самую шею, ну и удитъ. Палатка у него тюлевая. Это отъ комаровъ,—одолѣваютъ они тутъ, проклятые!..—Ребята,—обращается онъ къ рабочимъ.—Вы съ Имандры? Не видали ли тамъ на озерѣ господина англичанина по фамиліи Туристъ, а занятіе его Смитъ, то-есть, стало быть, по-ихнему путешественникъ что ли? Палатка у него тюлевая, а брюки кожаныя по самую шею. И въ этихъ самыхъ брюкахъ онъ постоянно рыбу ловитъ?..

II

*Гороховецъ *) Владимірской губ.*

Городъ прошлаго, городъ древнихъ церквей, упраздненныхъ монастырей, старыхъ домовъ со сводами, съ маленькими рѣшетчатыми окнами, съ тяжелыми дверями, окованными желѣзомъ, и подземными ходами.

Тѣни старой жизни придаютъ Гороховцу поэзію. На фонѣ остатковъ прошлаго теперь идетъ не жизнь, а сонъ жизни... и кажется, что живутъ „такъ...“ „пока...“, а потомъ начнется въ жизни новое и интересное.

Постоялый дворъ въ Гороховцѣ. Воскресное утро. Иду въ кухню умываться. Хозяйка готовитъ начинку къ праздничному пирогу. Кухарка раздуваетъ самоваръ. Подъ окнами

---

*) Упоминается въ лѣтописи подъ 1239 г., во время второго нашествія татаръ. Въ 1787 г. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Владимірской губ.

кухни покрытъ бѣлой скатертью столъ—это хозяинъ собирается пить чай.

Въ кухнѣ на лавкѣ сидятъ двѣ печальныя фигуры: красивая дѣвушка и молодой человѣкъ съ шарманкой; рядомъ клѣтка съ морской свинкой.

— Для чего у васъ морская свинка?—спрашиваю я молодого человѣка.

— Для любопытства.

— Исправникъ запретилъ имъ играть на шарманкѣ и показывать свинку,—говоритъ хозяйка.

— Отчего?

— Не знаю. Не позволилъ и шабашъ.

На порогѣ, собираясь уходить, стоитъ своеобразная фигура: человѣкъ, у него на спинѣ яшикъ, на ящикѣ корзина, подъ ящикомъ виситъ еще корзина, спереди на груди сумка, ниже мѣшокъ, по бокамъ тоже мѣшки, на плечѣ удочки.

— Вы что за человѣкъ?—спрашиваю я.

— Странникъ-рыболовъ.

— Вотъ пойдетъ по Клязьмѣ, будетъ рыбу ловить. Половитъ, половитъ рыбки, дальше пойдетъ, — говоритъ хозяйка.

Каждое утро въ кухнѣ я вижу „проходящихъ людей", „бродячую Русь".

Я живу на „чистой половинѣ" постоялаго двора. У меня въ комнатѣ большіе, темные, старинные образа, столики, покрытые чистыми вязаными салфетками, надъ ними зеркала. Цвѣты на окнахъ. За спущенными занавѣсками оконъ цѣлый день несмолкаемый шумъ шаговъ по деревяннымъ мосткамъ улицы — Мнѣ не видно прохожихъ, но по звуку шаговъ я различаю, кто идетъ: въ 8 часовъ утра твердыми шагами проходитъ на службу почтовый чиновникъ: босые скорые шаги – бѣжитъ дѣвчонка въ лавочку; не твердая походка съ паузами – пьяный; легкое, мелкое постукиваніе каблучковъ—уѣздныя барышни. Иногда шумъ шаговъ спутанный и нестройный, иногда почему-то всѣ идутъ въ ногу; разъ-два, разъ-два. Въ три часа, въ самый жаръ, шаги

звучатъ рѣже, лѣнивѣе; ночью шаги спятъ. Это мимо оконъ моей комнаты проходитъ жизнь города Гороховца, а за стѣной слышенъ голосъ хозяина постоялаго двора:

— Офимья! Офимья!

— Сейчасъ.

— Самоваръ неси!

— Офимья, вычисти сапоги!

— Офимья, сбѣгай въ лавочку!

Афимья „бѣгаетъ" въ лавочку, чиститъ сапоги, стряпаетъ, стираетъ, ставитъ (мастерски) множество самоваровъ и дѣлаетъ тысячу дѣлъ. Когда же она живетъ, т.-е. имѣетъ минуту для себя? Да вотъ „побѣжитъ" въ лавочку и пропадетъ, въ эти минуты, хотя и контрабандой—живетъ для себя.

— Эхъ, кухарка-то у насъ того, — говоритъ хозяинъ,— куда не пошлешь — пропадетъ. Перемѣнить бы нужно, да гдѣ ихъ возьмешь, всѣ онѣ тутъ такія, да и мало ихъ— это не Москва, тамъ ихъ сколько хочешь, одна не понравилась,—бери другую.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ у Афимьи не было законныхъ часовъ отдыха. Въ воскресенье, послѣ обѣда въ кухнѣ сидитъ „гость" —солдатъ мѣстнаго гарнизона,—молодецъ хоть куда, франтъ, въ бѣлой рубашкѣ, даже съ часами. Въ 6 часовъ Афимья сидитъ за воротами и щелкаетъ сѣмечки, у слѣдующаго дома тоже сидитъ кухарка и тоже щелкаетъ сѣмечки, у слѣдующаго тоже, и такъ далѣе по всей улицѣ сидятъ кухарки и обыватели. До самой соборной площади идетъ пестрая гирлянда кухарокъ, по противоположной сторонѣ улицы то же самое.

На слѣдующій день послѣ праздника почва у всѣхъ воротъ улицы сѣровато-бѣлаго цвѣта отъ безконечнаго количества скорлупы.

Одиннадцатый часъ вечера, я сижу со знакомымъ у себя въ комнатѣ и жду самовара. За стѣной обычный возгласъ хозяина:

— Офимья! Офимья!

Никто не отзывается, въ кухнѣ мертвая тишина.

Мы выходимъ за ворота. Теплая звѣздная ночь. Городъ спитъ. На улицѣ ни души. И вдругъ, какъ бы съ неба, спрыгиваетъ солдатъ въ бѣлой рубашкѣ. Онъ молодцовато, по-гимнастически, присѣдаетъ во время прыжка, и покойно, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ по мосткамъ. Походка его ровная и дѣловитая, какъ-будто онъ идетъ издалека, съ самаго начала улицы. Солдатъ прыгнулъ съ крыши невысокаго сарая постоялаго двора. Мы со знакомымъ переглянулись, пожали плечами и вернулись въ комнату Проходя мимо кухни, я слышалъ, какъ Афимья, раздувая самоваръ, увѣряла хозяина, что она никуда не отлучалась и отчаянно божилась, что была тутъ неподалеку.

На высокой горѣ монастырь св. Николая. Подъ горой Клязьма. Внизу по эту сторону рѣки городъ весь въ бѣломъ—цвѣтутъ яблони и вишни. За Клязьмой, до самаго горизонта море синихъ лѣсовъ. Вечеръ жаркаго дня. Высоко въ чистомъ безоблачномъ небѣ летаютъ ласточки. У монастырскихъ воротъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами солнца, сидитъ на лавочкѣ молодой послушникъ и, отмахиваясь отъ комаровъ, грызетъ подсолнухи.

— Что монастырь у васъ богатый? — спрашиваю я его.

— Нѣ, бѣдный.

— Сколько монаховъ?

— Съ лошадью четыре.

— А послушниковъ?

— Шесть.

— Вы гдѣ же раньше были?

— Въ Оранкахъ.

— Отчего же оттуда ушли?

— Да такъ, казначей тамъ новый, ну порядки пошли другіе,—строгости, притѣснять сталъ, мы и ушли.

— Что же сюда, къ Николѣ сразу приняли?

— Сразу. Я отъ прежняго настоятеля изъ Оранокъ „удобреніе“ (одобреніе) принесъ. Ну этотъ съ „удобреніемъ“ сразу принялъ.

— Что же настоятель у васъ строгій?

— Строгій. Насчетъ вина, ничего, разрѣшаетъ, только къ службамъ ходи аккуратно. А насчетъ другого — иного прочаго строгъ. Да, что! Тутъ молодому монаху — скучно! Вотъ въ Оранкахъ, тамъ веселѣе.

Въ монастырскихъ воротахъ показался высокій, молодой человѣкъ въ пиджакѣ, рубашкѣ „фантазія", на головѣ— велосипедный картузъ, въ рукахъ – тросточка. Грызетъ подсолнухи.

— Это кто же?

— Это? Послушникъ!

— Что же онъ въ своемъ платьѣ?

— У насъ это можно, да и монастырь платье не всѣмъ даетъ.

— Петрушка! – обратился молодой человѣкъ съ тросточкой къ моему собесѣднику, – ты дома будешь?

— Буду. Скажи имъ, что я пошелъ „туда".

— Ладно.

— Ну а если настоятель узнаетъ, что вы не такъ себя ведете, какъ слѣдуетъ, что тогда съ вами сдѣлаетъ?

— Что сдѣлаетъ? Документъ въ руки, ну и ступай на всѣ четыре стороны. Ѣда тутъ плохая, жалованье маленькое .

— А сколько получаете?

— Четыре рубля въ мѣсяцъ.

— Что же вы водку пьете?

— Нѣ, водки не пью, не люблю.

— А остальные пьютъ?

— Шибко пьютъ, одинъ, вотъ, чуть-чуть документа не получилъ, у игумена въ ногахъ валялся, прощенія просилъ.

— За что?

— За поведеніе.

— Ну, что же, простилъ игуменъ?

— Нѣ, не простилъ, на четыре дня отсрочилъ.

— Куда же онъ пойдетъ изъ монастыря?

— Куда пойдетъ? — Куда безъ „удобренія"-то дѣнешься.

Подошелъ послушникъ—совсѣмъ мальчикъ, глаза пьяные.

— Этотъ пьетъ?

— Этотъ-то? Первый по этому дѣлу мастеръ.

Какъ-то я писалъ въ монастырѣ этюдъ. Смотрю, весь монастырь пьянъ.

Правда, тутъ образовалась нѣкоторая практика пьянаго дѣла.

Разговаривая со мной, —постороннимъ человѣкомъ, монахи прикрывали изъ приличія ротъ и дышали въ сторону.

Названія монаховъ совсѣмъ не монашескія: Петрушка, Василій Герасимовичъ.

Василій Герасимовичъ—человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, съ лицомъ каторжника, носъ слегка провалившійся. Выдаетъ себя за позолотчика. Золотитъ старый иконостасъ въ монастырѣ. Василій Герасимовичъ, видимо, прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы, былъ актеромъ и пострадалъ, по его словамъ, за политическое дѣло,—сидѣлъ въ острогѣ.

— Жилъ я въ Москвѣ, у Каменнаго моста, у Игнатьева, не изволили, господинъ, знать?

— Не знаю.

— А то жилъ у Петроградѣ, у князя Щербатова, знать не изволили?

Къ монастырю и братіи относится съ презрѣніемъ.

— Народъ! Де какіе же это люди? Монастырь скупой, кормятъ плохо—развѣ тутъ проживешь?

— Слышь ты, Василій-то Герасимовичъ,—говоритъ мнѣ послушникъ Петрушка,—смотримъ мы это къ нему въ окно, а онъ, слышь, вызолотилъ мѣдный крестъ, надѣлъ его на грудь, по кельѣ ходитъ, на груди у яво крестъ, онъ и красуется. Мы это, глядимъ, хохочемъ, а онъ не видитъ, по кельѣ ходитъ, самъ съ собою разговариваетъ, на груди у яво крестъ золоченый, онъ на него смотритъ и все говоритъ, говоритъ самъ съ собой.

Я пишу этюдъ, сзади стоитъ Василій Герасимовичъ.

— Баринъ, господинъ, нѣтъ ли у васъ красочки? Одну

вещь я дѣлаю, рамочку и въ ей монастырь, очень распрекрасно выходитъ, а красочки покрасить у меня нѣтъ, не будетъ ли милости вашей насчетъ красочки.

— Я даю.

— Кисточки въ городѣ очення дороги. Не пожалуете ли?

— Мальчикъ, а мальчикъ,—говоритъ онъ ласковымъ голосомъ, поди сюда, на тебѣ подсолнушковъ, возьми.

— Гутъ нахтъ,—обращается онъ ко мнѣ.

— Это ты что?

— Это я по-польски .. — И, блеснувъ своимъ образованіемъ, Василій Герасимовичъ уходитъ въ келью. Тамъ онъ дѣлаетъ свою „очень распрекрасную рамку". А въ свободное время пьетъ. Пьетъ не одинъ, а угощаетъ другихъ.

Это все бродячая Русь. Эти люди чувствуютъ свою непригодность къ жизни, дрожатъ, что получатъ „документъ" въ руки.

Вотъ только лошади жалко,—говоритъ одинъ изъ монаховъ, а то давно бы ушелъ изъ этого монастыря. Развѣ это монастырь?

— Ну, а настоятель у васъ пьетъ?

— Нѣ, не пьетъ.

— Что за порядки! — кричитъ Василій Герасимовичъ,— стало быть, надо золотить иконостасъ, золота нѣтъ. Иду къ настоятелю, а онъ спитъ, иду въ другой разъ, спитъ, все спитъ, постоянно спитъ. А кто монастыремъ заправляетъ? Кухарка! Что же это за монастырь?

— А, признаться, хотѣлъ было я настоятеля... того... обдѣлать, — говоритъ мнѣ Василій Герасимовичъ. Будемъ, говоритъ настоятель, золотить иконостасъ. Хорошо! Будемъ, стало быть, золотить. Я говорю: „Благословите, за золотомъ въ Нижній съѣздить", а онъ говоритъ: „Самъ поѣду и куплю". Кабы я въ Нижній-то самъ поѣхалъ, я бы пачку-то золота по 30 покупалъ, а ему бы ставилъ по 70, нѣтъ, не вышло.— И то сказать, съ своимъ „уставомъ" въ чужой монастырь не суйся.

— Бѣжитъ по лѣстницѣ внизъ отъ монастыря, въ городъ Петрушка; лицо озабоченное.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. Что у васъ новенькаго?

— Часы въ монастырѣ украли.

— Какіе, башенные?

— Нѣ, карманные.

— Кто жъ укралъ?

— Неизвѣстно!

Черезъ нѣкоторое время въ монастырѣ не видно было ни молодого человѣка съ пьяными глазами, ни щеголя съ тросточкой, они, очевидно, получили „документы“. Монастырь св. Николая очень бѣденъ, доходу, 2000 р. въ годъ, приноситъ только одна мельница. Помощью пользуется онъ отъ богатаго Флорищенскаго монастыря.

— Что у васъ тутъ за монастырь?—спрашиваю я у одного здѣшняго чиновника.

— Въ другихъ монастыряхъ хоть внѣшнее приличіе соблюдается, а тутъ ужъ очень откровенно.

— Да, скрываютъ мало; пьянство совершенно открытое; впрочемъ въ прошломъ году настоятель вздумалъ, было, запретить пить, и изъ стѣнъ монастыря выходить не велѣлъ. Хорошо, не пьютъ. Потомъ приходятъ къ нему монахи: —„Благословите“, говорятъ,—„въ лѣсъ за ягодами сходить“.—Что жъ, ступайте. Часть изъ нихъ пошла за ягодами, а часть въ городъ за водкой. Налили водку въ ведра, а сверху ягодами засыпали. Пронесли въ обитель, а ночью такъ перепились, что нѣкоторые чуть не померли.

— Скажите, что заставило васъ пойти въ монастырь?—спрашиваю я разъ послушника „Петрушку“.

— А на томъ свѣтѣ-то что будетъ!

— Ну, стало-быть, и въ монахи скоро пострижетесь?

— Нѣтъ, въ монахахъ надо быть строгимъ, ничего тогда нельзя. Еще не скоро постригусь. Да и вкладъ въ монастырь надо, а то безъ денегъ не примутъ.

— Вы изъ крестьянъ?

— Изъ крестьянъ. Мать у меня есть, ей еще изъ четырехъ рублей посылаю.

А въ городѣ медленно течетъ тихая, лѣнивая жизнь. И странно, что около старой, сѣдой старины жизнь течетъ еще тише, еще медленнѣй.

Вотъ старый, упраздненный дѣвичій монастырь. Въ бывшихъ кельяхъ живетъ гороховецкое духовенство.

Покосившаяся паперть; дворъ поросъ травой. Бродятъ куры. Множество дѣтей всѣхъ возрастовъ. Проходитъ матушка, и видно по ея фигурѣ, что она собирается еще увеличить дѣтское населеніе этого двора. Жара. За церковью богадѣльня. Старухи, сидя въ тѣни, вяжутъ чулки.

— Я ни дѣвица, ни вдова, ни мужняя жена, сама не знаю кто я такая, и въ паспортѣ у меня ничего насчетъ этого не обозначено,—говоритъ какая-то еще не старая женщина старухѣ.

Та двигаетъ спицами и сочувственно слушаетъ.

Два часа. Нестерпимо жарко. Дѣти куда-то скрылись. Я пишу этюдъ. Никого не видно, словно всѣ умерли. Каждые четверть часа звонитъ колоколъ. Колокольня упраздненнаго монастыря играетъ роль каланчи. Пожарный смотритъ, не горитъ ли гдѣ въ городѣ, и колоколъ даетъ знать, что пожарный не спитъ, а бодрствуетъ.

Надо мной окно, и слышно, какъ кто-то, сидя подъ окномъ, зѣваетъ:

— Охо-охо-охо-хо-хо-хо.

Тишина.

— Охо-хо-хо-хо... Зачѣмъ пѣтуха гоняешь?—свинья!—кричитъ тотъ же голосъ на мальчишку.

Мальчишка куда-то скрывается, — опять никого нѣтъ. Проходитъ купаться батюшка. Опять ударяетъ колоколъ. Опять кто-то зѣваетъ.

Вотъ старинный домъ Сапожникова. Какъ-то зашелъ я туда. Обитательницы все женщины; одинъ изъ владѣльцевъ, молодой человѣкъ, пропалъ во время послѣдней войны съ Китаемъ. Никакъ не могутъ доискаться, куда дѣвался. Ком-

наты со сводами, старинные дубовые столы, дубовыя скамьи по стѣнамъ. Каменный полъ, неровный, вытоптанный ногами многихъ поколѣній. Печальныя женщины. Внизу живутъ жильцы, — бѣдная семья. Кричитъ грудной ребенокъ, дѣвочка съ грустнымъ интереснымъ лицомъ лѣтъ семи, задумчивая, хорошенькая, блѣдная. подъ стать всему странному дому, неслышно, босыми ногами, проходитъ по комнатѣ. Окна мутны, стекла отъ времени стали радужными и матовыми. На дворѣ жаркое солнце, а въ комнатахъ зелено-голубой полумракъ, сыро и прохладно. Дверь, окованная толстымъ желѣзомъ, съ громадными гвоздями, ржавая, угрюмая, отворена на дворъ. Въ этомъ домѣ потайные ходы въ гору, какъ говорятъ, версты на три.

Базарный день. Жара. По мосту черезъ Клязьму ѣдутъ телѣги. Мужикъ остановилъ лошадь и льетъ изъ ведра воду на колеса. На возу сидятъ женщины въ темныхъ платкахъ, видимо, старообрядки.

Въ тѣни будки на ступенькахъ сидятъ мужики, курятъ цыгарки, съ удовольствіемъ сплевываютъ, разговоръ идетъ лѣниво; жарко. Къ сторожу въ будку вбѣгаетъ мужикъ.

— Дай хлѣбушка кусочекъ, закусить нечѣмъ.

— Нѣту.

— Дай, сдѣлай милость.

— Нѣту, весь вышелъ.

Мужикъ, разочарованный, уходитъ.

— На всѣхъ хлѣба не напасешься!

— Вѣрно!

— Ну, стало-быть, —продолжается разговоръ,— взялъ онъ ботичекъ, уплылъ это за восемь верстъ, вверхъ по рѣкѣ, перетащилъ его въ озерко и тамъ потопилъ вмѣстѣ съ веслами. Пошелъ Иванъ Звягинъ на охоту, пошелъ по озерку за утками; смотритъ: подъ ногами чей-то ботичекъ, ощупалъ: ботичекъ, какъ есть; вернулся въ городъ, сказалъ, такъ, молъ, и такъ. Ну, пошелъ Петръ, досталъ ботичекъ. Яво!

— Кто же это сдѣлалъ?

— Кто?—Сережка! Первый озорникъ!

— Спрашиваютъ: - Сережка, это ты? — Ну, конечно, заперся.

— Какъ есть идолъ! Оглашенный!

— Баринъ, пожалуйте папиросочку.

Конецъ базарнаго дня. У всѣхъ винныхъ лавокъ горы пробокъ отъ откупоренныхъ бутылокъ. Изъ-подъ навѣса постоялаго двора выѣзжаетъ большая сытая лошадь. Въ большой прочной телѣжкѣ сидитъ цвѣтущаго вида баба. Крѣпкій мальчишка подтягиваетъ упряжь. На крыльцо выходитъ полная баба высокаго роста, поправляетъ на головѣ темный платокъ и становится на подножку телѣжки. Телѣжка сильно накреняется на бокъ; баба усаживается удобнѣе, малый вскакиваетъ на козлы. Телѣжка трогается, уѣзжающіе киваютъ хозяину.

— Кто такіе?

— Старообрядцы! Особенной вѣры, поповъ нашихъ не признаютъ, своихъ имѣютъ. Въ Гороховцѣ на базарѣ краснымъ товаромъ торгуютъ. Изъ деревни верстъ за пять отсюда.

— Что же, богатые?

— Да, ничего, богатые, живутъ хорошо... Намедни ихъ спорить звали, насчетъ ихней религіи, — не пошли: „чего намъ спорить, мы и такъ знаемъ, что вѣра наша правильная: кто не по нашей вѣрѣ — не спасется, а мы спасемся. Народъ твердый!“

— Офимья, принеси, тамъ на столѣ папиросы.

— Тутъ кругомъ вѣръ много.

— Вотъ попъ у насъ не того,—говоритъ рядомъ сидящій обыватель,—померъ теперь человѣкъ одинъ у насъ въ Гороховцѣ, такъ хоронить не хочетъ.

— Отчего?

— Да, вишь, давно у исповѣди не былъ.

— Ну, какъ же теперь?

— Да десятку получитъ и похоронитъ, просто халтуры хочетъ, они до этого охочи, попы наши.

Четыре часа жаркаго лѣтняго дня.

Въ тѣни, за постоялымъ дворомъ, въ фруктовомъ саду собралась компанія: котельщикъ-мастеръ, пріѣхавшій изъ Баку, обыватель, почитывающій газеты, хозяинъ и я. Подъ столомъ корзина съ пивомъ. Пустыя бутылки, выходя изъ-подъ стола, гуськомъ одна за другой скрываются за кустомъ и выглядываютъ уже съ другой стороны.

— Василій Васильевичъ! Холодненькаго!—угощаетъ хозяинъ.

— Вотъ изъ Баку пріѣхалъ котельный мастеръ, за три тысячи верстъ, домъ себѣ тутъ строитъ.

— Ну, что у васъ на югѣ, въ Баку дѣлается?—спрашиваю я котельнаго мастера.

— Да нехорошо дѣлается, бунтуютъ.

— Кто бунтуетъ?

— Рабочіе.

— И сильно бунтуютъ?

— Да, сильно. Да еще кричатъ.

— Что же кричатъ?

— Да кричатъ „да здравствуетъ свобода!“

— Дураки!—презрительно говоритъ хозяинъ.

— Что же,—спрашиваю я потомъ хозяина,—котельный-то мастеръ кричитъ тоже?

— Куда ему!

Праздникъ вольнаго пожарнаго общества. Чудесная погода. Надъ городомъ гремитъ полковая музыка. Развѣваются знамена, блестятъ на солнцѣ мѣдныя каски, съ грохотомъ ѣдутъ пожарныя трубы. Процессія, торжественнымъ маршемъ, черезъ весь городъ идетъ на соборную площадь, тамъ служатъ молебенъ съ многолѣтіемъ. Вечеромъ на горѣ въ городскомъ лѣсу гулянье, жгутъ фейерверкъ. Всѣ члены и не члены вольнаго пожарнаго общества вдребезги пьяны. Болѣе осторожныя и осмотрительныя супруги сводятъ по крутымъ лѣстницамъ съ горы нагрузившихся мужей, преданныхъ пожарному. дѣлу.

Одни пожарные неподвижно лежатъ въ лѣсу ницъ, приложивъ голову къ землѣ и какъ бы слушаютъ, что дѣлается

тамъ внутри, другіе пляшутъ, держа въ рукахъ бенгальскіе огни.

— И не дай Богъ теперь пожаръ въ городѣ,—вздыхая, говоритъ обыватель, сходя нетвердой походкой по лѣстницѣ внизъ, въ городъ.

— Слышали?—идетъ на другой день разговоръ въ почтовой конторѣ, — какое безобразіе было вчера на горѣ по случаю пожарнаго праздника?

— И не говорите!

Верстъ за 40 отъ Гороховца лежитъ богатый Флорищенскій монастырь.

По разсказамъ, монастырь въ дремучихъ лѣсахъ. Селеній кругомъ нѣтъ. Должно-быть, поэтичное мѣсто, нужно съѣздить.

Въ Гороховецъ пріѣхали супруги Михайловы, оба художники. Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ.

Еще раньше, какъ-то въ воскресенье утромъ, отворилась дверь ко мнѣ въ комнату, и вошелъ хромой человѣкъ. Помолился Богу передъ образами, потомъ поздоровался.

— Вы, я слышалъ, собираетесь во Флорищи? Я ямщикъ, свезу васъ туда. Вотъ Господь-Богъ пошлетъ дождя, а то дорога песчанная, въ ведро ѣхать трудно. Послѣ дождя, Богъ дастъ, и поѣдемъ.

— Нѣтъ, я такъ скоро не соберусь, вотъ пріѣдутъ товарищи, тогда и поѣдемъ.

Ямщикъ закуриваетъ папироску, съ независимымъ видомъ садится на диванъ.

— А въ дому у насъ въ старинномъ были?

— Въ Сапожниковскомъ?—былъ.

— Ходы-то потаенные въ гору видѣли?—Стало-быть, ходъ этотъ задѣланъ теперь, а гдѣ онъ начинается, сваливаютъ картофель. Видалъ я этотъ ходъ. Страшно туда итти, говорятъ, до самой деревни прорытъ. Жители туда отъ воровскихъ людей прятались, и денегъ тамъ много. Раньше тѣмъ домомъ откупщики Ершовы владѣли, такъ деньги въ гробахъ туда возили. Въ ходы-то тѣ,—въ тайники и прятали.

Страсть тамъ, говорятъ, добра сколько, — клады. Только страшно тамъ. То покажется „женщина", то „пятухъ", стало-быть... привидѣнія...

Онъ докурилъ папироску и бросилъ окурокъ на полъ.

— Положи окурокъ въ пепельницу, видишь, на столѣ стоитъ.

— Стало-быть, я въ томъ дому картофель сваливалъ сколько лѣтъ. А печи тамъ видѣли?.. — Старинныя печи— узорчатыя.

— Вотъ у градского головы Кобякова тоже старинный домъ—гдѣ воинская команда нынче. Стали его подъ команду передѣлывать, глядь, а въ стѣнѣ ходъ. Посылали арестантовъ, такъ тѣ побоялись, свѣчи въ тайникѣ тухнутъ, такъ и не пошли. А на что есть изъ нихъ отчаянные.

— Такъ, стало-быть, во Флорищи не скоро поѣдете?

— Тогда я тебѣ скажу.

— Ладно. Вотъ вамъ просвирка. — Онъ всталъ, досталъ изъ задняго кармана просвирку. Просвирка была теплая и смятая. Онъ на ней сидѣлъ.

— Спасибо.

— До свиданія.

Итакъ, мы съ Михайловыми рѣшили ѣхать во Флорищи. Я пошелъ къ ямщику, чтобъ уговориться насчетъ лошадей.

— Дома?

— Нѣтъ, ушелъ въ городъ, сейчасъ за нимъ мальчишка сбѣгаетъ.

Домъ у ямщика до того старый, крыша до того гнилая, кажется, что вся постройка сдѣлана изъ щепокъ и дранокъ, сарай, конюшня — все ветхо, грязно, тяжелый запахъ. На крыльцѣ сидитъ убогая дѣвочка-дочь. Жена, глухая, вѣшаетъ бѣлье. Среди двора валяется разный хламъ. Помойная яма энергично даетъ себя чувствовать. Мальчишка камнями швыряетъ въ грачей. Грачи съ шумомъ поднимаются, кричатъ и опять садятся; въ гнѣздахъ у нихъ дѣти... Ну жизнь! Пьянство является прямо логическимъ слѣдствіемъ всего этого смраднаго существованія.

Уговорились выѣхать на другой день въ три часа дня. Выѣхали, конечно, въ пять. Ямщики запоздали.

— Пока, это самое, Василій Васильевичъ, смазывали колеса, за мазью еще бѣгали, — нехватило, лошадей попоить надо было, времени-то и не видно.

— Да теперь и ѣхать-то способнѣе къ вечеру, гнуса этого самаго меньше, слѣпня, а то днемъ слѣпень одолѣетъ, бѣда.

Наконецъ тронулись.

Лошади затрусили по улицѣ и сами остановились у винной лавки.

— Это что? Я тебя по виннымъ лавкамъ нанималъ ѣздить?

— Да винца купить немножко.

— Поворачивай прочь!

— Позвольте только бутылку отдать!

— Поѣзжай!

Ямщикъ съ сокрушеннымъ видомъ поворачиваетъ отъ лавки.

Переѣхали мостъ черезъ Клязьму. Жара. Дорога чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе, пески все глубже и глубже. Проѣзжаемъ кордоны, сперва удѣльный, потомъ казенный. Всюду однообразный лѣсъ. Проѣдешь пять верстъ, и все кажется, что одно и то же мѣсто, тѣ же суховатыя сосны, тѣ же пески.

Въ одиннадцать часовъ вечера дотащились до монастыря.

Полное разочарованіе. Подмосковный, франтоватый монастырь, даже бульваръ вокругъ. Подъѣхали къ гостиницѣ. Гостиница принадлежитъ монастырю, но арендуется какимъ-то, подозрительнаго вида, субъектомъ. Масса народу. Проходящіе плотники спятъ вповалку, завтра, по холодку утромъ, пойдутъ дальше въ Гороховецъ. Молодыя, подозрительнаго вида, женщины.

Комнаты грязныя, подушки на постеляхъ кожаныя, просаленныя. Пьемъ чай. Неуютно. Рѣшаемъ, если лошади отдохнутъ, ѣхать завтра въ пять часовъ утра обратно.

Наши ямщики пьютъ чай.

Я ложусь спать, кладу рядомъ заряженный револьверъ.

— Убить не убьютъ, а часы золотые, пожалуй, стащатъ.

Ночью душно, жарко.

Утромъ собираемся уѣзжать.

Входитъ ямщикъ Иванъ.

— Иванъ Ивановичъ, — обращается онъ къ Михайлову,— позвольте тридцать копеекъ.

— На что тебѣ?

— Картинки въ монастырѣ очень хорошія продаютъ. Монастырь весь, какъ есть, представленъ. Надо женѣ картинку такую свезти.

— Получи.

Утромъ въ шесть часовъ выѣзжаемъ. Ѣдемъ другой дорогой, лошадямъ гораздо легче, песку меньше; спрашивается, почему мы не ѣхали здѣсь вчера? — Иванъ медвѣдей боялся.

Жара. Скоро Гороховецъ.

— Иванъ, а вѣдь теперь ты мнѣ, пожалуй, спасибо скажешь, что я тебя въ винную лавку не пустилъ. Не пилъ, и, пожалуй, лучше себя чувствуешь,—говорю я.

— Нѣтъ, мы въ гостиницѣ выпили. Съ вечера у хозяина просили, не далъ, говоритъ, народу много, побоялся, а какъ уѣзжать стали, народъ это разошелся, онъ и отпустилъ. Иванъ Ивановичъ мнѣ тридцать копеекъ дали, ну мы и выпили.

Такъ вотъ для какой „картинки" Иванъ просилъ денегъ!

— Да мы водки-то хотѣли купить въ Гороховцѣ не для себя.

— А для кого?

— Для монаховъ: очень завсегда просятъ.

— Что же, ихъ даромъ угощаете?

— Нѣтъ, зачѣмъ даромъ, — продаемъ.

Въ восьми верстахъ отъ Гороховца лежитъ село Мячиково, близъ Мячикова старый упраздненный монастырь св. Василія Великаго. Архитектура монастыря жестокая и уны-

лая. Отъ села до монастыря версты полторы, — ходить къ службамъ далеко, а потому въ Мячиковѣ строятъ церковь.

— И чего строятъ; кому въ эту церковь ходить?—говоритъ ямщикъ Иванъ.

— Въ этомъ селѣ десять вѣръ и всѣ разныя, одинъ старшина православный!

Жарко, дымно и душно. Кругомъ лѣсные пожары,—горятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣса. Маленькій грязный пароходъ осторожно идетъ по обмелѣвшей Клязьмѣ въ Нижній.

На палубѣ перваго класса кутитъ молодой человѣкъ, онъ веселится во-всю: при немъ собутыльникъ и для большей веселости спеціально нанятый гармонистъ. Гармонистъ играетъ не переставая. Компанія пьетъ. Лишь только приносится новая бутылка, немедленно уплачиваются деньги.

— Уплачено ли?

— Такъ точно, уплачено.

Молодой человѣкъ самодовольно принимается за новую бутылку.

— Извините, господа, пьянъ, что дѣлать, извините. Дуракъ! То-есть, я дуракъ!

— Мѣстный или проѣзжій?—спрашиваю я.

— Проѣзжій.

Компанія доходитъ до „градусовъ“. Жена отставного тюремнаго смотрителя изъ Гороховца благоразумно удаляется въ каюту, и не безъ основанія: молодой человѣкъ, „дуракъ“, съ трудомъ приподнимается со своего мѣста и торжественно провозглашаетъ:

— Господа! Обратите вниманіе: Паре!—(пари) онъ сразу выпиваетъ огромный стаканъ водки и потомъ немедленно, вслѣдъ за стаканомъ водки, стаканъ холодной воды со льдомъ.

— Никакихъ послѣдствій! — торжественно провозглашаетъ онъ.

— Плати.

Собутыльникъ платитъ.

— Извините, господа, я пьянъ, а впрочемъ, запретить мнѣ пить вы не имѣете никакого полнаго права. — Въ его голосѣ чувствуется желаніе поскандалить.

— Ничего, пейте, пожалуйста, по законамъ Россійской имперіи это не запрещается, — говоритъ одинъ изъ пассажировъ.

Черезъ полчаса два матроса сводятъ подъ руки въ каюту молодого человѣка, „выигравшаго пари". На палубѣ онъ больше не показывается.

Утромъ въ Нижнемъ публика сходитъ съ парохода. Уходитъ молодой человѣкъ, „дуракъ", какъ онъ рекомендовалъ себя публикѣ.

— Ничего, ожилъ,— говоритъ матросъ, глядя ему вслѣдъ,— а ночью совсѣмъ, было, померъ.

В. Переплетчиковъ **Проливъ Маточкинъ Шаръ на островѣ „Новая Земля“.**

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Теперь, когда въ іюлѣ и августѣ 1913 г. окончательно установлена возможность сообщенія между Европой и устьями Сибирскихъ рѣкъ, Новая Земля, лежащая на пути этого сообщенія, получаетъ новое важное значеніе.

Съ давнихъ поръ этотъ островъ, богатый звѣремъ и рыбой, служитъ мѣстомъ промысловъ для русскихъ и самоѣдовъ. Еще въ XVI вѣкѣ знаменитый венеціанскій мореплаватель Себастьянъ Каботъ подалъ мысль, что путь въ Индію возможенъ черезъ сѣверныя моря Европы и Азіи.

Первой пошла этимъ путемъ изъ Лондона экспедиція Виллоби въ 1553 г. въ количествѣ трехъ кораблей. Экспедиція потерпѣла неудачу; самъ Виллоби и 65 человѣкъ его экипажа погибли у береговъ Лапландіи отъ голода и холода.

Одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи Ченслеръ со своимъ кораблемъ былъ занесенъ бурей въ Бѣлое море, по-

палъ въ Двинскую губу, отсюду пробрался въ Московію и былъ милостиво принятъ Іоанномъ Грознымъ.

Въ 1596 г. голландецъ Баренсъ прошелъ до самой сѣверной оконечности Новой Земли. Здѣсь въ іюлѣ его судно было затерто льдами и Баренсу пришлось зимовать здѣсь со своимъ экипажемъ.

Изъ плавника, лѣса, прибитаго морскимъ теченіемъ къ берегамъ острова, Баренсъ и его спутники выстроили себѣ хижину.

Перезимовавъ, несмотря на страшные холода, лѣтомъ слѣдующаго года, когда океанъ очистился ото льда, Баренсъ со своими спутниками на лодкахъ отправились дальше. Корабль былъ раздавленъ льдами.

У Ледяного Мыса Баренсъ, болѣвшій все время, умеръ; тамъ похоронили его, а команда двинулась дальше. Уцѣлѣвшихъ спутниковъ Баренса спасли русскіе промышленники; съ ихъ помощью экспедиція добралась до Лапландіи, а оттуда голландское судно доставило ихъ на родину.

Въ 1871 г. норвежскій капитанъ Карлсенъ случайно попалъ въ ледяную гавань, открылъ подъ снѣгомъ хижину Баренса, въ которой Баренсъ 274 года тому назадъ зимовалъ со своимъ экипажемъ.

Въ хижинѣ ничего не измѣнилось: на стѣнѣ висѣли часы, стояла мебель, на столѣ лежали книги и флейта.

Теперь всѣ эти вещи находятся въ Амстердамѣ въ Національномъ музеѣ, а на Новой Землѣ поставленъ памятникъ Баренсу и его именемъ названа самая сѣверная часть острова.

Съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ смѣлыхъ людей неуклонно ведетъ изслѣдованіе Новой Земли.

Въ 30-хъ годахъ XIX ст. Пахтусовъ совершилъ двѣ экспедиціи на Новую Землю. Послѣ второй онъ умеръ, измученный трудами и лишеніями своего путешествія.

Въ 1838 г. на берегу Мелкой губы умеръ отъ цынги во время своего третьяго путешествія прапорщикъ Циволька, съ нимъ погибли и его 8 спутниковъ.

Цѣлый рядъ экспедицій: академика К. Бэра 1737 г., Іогансена 1869 г. обогнула весь островъ. Экспедиціи Чернышева 1895 г., князя Голицына 1896 г., художника Борисова и друг. неутомимо работаютъ надъ изслѣдованіемъ Новой Земли.

Извѣстный за послѣднее время изслѣдователь Новой Земли В. А. Русановъ обошелъ кругомъ весь островъ.

Длина этого огромнаго острова 1000 верстъ. Въ самыхъ широкихъ мѣстахъ отъ одного берега до другого не болѣе 130 верстъ и на этомъ пространствѣ въ 100.000 кв. верстъ южной и средней его части живутъ до 100 человѣкъ колонистовъ-промышленниковъ, русскихъ и самоѣдовъ. Самая сѣверная часть острова—земля Баренса—представляетъ изъ себя сплошную ледяную пустыню.

Только два раза въ годъ: въ іюлѣ и сентябрѣ, когда океанъ очищается ото льда, приходитъ пароходъ въ Новую Землю, въ остальное время жители острова совершенно отрѣзаны отъ всего міра. Пароходъ обходитъ становища: Бѣлужью губу, Малыя Кармакулы, Маточкинъ Шаръ, Ольгинскій поселокъ; правительственный чиновникъ забираетъ промыслы, а взамѣнъ ихъ снабжаетъ колонистовъ порохомъ, керосиномъ, чаемъ и другими продуктами. Снабжаютъ колонистовъ-даже дровами изъ Архангельска, такъ какъ на Новой Землѣ нѣтъ деревьевъ, тамъ только одинъ голый камень.

Главное занятіе жителей Новой Земли охотничьи промыслы: тутъ въ изобиліи водятся бѣлые медвѣди, песцы, лисицы, сѣверные олени.

У береговъ живутъ морскія животныя: моржи, тюлени, бѣлуга.

Промышленники занимаются ловлей гольца (особенный видъ семги); здѣсь встрѣчаются: мойва, навага, треска.

Составляя продолженіе Урала, Новая Земля богата металлами. Недавно въ ея южной части началась разработка обильныхъ залежей мѣди.

Въ Крестовой губѣ мраморныя ущелья спускаются прямо къ океану. На Новой Землѣ есть серебро.

Климатъ Новой Земли суровый.

Извѣстный самоѣдъ Илья Вылка разсказываетъ, что, когда онъ на собакахъ ѣхалъ на Карскую сторону (западная часть Новой Земли), у него градусникъ лопнулъ отъ холода. Поднялся страшный береговой вѣтеръ. Вылка зарылся въ снѣгъ и лежалъ подъ снѣгомъ 4 дня, половина собакъ погибла.

Однажды въ Пасхальную ночь самоѣды становища Малыя Кармакулы съ монахомъ Іоной ползли на четверенькахъ въ церковь къ заутренѣ.

Итти не было никакой возможности, камни летѣли по воздуху, и вѣтеръ сшибалъ съ ногъ людей.

По окончаніи заутрени, когда самоѣды и монахъ Іона возвращались домой, ихъ вѣтромъ разбросало въ разныя стороны.

Монаха Іону бурей перебросило на нѣсколько саженъ прямо къ дверямъ его дома.

Вотъ что пишетъ о вѣтрахъ Новой Земли Илья Вылка въ своихъ запискахъ.

„Въ 1908 г. въ октябрѣ я отправился со своими товарищами на охоту. Одинъ день проѣхали 60 верстъ. Мы нашли рыбную рѣку. Остановились, поставили юрту. Мы хотѣли на четвертый день вернуться домой. Вечеромъ было тихо. По небу большія тучи быстро ходили. Я задумалъ: навѣрное будетъ сильная погода дуть. Мы тогда чай пили.

„Вдругъ сильный вѣтеръ задулъ въ нашу жалкую юрту. Мы не замѣтили, какъ вылетѣли: ни чашекъ, ни чайника, ни ружья, ни саней—ничего нѣтъ. Другъ друга не видимъ: кромѣ своихъ рукъ ничего не видно. Я крикнулъ своимъ спутникамъ: гдѣ вы? Они кое-какъ добрались до меня. Мы кричали собакамъ. Собаки всѣ собрались, мы тутъ всю ночь сидѣли. Утромъ вѣтеръ немножко стихъ. Мы стали вещи собирать: чашки, чайникъ, топоръ, юрту, ружья. Которыя вещи нашли, которыхъ нѣтъ. Мы въ тотъ день поѣхали домой“.

Благодаря своимъ природнымъ богатствамъ, Новая Земля

имѣетъ будущность не только какъ опорный пунктъ сообщенія Европы съ устьями сибирскихъ рѣкъ, но и какъ самостоятельная цѣнность,—та цѣнность, которая изъ неподвижной и мертвой можетъ превратиться въ живую и продуктивную, благодаря смѣлости, предпріимчивости, опирающихся на изученіе страны, на культуру, знанія и энергію.

Тѣ труды и жертвы, которыя приносились въ теченіе цѣлыхъ трехсотъ лѣтъ русскими и иностранными изслѣдователями, не пропадутъ даромъ, и можно надѣяться, что Новая Земля мало-по-малу раскроетъ свои природныя богатства, несмотря на отдаленность отъ центра и на ея суровыя климатическія условія.

Въ іюлѣ 1913 г. въ Архангельскѣ стояли тропическія жары. Кругомъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи горѣли сотни тысячъ десятинъ лѣса. Массами гибли птицы, медвѣди выбѣгали изъ лѣсовъ въ селенія. Сгоняли народъ тушить громадныя горящія лѣсныя пространства, а пожары разгорались все больше и больше и вспыхивали въ новыхъ и новыхъ мѣстахъ. Солнце среди дыма и гари сѣрымъ пятномъ стояло на небѣ.

Нагрузка парохода „Королева Ольга Константиновна“, уходящаго на Новую Землю, давно уже кончилась. Ждутъ губернатора. На берегу власти города Архангельска и цѣлый штатъ полиціи. У каждаго трапа стоятъ стражники.

— Ты куда?—спрашиваетъ стражникъ у рабочаго.

— Да надо еще на берегъ сбѣгать,—отвѣчаетъ рабочій.

— Ну, нѣтъ, братъ, сиди на пароходѣ. Тебѣ на землю теперь больше ходу нѣтъ. Вотъ этакъ: отправится на берегъ передъ отходомъ,—говоритъ стражникъ, замѣтивъ мой вопросительный взглядъ:—жалованье-то за мѣсяцъ впередъ получилъ, пароходу отходить, а ты тамъ его ищи-свищи.

Пароходъ съ верху до низу нагруженъ всевозможной кладью: везутъ маленькія промысловыя шлюпки, шлюпки побольше, большой карбасъ *), моторъ, дрова, строитель-

*) Карбасомъ на сѣверѣ называется большая морская лодка.

ные матеріалы, бочки, — все это горой возвышается на палубѣ.

Вдругъ полицейскіе чины на берегу вытягиваются и принимаютъ нѣсколько напряженный видъ, какъ будто они позируютъ передъ фотографическимъ аппаратомъ, среди властей движеніе: это показался экипажъ губернатора.

Губернаторъ входитъ въ рубку парохода, выпиваетъ напутственный бокалъ шампанскаго и желаетъ счастливаго плаванія. Затѣмъ онъ и всѣ провожающіе уходятъ. Третій свистокъ. Трапы сняты. Слышенъ звонъ внутри парохода— это сигналъ механику. Осторожно начинаетъ ударять винтъ за кормой.

На берегу и на пароходѣ наступила полная тишина, всѣ обнажили головы.

Разстояніе между пароходомъ и провожающими все увеличивается и увеличивается, — растетъ другое разстояніе: одни уходятъ въ далекія страны, въ область случайностей и неожиданностей, другіе остаются на берегу, гдѣ этихъ случайностей меньше.

Близстоящій пароходъ гидрографической экспедиціи полковника Арскаго „Савватій", тоже уходящій на-дняхъ на Новую Землю, сигнализируетъ: „счастливый путь". „Ольга" благодаритъ его долгимъ торжественнымъ свисткомъ.

На берегу и на пароходѣ махаютъ шапками, платками. Солнце краснымъ шаромъ среди дыма спускается къ горизонту, по тихой Двинѣ бѣгутъ пароходы, скользятъ маленькіе моторы. Фигуры на берегу стали совсѣмъ крошечными, кто продолжаетъ махать платкомъ, кто уже уходитъ. Видно, какъ поѣхалъ экипажъ губернатора. „Ольга" полнымъ, свободнымъ, веселымъ ходомъ идетъ впередъ. Вся Двина, всѣ берега во мглѣ, и отъ этого рѣка кажется еще шире.

Архангельскъ давно скрылся изъ глазъ. Мы все еще идемъ устьемъ Двины. Около берега горитъ огромный костеръ, -это жгутъ кору съ бревенъ около лѣсопильнаго завода. Широкая пароходная волна слегка качнула костеръ, и онъ сталъ не такимъ яркимъ, но все еще продолжалъ

горѣть золотистымъ, волшебнымъ свѣтомъ среди мглистыхъ, дымныхъ сумерекъ.

На Бѣломъ морѣ дымно и полный штиль. Упрямымъ, ровнымъ темпомъ работаетъ пароходный винтъ, и висячія лампы въ общей каютѣ вторятъ ему мелкимъ, согласнымъ дрожаніемъ.

Самое разнообразное общество собралось въ этомъ году на Новую Землю. Помимо двухъ чиновниковъ, спеціально ѣдущихъ туда по дѣламъ колонизаціи, ѣдетъ англійскій офицеръ артиллеристъ, ѣдетъ нѣмецкая писательница. Собрались изъ разныхъ концовъ Россіи: два учителя, астрономъ изъ Москвы, студентъ естественникъ, пѣвецъ, математикъ, только что окончившій университетъ, агрономъ, желающій изучить птичьи базары на Новой Землѣ, чиновникъ изъ Москвы, чиновникъ изъ Архангельска, собирающійся провести зиму на Новой Землѣ; сотрудникъ газеты „Архангельскъ", ѣдущій для собиранія свѣдѣній о пропавшихъ экспедиціяхъ Русанова и Сѣдова; монахъ, зимовавшій раньше на Новой Землѣ и ѣдущій теперь туда, чтобы смѣнить тамъ зимовавшаго другого монаха. Въ третьемъ классѣ ѣдутъ промышленники на лѣтніе промыслы и рабочіе для ремонта избъ колонистовъ на Новой Землѣ.

Весь этотъ людской винегретъ давнымъ давно уже спитъ по своимъ каютамъ. На палубѣ никого, только щебечутъ двѣ маленькія птички, онѣ, забравшись далеко въ море, временно залетѣли на пароходъ, эти птички отдохнутъ и полетятъ къ берегу.—Спать не хочется и я сижу на палубѣ.

— И зачѣмъ это люди воюютъ? Жили бы по-братски! Чего это славяне передрались? — говоритъ мнѣ капитанъ, сидя рядомъ со мной на лавочкѣ.

И среди этой мягкой, морской тишины, ровной работы пароходнаго винта, полуночной зори, переливающейся золотистымъ свѣтомъ въ морскихъ волнахъ, казалось страннымъ, что гдѣ то люди перегрызаютъ другъ другу горла

— А я теперь все время спать не буду, – говоритъ капитанъ, — вотъ пройдемъ ковшъ Бѣлаго моря, пройдемъ

горло, тогда можно будетъ выспаться. Пусть тамъ и покачаетъ—въ океанѣ мягко,—и отправляется на капитанскій мостикъ. Капитанъ обезпокоенъ: лѣтній берегъ Бѣлаго моря теперь чуть виденъ въ дыму лѣсныхъ пожаровъ, и трудно оріентироваться.

На другой день въ Бѣломъ морѣ тоже тишина. Дымъ парохода недвижнымъ зигзагомъ остается за кормой: по одному курсу съ нами идутъ иностранные грузовики съ лѣсомъ, бѣлѣютъ паруса яхтъ, бѣлѣютъ снѣга по берегамъ, и иногда трудно различить гдѣ снѣгъ, а гдѣ парусъ. На палубѣ оживленіе: осматриваютъ и приготовляютъ ружья для предстоящихъ охотъ, налаживаютъ фотографическіе аппараты. Идутъ благодушныя бесѣды.

— Зимовалъ, это, я на Новой Землѣ,—ровнымъ покойнымъ голосомъ разсказываетъ монахъ, — убили самоѣды медвѣдицу, а двухъ бѣлыхъ медвѣжатъ со мной поселили. Ну, какъ же эти медвѣжата ко мнѣ привязались! Бывало, уѣду отъ нихъ потихоньку на острова рыбу ловить; нѣтъ меня: они и забезпокоятся. Сейчасъ искать. Заливъ, бывало, переплывутъ, а меня безпремѣнно разыщутъ. Одного звали „бѣлка“, а другого „мальчикъ“.

— Позвольте, Николай Яковлевичъ, въ лотерею гармонію немедленно разыграть, — прерываетъ разсказъ подошедшій плотникъ, обращаясь къ чиновнику.—Деньги безпремѣнно занадобились.

— Ну, ты это, братъ, того, брось. Для пьянства тебѣ деньги понадобились. Нельзя!—категорически отказываетъ чиновникъ.

— И повезли этихъ бѣлыхъ медвѣжатъ въ Архангельскъ продавать,—продолжаетъ монахъ: — спрыгнулъ одинъ изъ этихъ медвѣжатъ съ парохода въ океанъ и уплылъ назадъ въ становище; 300 верстъ океаномъ проплылъ. Приплылъ въ становище, сталъ на берегъ вылѣзать, тутъ его самоѣды и застрѣлили. — А другой до Архангельска доѣхалъ. Тамъ безъ меня съ нимъ справиться не могутъ, никого не слушаетъ. Выпросили у меня рясу, кто мою рясу надѣнетъ,

ну, того и слушаетъ, а то никакого сладу съ нимъ нѣтъ. Потомъ его за границу въ звѣринецъ продали. Оба они блестящія вещи очень любили—металлическія.

Внизу въ общей каютѣ одни играютъ въ винтъ, другіе пьютъ чай, закусываютъ. Посреди каюты люкъ, это ходъ внизъ въ кладовую, гдѣ хранится провизія. То-и-дѣло буфетчикъ поднимаетъ дверь люка и скрывается въ преисподнюю. Люкъ этотъ имѣетъ свою исторію: туда въ разное время провалились: одинъ архангельскій губернаторъ и два видныхъ архангельскихъ чиновника.

Прежде чѣмъ опускаться въ люкъ, буфетчикъ время отъ времени обращается къ пассажирамъ.

— Осторожнѣй, господа. Не провалитесь въ люкъ. Сюда разъ губернаторъ упалъ; упалъ благополучно—на горничную, и ничего не повредилъ ни себѣ, ни горничной. А вотъ одинъ чиновникъ упалъ, тотъ сразу 12 бутылокъ расшибъ съ разными напитками, тоже упалъ благополучно.—ничего себѣ не ушибъ, только потомъ очень недоволенъ былъ, когда ему счетъ за разбитые напитки подали. А другой чиновникъ съ бумажкой въ рукѣ падалъ. Обѣдъ былъ, онъ во время обѣда рѣчь по бумажкѣ говорилъ, заглядѣлся въ бумажку, да и провалился. Ну, тоже, благополучно, ничего себѣ не повредилъ, попалъ прямо на пустыя корзины.

— Потомъ пассажиры разные падали,—добавляетъ онъ, очевидно, считая, что мы можемъ подумать, что падать въ люкъ есть исключительная привилегія высшей архангельской администраціи. Разсказываетъ онъ это, конечно, чтобъ избавить путешественниковъ отъ этой непріятной случайности, но у него есть еще соображенія относительно себя самого. Спускаясь въ люкъ, онъ видимо, боится, что и въ данный моментъ кто-нибудь изъ туристовъ можетъ упасть ему на голову, а среди ѣдущихъ были люди крупнаго роста и хорошаго тѣлосложенія. Получить подобную тяжесть внезапно на голову—удовольствіе не изъ пріятныхъ, и буфетчику, видимо, это не улыбалось.

Прошли горло Бѣлаго моря. Начинаетъ покачивать.

Вѣтра нѣтъ, но въ океанѣ мертвая зыбь—остатки недавняго шторма. Качка становится сильнѣе и сильнѣе. Пассажиры одинъ за другимъ выбываютъ изъ строя. Общая каюта пуста, всѣ лежатъ по койкамъ. На столѣ рѣшетки для тарелокъ и стакановъ.

Большая океанская волна кладетъ пароходъ то на одинъ бокъ, то на другой, а когда набѣгаетъ девятый валъ, то кренъ еще больше. Начинается вѣтеръ — погода хмурится,

На полу общей каюты валяются книги, сброшенныя качкой со стола. Ѣздятъ по дивану ружья и, того и гляди, свалятся на полъ. Чья-то чайница и сахарница ѣздятъ по полу, къ нимъ присоединяется пепельница съ окурками. Чай, сахаръ, окурки давно валяются тутъ же на полу и перемѣшались между собой, а между чайницей, сахарницей и пепельницей идетъ игра, они какъ будто догоняютъ другъ друга. Приходитъ блѣдная горничная, ее тоже укачиваетъ, и начинаетъ наводить порядокъ: она отправляетъ чай прямо съ пола въ чайницу; сахаръ прямо съ пола въ сахарницу и ставитъ все это на столъ.

— Что эти ружья, не заряжены?—спрашиваетъ она меня осторожно косясь на ружья, которыя все время движутся по дивану.

— Ничего я вамъ не могу сказать насчетъ этого, — отвѣчаю я.

Въ это время слышится отчаянный звонокъ въ одной изъ каютъ. Держась за стулья, за столъ, горничная направляется въ каюту. Видимо, кого-то сильно прихватила морская болѣзнь, а черезъ минуту тѣ же сахарница, чайница и пепельница летятъ со стола и опять начинаютъ свою игру.

Пароходъ начинаетъ тяжело поскрипывать, скрипятъ груды клади на палубѣ, а изъ каютъ то и дѣло раздаются тревожные звонки. Блѣдная горничная и лакей, съ измѣнившимся лицомъ, держась за стѣны, пробираются на помощь страдающимъ морской болѣзнью.

Иногда на палубу выползаетъ кто-нибудь блѣдный и изможденный и разсказываетъ другому блѣдному человѣку:

— Сильно меня прихватило. А ему, ничего.—Который часъ?—спрашиваетъ онъ меня.—Да мои часы далеко,—отвѣчаю я. — Ну, тогда я свой будильникъ посмотрю.— Открываетъ сакъвояжъ, наливаетъ въ чарку коньяку и выпиваетъ.—Мнѣ, говоритъ, мое положеніе не позволяетъ, чтобъ пить открыто, вы сами это понимаете, и кромѣ того не хочется буфетчику „за пробку“ платить. Хорошо! А васъ, спрашиваетъ, порядочно прихватило? — Порядочно. — Ну, выпейте, это васъ поддержитъ.—Наливаетъ онъ мнѣ чарку, а чарка размѣромъ такая, что и собака не перепрыгнетъ. Выпиваю я это чарку, а мнѣ еще хуже. — Вамъ, говоритъ, безпремѣнно нужно вторую выпить, одной мало. Выпиваю, это, я, вторую, мнѣ еще хуже, и чувствую, что хуже не отъ моря, а отъ чарки.—Если, говоритъ, вамъ это не помогаетъ, то пойдемте въ машину, тамъ качка меньше.—Хорошо. Идемъ въ машину, тамъ мнѣ отъ жары еще хуже.—Ну, говоритъ, я теперь вижу, что вамъ ничего не поможетъ. Ложитесь и старайтесь уснуть.—Вотъ все время и страдаю. А ему хоть бы что. Ни море его не береть, ни коньякъ.

Мы идемъ уже болѣе двухъ сутокъ. Пароходъ все время качаетъ. На капитанскомъ мостикѣ движеніе: капитанъ. штурманъ внимательно смотрятъ въ бинокли.

— „Новая Земля“ видна,—говоритъ мнѣ капитанъ.—Посмотрите.

Въ бинокль виденъ длинный, невысокій островъ, на островѣ небольшая башня, это—водомѣрный знакъ.

— „Островъ Подрѣзовъ“,—говоритъ капитанъ:— сейчасъ въ Бѣлужью губу входить будемъ, тамъ тихо.

Мы идемъ губой, кругомъ плоскіе низкіе берега, по берегамъ, спускаясь къ океану большими бѣлыми глыбами, лежатъ снѣга. Хмуро, пасмурно. Дальше чуть видны маленькіе домики становища „Бѣлужьей губы“.

Боже мой! Какія унылыя мѣста!

Пароходъ даетъ долгій торжественный свистокъ, на дальнемъ берегу, въ становищѣ начинается суетня: стрѣляютъ изъ ружей. У насъ на пароходѣ тоже идетъ ружейная

пальба. Спускаютъ якорь, къ пароходу радостно подплываютъ лодки. Съ прошлаго сентября эти люди едва ли кого видѣли съ „Большой земли“, такъ тутъ называютъ материкъ. Берега были затерты зимними льдами, и сообщеніе открылось только на-дняхъ.

На Новой Землѣ самоѣды говорятъ, что у нихъ два праздника: Рождество и Пасха. Рождество, это — первый рейсъ парохода, а Пасха—второй. Только два раза въ годъ приходитъ пароходъ въ эти отдаленныя страны.

Къ пароходу подходитъ первый карбасъ. Извѣстный самоѣдъ-художникъ, Илья Вылка въ плащѣ съ мѣдными застежками, въ чиновничьей фуражкѣ, но безъ кокарды, съ золотой медалью на красной лентѣ *) важно и внушительно стоитъ среди карбаса, онъ похожъ не на самоѣда, а на таможеннаго чиновника. Кругомъ его самоѣды въ малицахъ.

— Здорово!—привѣтствуютъ съ парохода.

— Здорово!—отвѣчаютъ самоѣды.

— Ну, какъ промыслы въ этомъ году?

— Плохо!

---

*) Золотую медаль Илья Вылка получилъ за участіе въ экспедиціи В. А. Русанова, которая въ 1910—11 г. обошла кругомъ всю Новую Землю. Илья Вылка служилъ проводникомъ во многихъ экспедиціяхъ и раньше:

«Это человѣкъ незамѣнимый въ экспедиціяхъ и какъ участникъ, и проводникъ,—онъ читаетъ книгу природы, какъ мы съ вами газеты, это живая карта Новой Земли. Человѣкъ онъ смѣлый, отважный, рѣшительный, отличный охотникъ—бьетъ гуся пулей на лету». Такъ характеризовалъ И. Вылку В. А. Русановъ, извѣстный, нынѣ безслѣдно исчезнувшій изслѣдователь Новой Земли.

Вылка провелъ одну зиму въ Москвѣ гдѣ изучалъ живопись, ариѳметику, географію, русскій языкъ, съемку географическихъ картъ. Имъ присланы въ Зоологическій музей Императорскаго Моск. Университета коллекціи чучелъ полярныхъ птицъ съ Новой Земли. Такъ же имъ собраны гербаріи.—Вылка по недостатку средствъ не могъ продолжать дальше свое обученіе въ Москвѣ. Теперь, живя на Новой Землѣ, занимаясь звѣринымъ промысломъ, онъ пишетъ картины. Его интересныя записки о Новой Землѣ были напечатаны въ московскомъ журналѣ „Путь“ февраль. 1912 г.). Въ 1913 году онъ прислалъ въ Архангельскъ рядъ своихъ работъ, которыя были выставлены въ Москвѣ.

— Шкуры медвѣжьи есть?

— Немного есть!

— А песцы?..

— Песцовъ не попадало! Ни одного нѣтъ!

— Въ становищѣ здоровы!

— Нѣтъ, 11 человѣкъ померло!

— Отъ цынги?

— Нѣтъ, отъ кори!

На палубу по трапу входитъ Илья Вылка.

— Ну, какъ здоровъ?—спрашиваю я.

— Плохо. Корью былъ боленъ, потомъ воспаленіемъ легкихъ, а потомъ сердце болѣло, недѣли двѣ, какъ поправился, а то все лежалъ.

— Работалъ?

— Да, немного картины рисовалъ, не очень много.

— Не слышалъ ли о Сѣдовѣ чего, о Русановѣ?

— Нѣтъ, я ходилъ на Карскую сторону, до Пахтусова острова доходилъ, никого не встрѣтилъ. Въ Маточкиномъ Шарѣ о нихъ тоже ничего не знаютъ.

Самоѣдовъ набирается все больше и больше. Они сидятъ въ пароходной рубкѣ, ихъ разспрашиваетъ объ обстоятельствахъ зимней жизни чиновникъ, вѣдающій дѣла колоній Новой Земли.

— Отчего песцовъ нѣтъ? - спрашиваетъ онъ.

— Мыши много было. Мышью песцы питались, не шли въ капканъ на приманку.

— А медвѣди?

— Медвѣдей тоже мало было, рыба сайга отъ нашихъ береговъ ушла, а медвѣдь эту рыбу любитъ.

Мы въ шлюпкѣ ѣдемъ на берегъ. Приставать довольно трудно, берегъ крутой, кругомъ снѣгъ. Земля еще не оттаяла и не просохла, и имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ у насъ весной въ мартѣ мѣсяцѣ. Около избъ лежатъ ѣздовыя самоѣдскія собаки, на насъ онѣ не лаютъ,—только искоса поглядываютъ. Я и еще нѣсколько туристовъ входимъ въ самоѣдскую избу. Изба маленькая и грязная,

пахнетъ прокисшими оленьими шкурами. На нарахъ неподвижно сидятъ самоѣдки, онѣ сидятъ, какъ изваянія, и не поворачиваются, чтобы посмотрѣть на насъ.

Во второй комнатѣ за перегородкой кто-то непрерывно стонетъ.

— Это жена моя,— говоритъ самоѣдъ: — помираетъ, никакъ померeть не можетъ. Ужъ давно она въ гробныхъ доскахъ, не ѣстъ, не пьетъ, все мучается.

— Что съ тобой?..—спрашиваетъ ее одинъ изъ туристовъ. Больная стонетъ еще больше. Въ избѣ душно и грязно, тяжелый запахъ плохо выдѣланныхъ шкуръ, въ маленькое окно видны унылыя, ровныя, безнадежныя долины; кой-гдѣ бѣлыми кусками лежатъ снѣга. На дворѣ грызутся собаки.

— Ну, обстановочка! Нечего сказать! — говоритъ одинъ изъ туристовъ.—Пойдемъ дальше. Прощайте!

— Прощайте!—отвѣчаетъ самоѣдъ. Женскія фигуры попрежнему неподвижны и молчаливы.

— Зайдемъ въ избу Ильи Вылки,—говоритъ одинъ изъ туристовъ. На дорогѣ лежатъ собаки, искоса поглядываютъ на насъ и не думаютъ подниматься.

— „Уить!“—кричитъ на нихъ самоѣдъ и дѣлаетъ угрожающій жестъ, собаки опрометью бросаются въ разныя стороны. Очевидно, тутъ съ ними не церемонятся.

Въ избѣ Ильи Вылки чисто и аккуратно. Насъ встрѣчаетъ его жена Прасковья, самъ онъ уѣхалъ на пароходъ.

— Здравствуй, Прасковья! Какъ живешь?—говорю я.

— Мужъ боленъ былъ, а то ничего,—отвѣчаетъ она. Надъ нарами висятъ нѣсколько этюдовъ масляными красками, виситъ винчестеръ, на окнѣ бинокль. На стѣнѣ часы, но они не ходятъ, сломаны.

— А ну-ка, Прасковья, покажи-ка работы Ильи,—говорю я.

Прасковья бережно приноситъ папку съ акварелями и рисунками. Мы разсматриваемъ работы. Очень недурно изображена внутренность избы при лампѣ въ безконечную полярную ночь, на нарахъ на оленьихъ шкурахъ сидитъ Прасковья и шьетъ. На другомъ рисункѣ изображена яхта,

заливъ, горы. И странно тутъ, среди этой обстановки, видѣть рисунки, кисти. краски.

Мы идемъ дальше. Новая просторная изба. Тутъ зимовалъ священникъ съ женой и маленькой дочкой. Въ избѣ образцовая чистота. Помѣщеніе недавно выстроено и принадлежитъ самоѣду Ледкову.—На столѣ шумитъ самоваръ, передъ образами горятъ лампадки, на тарелкѣ свѣже-испеченныя булочки. Мы садимся пить чай. И если не смотрѣть въ окно, то кажется, что мы сидимъ гдѣ-то у насъ въ русской деревнѣ въ гостяхъ у сельскаго священника. Приходитъ молоденькая матушка и приноситъ яйца, эти яйца больше куриныхъ, скорлупа у нихъ голубая съ черными крапинками, а желтокъ ярко-оранжевый.

— Вотъ покушайте,—говоритъ матушка. — Эти яйца гагаръ, они рыбой пахнутъ. Самоѣды ихъ ѣдятъ, мнѣ вначалѣ противно было, а потомъ ничего привыкла.—Одинъ изъ туристовъ храбро откусываетъ кусокъ крутого яйца, но потомъ, видимъ, раздумываетъ, что ему дѣлать дальше съ тѣмъ, что онъ откусилъ: проглотить или нѣтъ. Затѣмъ, собравъ всю наличность своей силы воли, храбро проглатываетъ, но уже больше не пытается продолжать пробу. Отъ яицъ на довольно значительномъ разстояніи сильно пахнетъ рыбой.

— Ну, что, батюшка, скучаете тутъ? Вѣдь цѣлую зиму прожили, кромѣ самоѣдовъ никого не видали, — спрашиваю я.

— Нѣтъ, ничего! Жить тутъ можно, самоѣды народъ хорошій, между собой ладно живутъ. Школа тутъ, дѣтей учу,— времени-то и не видно.

— Ну, а цынги не боитесь?

— Нѣтъ, слава Богу, не болѣлъ никто, ни я, ни жена, ни дочь. Вотъ дочь корью болѣла—поправилась. Сокъ лимонный у меня былъ, экспедиція тутъ одна проѣзжала, мнѣ цѣлую бутылку подарила, такъ отъ цынги сокомъ спасались.

— Ну, а въ помѣщеніи-то вашемъ зимой тепло?

— По-новоземельскому тепло,—съ улыбочкой отвѣчаетъ батюшка:—одинъ градусъ тепла! Мнѣ не привыкать стать, я раньше у лопарей два года учителемъ жилъ. Вотъ у самоѣдовъ тутъ жизнь трудная, самоѣдъ Ледковъ недавно въ озеро провалился, собаки утонули, сани, провизія, ружье—все утонуло, самъ едва выбрался, весь мокрый пришелъ въ промысловую избу. А къ церкви самоѣды усердны. За домъ этотъ за цѣлую зиму беретъ съ меня Ледковъ 30 рублей, а настоящая цѣна по здѣшнему 100 рублей. Даже ему 100 рублей и давали, да не беретъ: „это для церкви", говоритъ. А, вотъ, другой песца промыслилъ, церкви пожертвовалъ... Снѣгу тутъ навалитъ зимой многое множество, снѣгъ твердый, какъ камень, это его вѣтеръ твердо укладываетъ. Тутъ еще не такъ давно, лѣтъ 30 тому назадъ, въ жертву людей приносили, одинъ самоѣдъ работницу зарѣзалъ, другихъ ее убитую ѣсть заставлялъ, кто не ѣлъ, грозился зарѣзать. Впрочемъ, должно быть, онъ былъ „психическій",—прибавляетъ батюшка.—Вотъ послѣ зимней ночи дни начнутъ прибавляться, станетъ свѣтлѣе, всѣ самоѣды на промыслы уѣдутъ. Ѣхать далеко, скучно имъ при ѣздѣ на собакахъ,—ну, и поютъ.

— Какъ волки воютъ,—добавляетъ пришедшій съ туристами монахъ, ѣдущій на пароходѣ вмѣстѣ съ нами.—Тоже поютъ!—иронически добавляетъ онъ.

— Сказки самоѣды мнѣ разсказываютъ, — продолжаетъ батюшка.—Про смерть есть у нихъ сказка интересная.

„Жилъ былъ старикъ. Смотритъ это разъ Богъ съ неба, призываетъ смерть и спрашиваетъ ее: чего это старикъ тамъ ходитъ? Ему помирать давнымъ-давно пора. Сходи за нимъ. Пришла смерть въ становище и говоритъ старику: „ну, старикъ, я за тобой пришла". А старикъ былъ хитрый, прехитрый: „что жъ, говоритъ, я и самъ вижу, что мнѣ помирать надо, только давай сперва выпьемъ, а потомъ я и помру". Напоилъ старикъ всѣхъ въ становищѣ, работниковъ напоилъ, сосѣдей напоилъ. Смерть тоже пила. Пила, пила и опьянѣла, и всѣ въ становищѣ крѣпко-на-крѣпко заснули,

заснула и смерть. Взялъ старикъ бочку, положилъ туда пьяную смерть, заколотилъ и ночью закопалъ у озера въ пескѣ. Прибоемъ волнъ заравняло песчаный берегъ. Ночь была темная-претемная, и никто не видѣлъ, куда закопана смерть. И перестали люди, птицы, звѣри умирать. Видитъ Богъ, что никто не умираетъ, и спрашиваетъ ангела, куда это смерть пропала: „Поди на землю, разузнай". Пошелъ ангелъ, приходитъ и спрашиваетъ у жены смерти: „гдѣ твой мужъ?" а та отвѣчаетъ: „я его сама съ годъ какъ не вижу, не знаю, пропалъ мой мужъ". Собралъ ангелъ птицъ и спрашиваетъ, куда это смерть пропала, а тѣ отвѣчаютъ: „не знаемъ, не видали". Спрашивалъ ангелъ звѣрей, тѣ тоже ничего не могли сказать, куда пропала смерть. Сталъ ангелъ спрашивать звѣзды. Тѣ тоже ничего не знали. Только одна маленькая, маленькая звѣздочка, нечаянно ночью сквозь туманъ видѣла, какъ старикъ закапывалъ бочку со смертью на берегу озера, и разсказала объ этомъ ангелу. Ангелъ откопалъ смерть и выпустилъ ее на волю. Пошла смерть опять къ старику и говоритъ: „ну, старикъ, собирайся— твой конецъ приходитъ, пора умирать".

„Погоди немножко", говоритъ старикъ, зашелъ за чумъ, обернулся птицей и улетѣлъ. И не могла смерть его найти. Собрала смерть всѣхъ птицъ, но тѣ не знали, гдѣ та птица, въ которую превратился старикъ. И призвала смерть мудрую птицу Маггавей, и Маггавей указала ему ту птицу, въ которую превратился старикъ. И пришелъ ему конецъ, хотя онъ былъ хитрый и колдунъ".

Мирно горятъ лампадки передъ образами, шумитъ самоваръ, мы всѣ сидимъ и слушаемъ сказку.

— Не хотите ли еще чайку?—спрашиваетъ матушка.

— Я бы еще стаканчикъ выпилъ,—отвѣчаетъ монахъ.— А теперь, господа,—обращается онъ къ туристамъ,—побывали мы на нашемъ сѣверномъ „Цейлонѣ", посмотрѣли, какъ тутъ жители живутъ, сказокъ наслушались, не пора ли намъ и восвояси — на пароходъ, вѣдь 5 часовъ утра, шестой часъ. Вотъ допью свой стаканъ и пойдемъ.

Я смотрю на молодое, свѣжее лицо священника, на лицо матушки, и вижу у того и другого спокойныя линіи лицъ, не видно никакой нервности, никакого безпокойства. Лицо священника удивительно хорошее и благородное.

— Батюшка,—невольно вырывается у меня наивная фраза,—а у васъ тутъ и грѣховъ, должно быть, нѣтъ. Въ этой мѣстности развѣ много нагрѣшишь,—смягчаю я наивность моего вопроса оттѣнкомъ шутливости,—тутъ такъ холодно, что и грѣхи-то всѣ вымерзнутъ!

— Ахъ, что вы, — отвѣчаетъ священникъ и какъ-то странно и застѣнчиво смотритъ въ сторону.

— Да, гдѣ ужъ тутъ грѣшить! При такихъ-то морозахъ, на нашемъ русскомъ сѣверномъ Цейлонѣ!—вставляетъ свое замѣчаніе монахъ.—Ну, господа, пойдемте. Посмотримъ церковь-школу, да и на пароходъ.

Солнце, которое теперь намъ свѣтитъ всѣ 24 часа въ сутки, стоитъ довольно высоко на небѣ.

Дуетъ холодный вѣтеръ, по небу клочьями летитъ не то туманъ, не то облака. Никто не спитъ. Между пароходомъ и берегомъ снуютъ лодки, идетъ спѣшная выгрузка.

Буфетчику строго-настрого запрещено до самаго отвала парохода продавать водку самоѣдамъ, у трапа дежурятъ стражники и осматриваютъ садящихся въ лодки рабочихъ: не везетъ ли кто въ становище водку. Пока всѣ самоѣды трезвы, но послѣ начнется повальное пьянство. Продажа вина начнется только послѣ второго свистка. Кто-то изъ туристовъ прозвалъ этотъ свистокъ буфетно-водочнымъ, потому что еще былъ свистокъ тоже второй, но тотъ уже касался отвала парохода.

Благодаря тому, что самоѣды трезвы, разгрузка идетъ быстро.

Мы возвращаемся на пароходъ. Часа черезъ три я ѣду опять на берегъ рисовать. Туристы усиленно фотографируютъ самоѣдовъ. У нѣкоторыхъ самоѣдовъ есть собственные фотографическіе аппараты, потому фотографія здѣсь не новость. Такъ какъ тутъ часто рисуетъ съ натуры Илья

Вылка, то здѣшніе самоѣды привыкли и къ картинамъ, и къ художникамъ. Часа черезъ три я ѣду обратно на пароходъ; тамъ новости: одинъ изъ туристовъ успѣлъ уже неожиданно для себя выкупаться въ океанѣ.

Переходя изъ шлюпки на трапъ, онъ оборвался и сталъ тонуть, около него плавали бинокль и фотографическій аппаратъ, а штативъ утопавшій держалъ въ рукѣ и кричалъ:

— Помогите, помогите!

Капитанъ и штурманъ бросились на помощь, спасли туриста, фотографическій аппаратъ, бинокль и штативъ. Въ данный моментъ туристъ находился въ своей каютѣ и лежалъ на койкѣ.

— А тутъ одинъ туристъ въ океанѣ окрестился, мы со старшимъ штурманомъ воспріемниками были. Главное что: у него фотографическій треножникъ металлическій, а мы и треножнику утонуть не дали,—говоритъ мнѣ капитанъ.

Капитана, видимо, занимаетъ не то, что онъ спасъ человѣка, а то, что онъ спасъ металлическій треножникъ.

— Аппаратъ и бинокль,—тѣ внутри пустые, они поверхъ воды плавали, а треножникъ безпремѣнно бы утонулъ...

Капитанъ милѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ и все время заботится о пассажирахъ.

— Знаете что? —говоритъ мнѣ онъ:—я утопленника еще разъ испугалъ. Это нужно! Когда человѣкъ испугается однимъ испугомъ, то его непремѣнно нужно испугать другимъ испугомъ. Первый-то испугъ и пройдетъ. Взошелъ это новокрещенный въ океанѣ въ свою каюту, я подошелъ, да неожиданно на него брызнулъ водой, онъ испугался. Зато первый испугъ какъ рукой сняло.

— Значитъ, вы его контръ-испугомъ выправили, — говорю я.

Въ каютѣ на койкѣ лежитъ „новокрещенный въ океанѣ“. Онъ переодѣлся и теперь радостно улыбается.

— Ну, что, какъ вы себя теперь чувствуете? — спрашиваю я.

— Превосходно,—весело отвѣчаетъ „новокрещенный“.

— Что жъ, это не плохо,—говорю я:—конечно, вы пережили непріятный моментъ, за-то когда вернетесь домой, у васъ будетъ эффектный разсказъ о томъ, какъ вы тонули въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Да и всему нашему путешествію это придастъ ледовито-океанскій шикъ.

— Да, да,— радостно отвѣчаетъ „новокрещенный“,— именно шикъ.

— Теперь я буду разсказывать,—говорю я,—что плаванье наше въ полярныхъ моряхъ было очень серьезно, одинъ изъ насъ былъ за бортомъ и тонулъ.

А въ общей каютѣ идутъ непріятности самоѣдскаго характера. Въ становище на-дняхъ заходилъ „Баканъ“, судно, посланное на поиски пропавшей экспедиціи Сѣдова. Офицеры съ судна купили у самоѣдовъ нѣсколько шкуръ бѣлыхъ медвѣдей и 2 шкуры песцовъ. За каждую шкуру песца было уплачено по 5 рублей, а въ Архангельскѣ шкура песца стоитъ рублей 35. Кромѣ того. выяснилось, что самоѣдъ сказалъ чиновнику, завѣдующему дѣлами колонистовъ, что продалъ только одного песца, а другомъ умолчалъ, но потомъ дѣло выяснилось. Завѣдывающій былъ взволнованъ и огорченъ.

— Вѣдь мы многихъ самоѣдовъ снабжаемъ въ кредитъ продуктами изъ Архангельска, дефицитъ покрываемъ изъ вырученныхъ денегъ за самоѣдскіе промыслы, что же получится, если самоѣды будутъ помимо насъ продавать шкуры. У насъ нѣтъ капиталовъ, чтобы ихъ снабжать продуктами даромъ, на сколько продадимъ промысловъ, на столько и купимъ продуктовъ. Да кромѣ того самоѣды и врать начали.

Пріѣхалъ на пароходъ батюшка, у котораго мы недавно пили чай и слушали сказки. Онъ на два мѣсяца ѣдетъ въ Архангельскъ отдохнуть, а зимовать будетъ опять въ Бѣлужьей губѣ.

Завѣдывающій разсказываетъ ему исторію продажи шкуръ на „Баканъ“. Батюшка, видимо, пораженъ.

Онъ сидитъ, вытянувшись, въ наивной позѣ, положивъ руки на колѣни. Потомъ облокачивается на столъ, закрываетъ лицо руками и начинаетъ плакать неудержимо горько, какъ ребенокъ.

— Батюшка, что съ вами?—вскакиваетъ со стула завѣдующій.—Выпейте воды!

Священникъ подымается со стула, прислоняется къ буфету и не можетъ сказать отъ рыданій ни одного слова. Завѣдующій стоитъ передъ нимъ въ недоумѣніи, мы всѣ молчимъ.

— Вѣдь я жилъ съ ними, старался, чтобъ они были хорошими, — наконецъ, сквозь рыданія выговариваетъ батюшка.—Постоянно говорилъ съ ними, а они врутъ, обманываютъ. Какъ мнѣ обидно! Какъ мнѣ грустно! Какъ мнѣ горько!

Теперь я вспоминаю свой наивный вопросъ священнику о томъ, что у него „нѣтъ грѣховъ“. Теперь послѣ его слезъ я понялъ, что именно поразило меня въ его лицѣ.

Батюшка конфузливо удаляется.

Я устраиваю въ общей каютѣ небольшую выставку картинъ Ильи Вылки.

Пароходный свистокъ, это—буфетно-винный: продажа вина разрѣшена буфетчику. Отъѣзжающія отъ парохода лодки наполнены самоѣдами, нѣкоторые самоѣды уже успѣли напиться, всѣ они бережно держатъ въ рукахъ бутылки, бутыли и бутылочки съ зеленовато бѣлой влагой.

Я прощаюсь съ Вылкой, онъ сходитъ по трапу внизъ, его отецъ Константинъ стоитъ на веслахъ, а на носу карбаса, стоя, подплясываетъ вдребезги пьяная самоѣдка, она того и гляди упадетъ въ океанъ.

— Эй, тетка, осторожнѣй! Сядь лучше!—кричатъ ей съ парохода, у всѣхъ замираетъ сердце. Но „тетка“ не обращаетъ на крики никакого вниманія; она танцуетъ, жестикулируетъ и разговариваетъ сама съ собой.

Вылка уныло стоитъ въ карбасѣ, карбасъ отваливаетъ.

— „Опять остался одинъ“,—говоритъ самъ себѣ Вылка.

И намъ долго виденъ удаляющійся карбасъ, гребущій Константинъ, грустно стоящій Вылка и пляшущая на носу карбаса самоѣдка.

Теперь уже настоящій свистокъ — не буфетный. Завизжали якорныя цѣпи, слышенъ сигналъ механику внутри парохода, винтъ солидно и не спѣша начинаетъ ударять за кормой. Чуть видно становище, карбасъ съ Вылкой. Мы выходимъ въ открытый океанъ; пароходъ качаетъ, начинается штормъ. Общая каюта опустѣла, оживленіе на пароходѣ кончилось.

Я стараюсь заснуть, сквозь сонъ я иногда чувствую, что опускаюсь куда-то низко, низко, потомъ постепенно поднимаюсь вверхъ, вотъ вотъ съѣду съ дивана на полъ, но потомъ опять отправляюсь на прежнее мѣсто. Качка усиливается. Она на меня не дѣйствуетъ. Я засыпаю, но сквозь сонъ чувствую, какъ по временамъ осторожно и тихо идетъ пароходъ; вотъ винтъ совсѣмъ не работаетъ, вотъ мы стоимъ, вотъ опять осторожно пошли. На палубѣ холодно, дуетъ ледяной вѣтеръ, и мнѣ лѣнь пойти узнать, отчего мы идемъ не полнымъ ходомъ. Я опять засыпаю. Спускаютъ якорь.

— Въ Малыя Кармакулы пришли,—говоритъ чей-то голосъ.

Мы стоимъ. Качки нѣтъ, въ губѣ тихо.

— Что же это такое? - слышу я чей-то голосъ.—Обратите вниманіе, такъ невозможно.

Я открываю глаза и вижу, что передъ чиновникомъ, вѣдающимъ самоѣдскія дѣла, стоитъ буфетчикъ съ разстроеннымъ лицомъ. Буфетчикъ одѣтъ очень прилично, но его галстукъ не въ порядкѣ или, лучше сказать, половина галстука: нижняя часть оторвана, а верхняя стоитъ перпендикулярно къ буфетчику, и кажется, что у него на воротничкѣ подъ подбородкомъ выросло что-то особенное: не то грибъ, не то отростокъ.

— Схватилъ, это, онъ меня за галстукъ, а галстукъ 3 руб.

стоитъ, и говоритъ: „коль водки не даешь, такъ вотъ тебѣ за это!“ Да какъ дернетъ!

— Да кто же это васъ?—спрашиваетъ чиновникъ.

— Промышленникъ, — отвѣчаетъ буфетчикъ.—Я прошу протокола и возмѣщенія убытковъ по случаю галстука.

— Погодите, — отвѣчаетъ чиновникъ. — Теперь некогда, сейчасъ разгрузка начнется. Вотъ потомъ выйдемъ въ океанъ, тамъ и разберемся въ океанѣ съ вашимъ галстукомъ.

Я выхожу на палубу—здѣсь совсѣмъ зима, по берегамъ огромныя глыбы снѣга, напротивъ становище Малыя Кармакулы: три избы, церковь, метеорологическая станція, сзади лиловыя горы, на горахъ мѣстами снѣгъ.

На огромномъ бѣломъ кускѣ снѣга у самаго берега, кругомъ столбовъ, какъ заведенныя дѣтскія игрушки, упрямо и безнадежно ходятъ три бѣлыхъ медвѣженка.

Отъ нашего парохода быстро отъѣзжаетъ маленькая промысловая лодка — „пашка“, какъ ихъ тутъ называютъ. Въ „пашкѣ“ лежитъ вдребезги пьяный. Судя по лицу онъ русскій, но одѣтъ въ самоѣдскую малицу. Голова его мотается безжизненно, и когда „пашка“ накреняется, то голова пьянаго касается воды Гребетъ самоѣдъ. „Пашка“ похожа на скорлупу, и волнами ее швыряетъ, какъ щепку.

„Вотъ вотъ утонутъ“, думаю я, глядя въ бинокль на плывущихъ, но нѣтъ, они благополучно добираются до берега. Первымъ лѣзетъ на снѣгъ самоѣдъ, потомъ онъ помогаетъ пьяному выбраться изъ лодки. Пьяный лѣзетъ на четверенькахъ по крутому снѣгу, на болѣе плоскихъ мѣстахъ онъ ложится на спину и отдыхаетъ, а отдохнувъ, ползетъ на животѣ, потомъ опять на четверенькахъ; наконецъ, достигнувъ плоскаго мѣста, идетъ, пошатываясь, мимо бѣлыхъ медвѣжатъ, а медвѣжата непрерывно, тоскливо ходятъ и ходятъ вокругъ столбовъ. Время отъ времени они начинаютъ выть, ревѣть и рычать, имъ откуда-то отвѣчаютъ тоже ревомъ и воемъ другіе медвѣжата, которыхъ не видно съ парохода. Океанъ ударяетъ по снѣжной глыбѣ, на которой ходятъ медвѣжата, зеленовато-синей волной и отъ глыбы

отрываются время отъ времени большіе куски и съ шумомъ падаютъ въ воду.

— Сегодня не будемъ разгружаться, — говоритъ чиновникъ, вѣдающій дѣла колонистовъ. — Въ губѣ штормъ, на кошку (мель около берега) нельзя складывать товары.

Пріѣхалъ изъ становища фельдшеръ.

— Ну, какъ у васъ?—спрашиваетъ чиновникъ.

— Все благополучно.

— Цынга есть?

— У Василія жена оцынжала, а у Михаила померла.

— Вотъ такъ благополучно!—говоритъ одинъ изъ туристовъ.

— Какъ промыслы?

— Песецъ на приманку не шелъ, мыши было много, и медвѣдей мало попадалось.

На палубѣ пилятъ и стучатъ топорами, — это плотники дѣлаютъ клѣтки для бѣлыхъ медвѣжатъ, тѣхъ самыхъ, которые теперь ходятъ привязанные къ столбамъ на берегу. Медвѣжата поѣдутъ съ нами въ Архангельскъ.

Къ четыремъ часамъ вѣтеръ сталъ тише, и я ѣду на берегъ.

Захожу къ монаху, зимовавшему здѣсь, со мной идетъ монахъ, ѣдущій вмѣстѣ съ нами на пароходѣ.

— Ну, какъ ваше драгоцѣнное, отецъ Наркизъ? — спрашиваетъ монахъ съ парохода зимовавшаго монаха. — Какъ спасаетесь?

— Да ничего,—вяло отвѣчаетъ отецъ Наркизъ.

У о. Наркиза одутловатое лицо и неподвижные глаза.

— Скучно вамъ здѣсь, о. Наркизъ? — спрашиваю я его.

— Нѣтъ, ничего,—механически отвѣчаетъ тотъ, — зимой дѣла много: дѣтей учу, дрова съ берега въ избу нужно носить—говоритъ онъ, глядя куда-то далеко, далеко.

— А что, о. Наркизъ, пуху гагачьяго не продадите?—спрашиваетъ монахъ съ парохода.

— Пухъ плохой,—отвѣчаетъ о. Наркизъ,—песцы поѣли птичьи яйца, птицы улетѣли, а пухъ разнесло.

Въ сосѣдней комнатѣ жена псаломщика укачиваетъ ребенка.

— Скучно вамъ тутъ было зимой?

— Не скучно,—отвѣчаетъ она равнодушнымъ голосомъ,— а мы въ Архангельскъ поѣдемъ съ этимъ пароходомъ!— вдругъ радостно заявляетъ она. Я захожу въ избу рядомъ. Въ избѣ чисто и просторно. Въ люлькѣ плачетъ ребенокъ. Люльку качаетъ молодой мужикъ.

— Гдѣ же у тебя жена?

— Въ апрѣлѣ отъ цынги померла,—отвѣчаетъ онъ,—вторая жена у меня тутъ помираетъ отъ цынги. Въ декабрѣ дочь родила, а въ апрѣлѣ померла. Она ребенка кормила грудью, вся истощалась и померла. Не плачь, Клаша, не плачь,—говоритъ онъ, обращаясь къ ребенку.—Думаю ѣхать съ Новой Земли, промышлять не могу. Вотъ долженъ дите качать. На кого я ее оставлю?

— Осень дѣтей любитъ,—говоритъ сидящій тутъ самоѣдъ.

На столѣ никкелированный самоваръ, на стѣнѣ небольшая олеографія въ рамкѣ съ картины Пимоненко „Отъѣздъ казака", рядомъ портретъ Петра I. На лавкѣ лежитъ гармонія, на нарахъ чистыя оленьи шкуры.

Изъ другой избы тоже собираются уѣзжать въ Архангельскъ.

— Кто тутъ скучаетъ, кому тутъ не нравится, того цынга беретъ,—говоритъ блѣдная, больная цынгой женщина, жена колониста.

— Страшно тутъ жить. Ночь зимняя длинная, длинная, темная. На улицу выйти нельзя — собаки злыя загрызутъ. Вотъ самоѣдъ Ледковъ самыхъ злыхъ собакъ недавно на птичій базаръ кормиться вывезъ. Самоѣды насъ русскихъ не любятъ, говорятъ: намъ однимъ лучше — чудные они. Водку очень любятъ. Все говорятъ „кумка водки"—это поихнему рюмка водки. Видѣли самоѣда Ѳедора? Чудной какой! Страсть ревнивый! На промыселъ не ходитъ, жену стережетъ отъ русскихъ, братъ за него промышляетъ, такъ и говоритъ: „изъ ружья застрѣлю, коли что"...

— Что же жена его красива?

— По здѣшнему мѣсту красивая, по-самоѣдски, не по-нашему.

— А жена его тоже ревнуетъ?

— Тоже ревнуетъ! Такъ другъ друга все и ревнуютъ. Что жъ, господинъ, лѣтовать тутъ будете?

— Нѣтъ, дальше поѣду. Прощайте!

— Прощайте!—отвѣчаетъ она.

Около крыльца стоитъ молодой парень и куритъ.

— Что жъ ты зимовалъ тутъ въ становищѣ?

— Зимовалъ,—отвѣчаетъ онъ,—раньше жилъ я въ Крестовой, да съ хозяиномъ не поладились, ну и промѣрилъ сюда зимой пѣшкомъ. Охота заработать! Да что тутъ заработаешь! Промыслы худые, постоянно человѣкъ подъ смертью находится. Дума постоянно. Вотъ самоѣдъ Ледковъ 6 дней голодовалъ. А то вдругъ зимой табаку въ складѣ не оказалось—плотники весь выкурили еще по осени. У здѣшней администраціи табаку нехватило! Ну, и пошелъ за табакомъ пѣшкомъ за 200 верстъ. Безъ табаку плохо—дума... Пошелъ, это, я съ собакой, а ружье мое самоѣдъ повезъ,—на 10 собакахъ ѣхалъ. Ружье я ему отдалъ, чтобы итти легче было. Поднялся вѣтеръ страсть какой, правда,—повѣтеръ, это мнѣ въ спину, а съ ногъ сшибаетъ. Сутки иду, другія иду, нельзя дальше итти. Что ты будешь дѣлать! Зарылся я въ снѣгъ. Лежалъ, лежалъ. Ѣсть хотца, а ѣсть нечего. Ну, думаю, зарѣжу собаку, съѣмъ. Вылѣзъ я изъ-подъ снѣга, смотрю: собака какъ заревитъ. Смотрю. 8 полозовицъ на снѣгу, стало быть, тутъ недавно самоѣды проѣхали. Тутъ вскорѣ я ихъ нашелъ, они стоянку сдѣлали. Покормили, спасибо. А то бы я собаку съѣлъ! Я тутъ съ этой жизнью горя принялъ столько, что и во снѣ не увидишь.

— Что жъ въ Архангельскъ собираешься?

— Какое въ Архангельскъ! Нынче весной на промыслѣ стояли, ничего не попало. Охота заработать на Новой Землѣ, а промыслы трудно промышлять. Вотъ самоѣдамъ одинъ

чортъ, что дома, что въ тундрѣ. Денегъ бы заработать! Въ Архангельскѣ погулять бы!—говоритъ онъ со сладкой улыбкой, подчеркивая слово погулять.

Становится холодно, сыро и пасмурно. Ѣду на пароходъ. По расписанію должна давнымъ-давно наступить ночь, но свѣтло.

Между двумя длинными островами, въ проходѣ виденъ какой-то странный зеленоватый призракъ: не то гора съ тремя вершинами, не то судно съ тремя парусами—это приплыла изъ невѣдомыхъ, таинственныхъ странъ ледяная гора и засѣла на мели. Видно, какъ океанъ хлещетъ по ней бѣлой пѣной. Въ океанѣ штормъ. Солнце прорвало облака, освѣтило горы, и снѣга на вершинахъ заиграли розовыми, странными переливами.

— Судно видно,—кричитъ вахтенный матросъ.

Медленно и торжественно входитъ въ заливъ судно сѣраго цвѣта; это „Баканъ". „Баканъ" даетъ свистокъ, становится на якорь и спускаетъ шлюпку. Къ намъ на пароходъ ѣдетъ офицеръ.

Офицеръ пьетъ чай въ общей каютѣ.

— Въ Маточкиномъ Шарѣ льды, — говоритъ онъ, — мы едва ушли. Къ Крестовой, дальше въ океанѣ сплошные льды, пройти туда нельзя. Сегодня въ океанѣ былъ штормъ со снѣговыми шквалами, здорово насъ трепало. Вамъ, пожалуй, изъ-за льдовъ въ Маточкинъ Шаръ и въ Крестовую не попасть. — Офицеръ получаетъ почту, которую мы привезли для „Бакана", и уѣзжаетъ.

На другой день съ утра вѣтеръ тише. Одна компанія туристовъ уѣхала охотиться на гусей, другая отправилась осматривать птичій базаръ *). Вечеромъ мы пойдемъ дальше въ Маточкинъ Шаръ.

Я и еще нѣсколько туристовъ ѣдемъ на берегъ фотографировать бѣлыхъ медвѣжатъ. Медвѣжата лежатъ на бе-

---

*) Птичьимъ базаромъ на сѣверѣ называютъ скалы, на которыхъ гнѣздятся сотни тысячъ птицъ. Крики этихъ птицъ иногда слышны за 7 верстъ.

регу, но снимать ихъ не интересно, позы ихъ не живописны.—Одинъ изъ туристовъ дразнитъ медвѣжатъ, чтобъ они перемѣнили позы. Медвѣжата злятся, ревутъ, бросаются на людей, въ это время ихъ фотографируютъ.

Я иду дальше. У избы стоитъ ревнивый мужъ, о которомъ мнѣ разсказывали вчера, а рядомъ съ нимъ его жена, „первая красавица по здѣшнему мѣсту". „Первая красавица" пьяна и едва стоитъ на ногахъ. Красавица начинаетъ объясняться въ любви туристамъ,—сперва одному, а потомъ другому. Способъ объясненія въ любви очень оригинальный. Такъ какъ самоѣдка пьяна и поминутно теряетъ равновѣсіѣ, то она, падая, ударяется головой въ грудь тому, съ кѣмъ она объясняется, потомъ она схватываетъ за талію того, кто ей нравится, куда-то тащитъ и кричитъ:

— Пойдемъ!

— Да оставь ты меня, пожалуйста,—говоритъ туристъ. Тогда она начинаетъ объясняться тѣмъ же способомъ съ другимъ.

— Слушай, Александра,—говоритъ ей другой туристъ,— вотъ видишь, тамъ, ходитъ господинъ, онъ тоже съ парохода, поди, пристань къ нему, ты будешь къ нему приставать, а мы съ васъ фотографическія карточки снимемъ.

— Я съ нимъ незнакома,—заявляетъ „красавица" капризнымъ тономъ, падаетъ на землю и тутъ же засыпаетъ безмятежнымъ сномъ. Ревнивый мужъ стоитъ все время рядомъ въ равнодушной позѣ, заложивъ руки за спину. Изъ избы выбѣгаетъ другая самоѣдка въ ярко-красномъ платьѣ, она тоже пьяна. За становищемъ въ сторонѣ одиноко стоитъ самоѣдскій чумъ. За чумомъ заливъ зеленовато-синяго цвѣта, на берегу залива деревянный шалашъ и нѣсколько лодокъ, сзади лиловыя горы, на горахъ снѣга.

Я стучу въ маленькую дверь чума, оттуда вылѣзаетъ самоѣдка, за ней ребенокъ; въ чумѣ на полу виденъ самоваръ, чайникъ и чашки.

У самоѣдки странное загадочное лицо, совсѣмъ не самоѣдское. Черты лица правильныя. Увидя у меня фотографи-

ческій аппаратъ, она сдѣлала привѣтливое лицо, закивала головой, быстро пошла въ ближайшую избу, и вскорѣ возвратилась съ другой самоѣдкой. Теперь обѣ онѣ были одѣты въ паницы, въ красивыя шубы, мѣхомъ наверхъ. — Мѣха были подобраны очень гармоническими оттѣнками и отдѣланы орнаментами изъ бѣлыхъ шкурокъ. Рисунокъ орнаментовъ былъ тонкій и художественный.

Самоѣдки подошли къ чуму и стали позировать. Видимо, онѣ привыкли фотографироваться и знали, что нужно было для этого дѣлать. Одинъ изъ самоѣдовъ здѣшняго становища имѣлъ фотографическій аппаратъ и продавалъ туристамъ фотографіи своей работы. Снимки были очень недурные.

Несмотря на строгое запрещеніе продавать водку на пароходѣ до второго свистка, несмотря на то, что у трапа дежурятъ два стражника, значительное количество самоѣдовъ и самоѣдокъ въ становищѣ пьяны. Видимо, кто-то перехитрилъ распоряженія начальства.

По берегу ходятъ матросы съ „Бакана“, они тутъ въ одной изъ избъ собираются печь хлѣбы.

— Ей, ты, флотъ! Нѣтъ ли выпить? — спрашиваетъ самоѣдъ проходящаго. У „флота“, видимо, нѣтъ запаса водки съ собой, и онъ не отвѣчая проходитъ мимо.

На пароходѣ идетъ спѣшная разгрузка: сегодня вечеромъ мы должны уйти дальше.

Внизу за бортомъ, на водѣ вой дикихъ звѣрей и плачъ ребенка. Въ большомъ карбасѣ самоѣды везутъ бѣлыхъ медвѣжатъ на пароходъ и ѣдетъ колонистъ Михайло-вдовецъ съ ребенкомъ.

По трапу матросы начинаютъ втаскивать бѣлыхъ медвѣжатъ на палубу. Медвѣжата боятся матросовъ, матросы боятся медвѣжатъ.

— Какъ бы онъ носа не откусилъ,—говоритъ одинъ матросъ,—ишь какой крикучій.

Одного бѣлаго медвѣженка уже втащили на палубу, теперь его втаскиваютъ на клѣтку. Втащили на клѣтку, от-

няли подъ медвѣженкомъ доску; медвѣженокъ благополучно проваливается въ клѣтку. Тамъ онъ приходитъ въ бѣшенство, грызетъ дерево и рычитъ еще страшнѣе.

Теперь очередь слѣдующаго.

— Сорвался! Сорвался!—кричатъ на палубѣ.

— Ладно! Видали мы такихъ, — говоритъ матросъ, ловя цѣпь,—отправляйся, братъ, туда же. — И второй медвѣженокъ проваливается въ клѣтку. Теперь очередь третьяго.

Возвращаются туристы Одна компанія ѣздила смотрѣть птичій базаръ. Одинъ изъ путешественниковъ для тепла надѣлъ трое панталонъ. Около самаго птичьяго базара, когда приставали къ скаламъ, его съ ногъ до головы окатило волной. Изъ трехъ панталонъ получился отличный компрессъ для нижней части тѣла. Другіе отдѣлались болѣе благополучно.

Ко мнѣ приходятъ два самоѣда, одинъ изъ нихъ братъ художника Ильи Вылки, Филиппъ. У Филиппа завязанъ лобъ. У другого характерное инородческое лицо безъ бороды и усовъ.

— Ты, Василій Васильевичъ Переплециковъ? — спрашиваетъ человѣкъ безъ бороды и усовъ.

— Вѣдь ты нашего Илью въ Москвѣ училъ?

— Я.

— Ну, здравствуй, Василій Васильевичъ Переплециковъ! А мы и не знали, что ты на пароходѣ ѣдешь, намъ потомъ Филиппъ сказалъ.

— Слушай, Филиппъ,—говоритъ чиновникъ, завѣдующій самоѣдскими дѣлами:—ты въ Архангельскъ ѣдешь, а вѣдь денегъ у тебя нѣтъ. За тобой долги.

— Стало быть нельзя?—спрашиваетъ Филиппъ.

— Чѣмъ же ты жить будешь въ Архангельскѣ до слѣдующаго рейса?

— Ну, такъ останусь, — соглашается Филиппъ. — Я въ Бѣлужью отсюда на собакахъ уѣду. Надо письмо губернатору написать. Ну, Василій Васильевичъ Переплециковъ, я буду тебѣ говорить, а ты губернатору письмо пиши:

„Дорогой кумъ Ваше Превосходительство".

— Написалъ?

— Написалъ!

„Жена моя — твоя кума и твой крестникъ умерли отъ кори".

— Написалъ?

— Написалъ!

„Я раненъ въ лобъ петровскимъ ремингтономъ, который разорвался. Лежалъ три мѣсяца больнымъ и не промышлялъ. Я боюсь теперь изъ ружья стрѣлять, боюсь, что всѣ ружья будутъ разрываться. Хожу съ завязаннымъ лбомъ. Хотѣлъ ѣхать въ городъ денегъ нѣтъ. Спасибо за присланное ружье. Филиппъ Вылка. 13 іюля 1913 года".

— Ну, прощай Василій Васильевичъ Переплециковъ. Спасибо, что написалъ письмо.

Оба самоѣда уходятъ.

Разгрузка парохода кончилась. Мы готовимся уходить. Капитанъ безпокойно поглядываетъ на берегъ.

— Вѣтеръ къ берегу—берега въ туманѣ,—говоритъ онъ.— Плохо! Лучше бы вѣтеръ съ береговъ былъ, тогда было бы ясно. Не очень удобно въ такую погоду изъ губы выходить.

Время отъ времени горы на берегахъ исчезали, задергиваясь туманомъ, а когда вѣтеръ проносилъ туманы, то виднѣлись еще болѣе побѣлѣвшія горы: на горахъ шелъ снѣгъ.

Послѣдніе карбасы отваливаютъ отъ парохода, въ карбасахъ радостные самоѣды съ бутылями, бутылками и бутылочками въ рукахъ.

— Ну, и покачаетъ насъ нынче въ океанѣ, — говоритъ одинъ изъ туристовъ: — посмотрите! Вотъ тамъ ледяная гора, какъ высоко взлетаетъ пѣна отъ волны; штурманъ говоритъ, что трепанетъ.

— Да, форменная будетъ трепанація,—соглашается другой туристъ: — готовьтесь, господа!

Якорь поднятъ, мы обходимъ „Баканъ" и осторожно направляемся къ выходу изъ губы.

Громадныя скалы поднимаются надъ океаномъ, по нимъ ударяетъ бѣлой пѣной океанъ. Въ бинокль видны на отвѣсныхъ стѣнахъ скалъ тысячи бѣлыхъ точекъ, это—птицы. Мы проходимъ мимо птичьяго базара. Теперь ночь, и птицы спятъ.

Базарный островъ остался далеко позади, мы благополучно вышли изъ губы и теперь въ открытомъ океанѣ. Насъ покачиваетъ довольно порядочно. Я иду внизъ и стараюсь заснуть. „Въ океанѣ мягко" —припоминаются мнѣ слова капитана.

Не помню, сколько времени я спалъ.

— Василій Васильевичъ, Василій Васильевичъ, вставайте!—Передо мной стоялъ капитанъ.—Ледяная гора, удивительно красивая,—говоритъ онъ.

Я выбѣгаю на палубу. Волны океана, горы дальняго берега, покрытыя снѣгами, облака — все это сѣровато синяго цвѣта изъ драгоцѣннаго атласа. Было что-то нѣжное и очаровательное во всѣхъ цвѣтахъ и формахъ. Направо плыветъ синее чудовище — гора не гора, корабль не корабль, это ледяная гора—Стамуха, какъ ихъ тутъ называютъ. Гора съ каждой минутой дѣлается все меньше и меньше, видимо, она плыветъ въ другомъ направленіи, чѣмъ мы. Волны океана переливаются зеленовато-синими оттѣнками, и всплескиваютъ бѣлые гребни. Снѣгъ на далекихъ горахъ отливаетъ серебромъ. Начались волшебныя полярныя страны.

Я иду пить кофе въ общую каюту. Вдругъ у меня надъ головой началась безпокойная бѣготня. Видимо, случилось что-то неожиданное. Пароходный винтъ работаетъ все осторожнѣе и, наконецъ, совсѣмъ остановился.

Я выскакиваю на палубу. Матросъ спѣшно убираетъ лагъ—инструментъ для измѣренія скорости хода судна.

— Ледъ!—кричатъ съ капитанскаго мостика.—Пловучіе льды! Ледяное поле!

Пароходная качка почти совсѣмъ прекратилась, впереди въ океанѣ бѣлая полоса и не разберешь, что это такое: просвѣтъ ли въ небѣ къ горизонту или снѣгъ.

— Проходъ во льдахъ виденъ! Можно пройти! – кричатъ съ капитанскаго мостика.

Пароходъ идетъ осторожно. Мимо начинаютъ проплывать льдины, сперва рѣдкія, а потомъ все чаще и чаще. Льдины движутся серьезно и не торопясь: онѣ плоскія, наверху у нихъ снѣгъ, а внизу зеленовато-синяя подкладка. Края у нѣкоторыхъ загнуты зубцами кверху и напоминаютъ не то пальцы, не то когти, протянутые къ небу. Льдины качаются на темныхъ, густыхъ зеленовато-синихъ волнахъ. Одно время пароходъ идетъ среди бѣлаго круга, во всѣ стороны разстилаются ледяныя поля.

Всѣ туристы уже проснулись, и на палубѣ идетъ настоящая фотографическая оргія. – Кто снимаетъ, поставивъ аппаратъ прямо на бортъ, кто на треножникъ, и видны только три ножки штатива и двѣ ноги фотографа, а остальное закрыто темной матеріей—это фотографъ тщательно наводитъ „на фокусъ" плывущее ледяное поле.

На капитанскомъ мостикѣ напряженное вниманіе, оттуда пристально наблюдаютъ въ бинокли горизонтъ. Имъ теперь не до фотографіи.

— Конецъ виденъ,—говоритъ штурманъ. — Слава Богу! Скоро выберемся.

Льдины рѣдѣютъ и скоро ледяныя поля остались на горизонтѣ, и снова было трудно разобрать: что это просвѣтъ ли на небѣ или снѣга.

Въ океанѣ теперь окончательно стихло. Горы на берегахъ становятся все выше и выше. Пароходъ полнымъ ходомъ повертываетъ къ востоку. Мы входимъ въ проливъ Маточкинъ Шаръ.

Маточкинъ Шаръ это — поэма изъ лиловыхъ горъ, снѣговъ и сине-зеленаго океана. Все это задернуто тонкимъ-прозрачнымъ, серебристымъ туманомъ. Сейчасъ звучитъ эта поэма подъ аккомпаниментъ рева бѣлыхъ медвѣжатъ, которые не переставая ревутъ на палубѣ.

На высокихъ лиловыхъ горахъ странными прямоугольными орнаментами лежатъ снѣга, и форма этихъ орнамен-

товъ очень напоминаетъ характеръ мѣховыхъ узоровъ на самоѣдскихъ паницахъ.

Самыя высокія снѣговыя вершины срѣзаны нависшими облаками, нѣкоторыя горы сплошь бѣлыя. Кой-гдѣ сквозь тонкій туманъ сіяютъ чистые бѣлые снѣга вершинъ.

На палубѣ опять по всѣмъ направленіямъ работаютъ фотографы.

Пароходъ повертываетъ въ Поморскую губу. Среди большихъ горъ чуть замѣтны маленькія избы становища.

Вонъ та побольше это—изба художника Борисова, вонъ гора Пила, вонъ гора Носилова.

Въ становищѣ началась ружейная пальба, у насъ на пароходѣ тоже непрерывная стрѣльба.

Къ пароходу быстро подъѣзжаютъ карбасы съ самоѣдами.

— Здорово!

— Здорово!

— Ну, какъ промышляли?

— Плохо!

Одна компанія туристовъ на моторѣ отправляется въ проливъ на охоту.

— Ну, господа,—говоритъ имъ капитанъ,—если съ океана подуетъ вѣтеръ, я дамъ тревожный свистокъ, брошу разгрузку и сейчасъ же уйду въ океанъ. Если поднимется вѣтеръ съ океана, насъ можетъ затереть льдами. Конечно, я васъ не оставлю, подожду, только вы... того... поторапливайтесь, а то плохо намъ придется.

Другая компанія отправляется на берегъ восходить на гору Пилу.

Всѣ уѣхали. На пароходѣ идетъ разгрузка. Я пишу, и никто мнѣ не мѣшаетъ.

— Дай веревку, — слышится чей-то спокойный, ровный голосъ за бортомъ парохода.

— Слышишь ты, веревку справа брось,—говоритъ тотъ же голосъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ.

— Человѣкъ за бортомъ!—кричатъ на пароходѣ.—Штурманъ тонетъ!—На палубѣ начинается бѣготня. Я наклоняюсь

надъ бортомъ и вижу штурмана по поясъ въ водѣ, онъ держится одной рукой за веревку, которую ему уже успѣли бросить, а другой за багоръ. Спускаютъ веревочную лѣстницу.

Штурманъ, весь мокрый, лѣзетъ на палубу по веревочной лѣстницѣ. Видъ у него недовольный, но отнюдь не испуганный; такой видъ бываетъ у человѣка, когда онъ нечаянно упадетъ въ грязь, и ему предстоитъ хлопотная процедура переодѣванія.

— За багромъ полѣзъ,—говоритъ совершенно спокойно штурманъ,—да и оборвался,—и отправляется переодѣваться, оставляя мокрые слѣды на палубѣ.

Къ вечеру я ѣду на берегъ. У самаго берега лежатъ льдины: это—остатки зимняго льда, который только два дня тому назадъ вѣтромъ вынесло въ океанъ.

На берегу множество самоѣдскихъ ѣздовыхъ собакъ. Въ избѣ художника Борисова живутъ самоѣды, только мастерская,—комната съ большимъ окномъ, необитаема.

Около избы, не переставая, ходитъ вокругъ столба, привязанный бѣлый медвѣженокъ. Верхъ другой избы наполовину безъ крыши, на этомъ верху на жердяхъ качаются шкуры бѣлыхъ медвѣдей, около шкуръ возится старая самоѣдка въ красномъ ситцевомъ платьѣ. Захожу въ избу, тамъ грѣются туристы и слушаютъ разсказъ псаломщика, какъ онъ нынче зимой на охотѣ нечаянно отстрѣлилъ себѣ палецъ.

Псаломщикъ, видимо, въ тысячный разъ разсказываетъ эту исторію. Разсказъ уже кончался, когда я вошелъ въ избу:

— Ну, такъ я и ѣхалъ до становища, сутки ѣхалъ безъ всякой помощи. Вотъ теперь безъ пальца и остался.

На нарахъ совершенно равнодушно сидятъ двѣ самоѣдки: одна старая, слѣпая, та самая, которую я видѣлъ на верху избы, другая молодая. Плачетъ маленькій ребенокъ.

— Вотъ самоѣды, когда женятся, не приданое берутъ, а еще деньги за невѣстъ платятъ,—говоритъ псаломщикъ.

— За тебя сколько заплатили?—спрашиваетъ онъ молодую самоѣдку.

— Восемьдесятъ рублей,—отвѣчаетъ та.

Къ ночи вѣтеръ стихъ. Полуночное, полярное солнце по временамъ сквозь облака освѣщало красноватымъ свѣтомъ снѣговыя вершины. Въ тихой водѣ залива темными сине-зелеными силуэтами отражались горы. Что-то суровое, значительное и въ то же самое время нѣжное и очаровательное было во всей природѣ.

Спать не хотѣлось. На пароходѣ не прекращалась жизнь, шла спѣшная разгрузка. Одинъ изъ туристовъ справлялъ свои именины. Въ пароходной рубкѣ играли въ карты, слышно было, какъ буфетчикъ откупоривалъ шампанское, а на палубѣ, не переставая, выли и рычали бѣлые медвѣжата.

Солнце выше и выше поднималось на небѣ. Горы залива изъ красныхъ стали сперва розовыми, а потомъ свѣтло-серебристыми, а океанъ зеленовато-голубымъ.

На палубѣ идетъ непрерывный хохотъ. Самоѣдъ Ефимъ Хатанзай, стоя на колѣняхъ передъ нѣмецкой писательницей, при всѣхъ объясняется ей въ любви и предлагаетъ стать немедленно, безъ всякихъ разговоровъ его женой.

— Да вѣдь я замужемъ,—говоритъ нѣмецкая писательница.

— Это ничего,—возражаетъ Хатанзай,—я самъ женатъ. Я за тебя твоему мужу заплачу 400 рублей и пошлю ему вмѣсто тебя мою жену—слѣпую старуху, а ты оставайся со мной.

Писательница прогуливается по палубѣ, а Хатанзай ходитъ за ней на колѣняхъ и все время неотступно проситъ составить его счастье.

Радостное, доброе, свѣтлое было во всемъ.

Радостно и бодро прозвучалъ пароходный свистокъ, радостно отваливаютъ послѣднія лодки отъ парохода.

— Прощай,—Николай Яковлевичъ!—кричитъ чиновнику добродушный самоѣдскій голосъ изъ лодки. — Не забывай насъ!

Лодка, наполненная самоѣдами, сверкаетъ на солнцѣ бутылками съ водкой, самоѣды гребутъ энергично и съ каждой минутой дѣлаются на нашихъ глазахъ все меньше и меньше.

Густо повалилъ черный дымъ изъ пароходной трубы, заработалъ у парохода винтъ.

Становище, горы, снѣга быстро уменьшались на нашихъ глазахъ. На безоблачномъ небѣ сіяло солнце. Мы выходили въ океанъ.

Качки нѣтъ, чуть плещетъ зеленовато-синяя волна. Съ одной стороны безпредѣльность воды и неба, а съ другой—цѣпи береговыхъ горъ Всѣ горы въ снѣгахъ. Берегъ уходитъ мысомъ въ океанъ, но кончается какой-то странной фигурой, какъ будто берегъ обломился и виситъ въ воздухѣ. У далекаго берега какая то странная вода: не то тамъ полная тишина, не то плаваютъ вертикальныя бѣлыя фигуры, а тамъ, гдѣ безпредѣльный океанъ и бездонное небо, гдѣ берега нѣтъ, тамъ тоже плывутъ какія-то фантастическія фигуры: громадный грибъ на тоненькой ножкѣ, что-то похожее на судно, но не судно, что-то похожее на ледяныя горы, но не горы. Киты не киты. Это — миражи. Мы плывемъ въ царствѣ миражей. Кругомъ свѣтло, ясно. И вдругъ надъ далекими, бѣлыми горами, надъ сине зеленымъ океаномъ въ воздухѣ показывается далекое становище Маточкинъ Шаръ. Вонъ изба Борисова, вонъ другая изба. Берегъ оборвался и сталъ похожъ на крокодила. Становище перевернулось и исчезло. Это—все миражи, обманы океана.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся все дальше и дальше на сѣверъ, внѣшность нашего парохода дѣлается все своеобразнѣе и своеобразнѣе. Всюду ружья и фотографическіе аппараты. Въ общей каютѣ на столѣ карты Новой Земли, карты глубинъ Ледовитаго океана, книги о Новой Землѣ, книги съ газетными вырѣзками о Новой Землѣ, о полярныхъ экспедиціяхъ Сѣдова, Русанова. Въ клѣткахъ или просто на цѣпяхъ ревутъ, не переставая, бѣлые медвѣжата. Ѣдутъ живые, дикіе гуси, пойманные на Новой Землѣ.

Въ общей каютѣ посвистываетъ пуночка, небольшая полярная птичка. Она клюетъ ноты на піанино, перелетаетъ на столъ, клюетъ географическія карты и книги съ газетными вырѣзками.

Въ рубкѣ около лѣстницы идетъ новая самоѣдская малица и пимы (самоѣдская теплая обувь). Кто-то придалъ малицѣ человѣческую фигуру, поставилъ подъ малицей пимы, посадилъ на диванъ, и по первому впечатлѣнію кажется, что ѣдетъ настоящій живой самоѣдъ.

На палубѣ въ ящикахъ качаются выкопанныя съ корнями и землей крупныя, ярко-голубыя новоземельскія незабудки, вероника, альпійскій желтый макъ, альпійскія фіалки, молочайникъ. Тутъ же лежатъ убитыя и выпотрошенныя для набивки чучелъ полярныя птицы: чистикъ, пуночка, куликъ. Оленьи рога привязаны веревками къ бортамъ, чтобъ ихъ не унесло въ океанъ во время шторма. По каютамъ висятъ оленьи шкуры, самоѣдскія куклы, пестрыя мѣховыя сумочки. Всюду голубовато-зеленыя съ черными узорами яйца гагаръ, разные камни: горный хрусталь, кварцы, сланцы.

Лѣтніе костюмы давно замѣнены теплыми норвежскими матросскими фуфайками, и, кромѣ того, на каждомъ надѣто еще что-нибудь теплое. Въ каютахъ пущено отопленіе, но освѣщенія не полагается, ибо круглыя сутки намъ свѣтитъ не заходящее полярное солнце.

Теперь начинается царство снѣговъ, льдовъ и океана. Мы повертываемъ въ Крестовую губу, въ Ольгинское становище—самый сѣверный поселокъ на Новой Землѣ, лежащій за 74°/₀ с. ш. Дальше къ сѣверу идутъ уже совершенно бѣлыя горы, сплошь засыпанныя снѣгомъ, глетчеры спускаются прямо въ океанъ. Мнѣ жаль, что мы не пойдемъ дальше.

Мы идемъ Крестовой губой. Горы становятся все выше и выше. Пароходъ гидрографической экспедиціи „Савватій", пришедшій сюда раньше насъ, кажется крошечнымъ среди громадныхъ горъ. Горы имѣютъ какой-то хищный видъ, онѣ

полосатыя: съ бѣлыхъ плоскихъ полей на вершинахъ мѣстами сдуло снѣгъ, и обнажились до странности правильными линіями діабазы (вулканическія горныя породы), такими же странными правильными линіями лежитъ снѣгъ по склонамъ. Становище среди горъ кажется маленькимъ и незамѣтнымъ. Стало холодно и сурово. У насъ на палубѣ всѣ какъ будто немножко присмирѣли Медвѣжата выли и ревѣли изо всѣхъ силъ. Что-то суровое, безпощадное и величественное было во всей природѣ.

Мы проходимъ мимо „Савватія", тамъ на палубѣ вся команда, всѣ члены экспедиціи. На „Савватіи" кричатъ намъ „ура". Въ становищѣ пальба. У насъ на пароходѣ тоже кричатъ „ура" и безостановочно палятъ изъ ружей.

Когда все успокоилось, слышно было, какъ кто-то подъѣхалъ къ пароходу, и чиновникъ, свѣсившись за бортъ, разговаривалъ съ пріѣхавшимъ.

— Ну что, какъ у васъ? Все благополучно?

Голосъ внизу зловѣще медлитъ отвѣтомъ.

— Н..н..ѣтъ!

— Боленъ кто?

— Умеръ.

— Кто?

— Андрей Долгобородовъ.

— Когда?

— Вчера.

— Отчего?

— На промыслѣ простудился.

— А Усовъ здоровъ?

— Нѣтъ, тоже боленъ.

— Цынгой?

— Цынгой И Усовъ оцынжалъ, и жена его оцынжала.

Пріѣхали съ берега колонисты, привезли невеселыя свѣдѣнія объ экспедиціи Сѣдова. „Фоку," судно экспедиціи, все время пути отъ Архангельска до Новой Земли трепали штормы, воды въ трюмѣ было до 18 дюймовъ. Потомъ, когда „Фока" пошелъ океаномъ на землю Франца Іосифа,

опять начались сильные штормы. На-дняхъ заходило въ Крестовую губу норвежское промысловое судно, команда этого судна будто бы видѣла во льдахъ „Фоку," но уже безъ экипажа.

Первая шлюпка съ туристами ушла на берегъ. Туристы отправились осматривать ближайшій полярный ледникъ.

Къ намъ на пароходъ пріѣхалъ полковникъ Арскій, начальникъ гидрографической экспедиціи. Плаваніе экспедиціи до Новой Земли было трудное. Былъ сильный штормъ, скорость вѣтра доходила до 28 метровъ въ секунду. Водой заливало рубку перваго класса Пришлось отстаиваться въ губѣ. Экспедиція будетъ ставить створные и опознавательные знаки около становищъ Новой Земли, и останется въ полярныхъ странахъ до сентября.

Въ слѣдующемъ карбасѣ ѣдетъ на берегъ за льдомъ буфетчикъ, я ѣду съ нимъ.

Въ становищѣ пустынно, всѣ на похоронахъ Бѣлобородова. Около одной избы промышленникъ запрягаетъ собакъ въ нарты (самоѣдскія сани). За двѣ версты отъ становища вырыта могила, и туда повезутъ на собакахъ гробъ.

Въ часовнѣ идетъ отпѣваніе, и черезъ открытую дверь слышно пѣніе.

Въ часовнѣ пьяный рабочій съ измазаннымъ сажей лицомъ, пріѣхавшій съ парохода, не знаетъ, что ему дѣлать, и мѣшаетъ служить.

— „Иже на всякое время и на всякій часъ". Поди вонъ отсюда, не мѣшай!—прерываетъ службу монахъ, обращаясь къ рабочему:—тебѣ говорятъ, не мѣшай!

Подъѣхали нарты, запряженныя собаками, и остановились у часовни. У собакъ добродушный видъ. Слышно, какъ заколачиваютъ гробъ.

— „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный",—запѣли въ часовнѣ. Собаки, поднявъ морды кверху, всѣ завыли въ тонъ пѣнію, затявкали и завыли, обезпокоенныя, собаки въ становищѣ, и весь воздухъ наполнился ноющимъ, печальнымъ воемъ собакъ и церковнымъ пѣніемъ.

Вынесли гробъ и поставили на нарты. Собаки еще не трогаются, всѣ стоятъ молча въ какихъ-то странныхъ, напряженныхъ позахъ, одинъ изъ туристовъ фотографируетъ гробъ, нарты, собакъ.

Сани тронулись. Проѣхавъ шаговъ сто, собаки остановились, на гробъ упала темная фигура и заголосила:

— О...о...о... на кого ты меня о...о... оставилъ!—Это вдова покойнаго.

Но плакать некогда, быть можетъ, скоро уйдетъ пароходъ, на которомъ отсюда уѣдетъ вдова. Темную фигуру стаскиваютъ съ гроба, собаки опять трогаются.

Пѣніе безпокоитъ собакъ, а потому всѣ идутъ молча, опустивъ головы.

И долго, долго было видно въ прозрачномъ воздухѣ Новой Земли все уменьшающіяся и уменьшающіяся фигуры собакъ, священника въ золотой ризѣ, провожающихъ, а надъ ними возвышались громадныя, полосатыя снѣговыя горы, освѣщенныя полуночнымъ солнцемъ; тявкали и подвывали ѣздовыя собаки въ становищѣ, шумѣла рѣка, было холодно, вѣтряно, неуютно и печально Казалось, что здѣсь, въ этомъ далекомъ, далекомъ мѣстѣ печаль и тоска сидѣли въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ кускѣ снѣга на берегу.

Я зашелъ погрѣться въ избу. Въ избѣ тепло, какъ въ банѣ, съ потолка капаетъ вода, по стѣнамъ отъ сырости растутъ грибы, на печкѣ устроенъ шалашъ, и тамъ живутъ колонисты.

— Въ шалашѣ зимуемъ,—говоритъ мнѣ женщина,—а то очень сыро.

Виситъ люлька; въ люлькѣ тоже устроенъ шалашъ, чтобы не капало съ потолка на ребенка. Изба выстроена изъ сырого лѣса.

Въ сосѣдней избѣ сухо и чисто. У окна за столомъ сидитъ молодая женщина и плачетъ.

— Вотъ ногу себѣ вывихнула вчера,—говоритъ мнѣ она.—На пароходъ нужно собираться, мы всѣ изъ становища уходимъ, а какъ соберусь, коль ходить не могу. Мужъ на похоронахъ.

На столѣ рядомъ съ самоваромъ лежитъ книга: „Книга посѣщеній Ольгинскаго поселка въ Крестовой губѣ на островѣ Новая Земля". На послѣдней страницѣ слѣдующія строки:

„1912 г. авг. 27 дня, по пути къ Сѣверному полюсу, завернули къ гостепріимнымъ Ольгинцамъ на необходимый отдыхъ. Отрадно видѣть было, что Ольгинскій поселокъ съ 1910 г. замѣтно разроссся. Одно только жаль, что метеорологическая станція потерпѣла аварію отъ шторма и прекратила свое дѣйствіе. Провѣрилъ время колонистовъ, и оказалось, что они, пользуясь солнечными часами, мною установленными въ 1910 г., жили лишь на 20 минутъ сзади. Желаю отъ души дальнѣйшаго счастливаго пребыванія лихимъ колонизаторамъ крайняго сѣвера.

Старшій лейтенантъ Сѣдовъ"-

„1912. Авг. 27. Посѣтилъ какъ окрестности, такъ и поселокъ Ольгинскій геологъ экспедиціи къ Сѣверному полюсу М. Павловъ. Отъ души привѣтствую смѣлыхъ обитателей".

„Смѣлымъ піонерамъ нашего дальняго сѣвера желаю счастья и удачи въ промыслахъ. Географъ экспедиціи къ Сѣверному полюсу Владиміръ Визе".

„Посѣтилъ во второй разъ Ольгинскій поселокъ и своихъ старыхъ знакомыхъ колонистовъ, съ которыми провелъ цѣлое лѣто. Слава Богу, поселокъ крѣпко установился. Обитатели живы и здоровы. Желаю того же и дальше. Промысла хорошаго желаю молодцамъ. Н. Пинегинъ" (художникъ).

Печально звучатъ всѣ эти пожеланія, записанныя въ этой книгѣ теперь, когда всѣ колонисты покидаютъ Ольгинскій поселокъ.

Какова жизнь промышленниковъ въ этихъ страшныхъ мѣстахъ, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи. Въ сорока верстахъ отъ Ольгинскаго поселка въ Мелкой губѣ въ 1838 г. умеръ отъ цынги извѣстный изслѣдователь Новой Земли прапорщикъ Циволька.

Тамъ, на берегу океана, высоко на горѣ стоитъ крестъ на его могилѣ и остались три избы, въ которыхъ зимовалъ Циволька и его команда,

Эте избы были отремонтированы рыбопромышленникомъ Масленниковымъ, и тамъ на зиму 1909 — 10 г. поселились промышленники: Николай Кулебякинъ, Өедоръ Хлоповъ, Александръ Павловскій, самоѣдъ Петръ Осокинъ съ женой и двумя сыновьями.

Остался любопытный дневникъ, рисующій жизнь этой колоніи въ Мелкой губѣ. Дневникъ этотъ называется такъ:

„Сія книга крестьянина Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Кургоминской волости, села Яковлевскаго Николая Яковлевича Кулебякина, нанявшагося на промыслы на Новой Землѣ, отъ конторы Масленикова Дмитрія Николаевича, промышлять гольца и звѣря. Изъ сего промысла половина хозяину, другая на промышленниковъ. Состоитъ 4 человѣка.“

Ноябрь

15. Вѣтрено и мѣсяцъ. Дня совсѣмъ не стало.

30. Медвѣдь подходилъ къ избѣ и сталъ грызть равушку. (ободранная туша морского звѣря).

Когда услышали и вышли съ ружьемъ, то онъ убѣжалъ, не удалось стрѣлять, дальше ходить опасно, темно, стрѣлять не видно. Живемъ покуда хорошо. Дружно и весело проводимъ время.

Декабрь

5. Бываетъ зорька не надолго, едва можно стрѣлять, и опять темная ночь.

Канунъ моего дня Ангела. Вечеромъ попили чаю. Помылся въ рукомойникѣ намѣсто бани. Переодѣлъ бѣлье и зажегъ лампаду.

6. Тихо, морозъ. По случаю праздника не ходили никуда. Самоѣдинъ Осокинъ ходилъ къ морю, промыслилъ 2 нерпы.

20. Вѣтерокъ и морозъ. Стало замѣтно прибывать зари.

23. Небольшой вѣтерокъ и морозъ. Сѣверное сіяніе.

Январь

6. Ясно, холодно, сѣверное сіяніе. Ал. Павловскій сильно хвораетъ и команда стала жаловаться на болѣзнь.

7. Ясно, морозъ. Топили баню и угорѣли. Съ Артюшкой самоѣдомъ отваживались.

10. Ясно. Сильный морозъ. Угорѣли.

24. Вѣтрено, тепло. Время самое печальное. Команда хвораетъ. Только и слышишь, что „о, Боже мой". Ходить никуда нельзя. Стоятъ погоды. Въ квартирѣ сырость.

25. Вѣтеръ и тепло. Дѣлалъ люкъ въ чердакѣ.

26. Тихо и пасмурно. Печальный день: померъ Павловскій въ 5 ч. 20 м. вечера. Топили баню, убирали тѣло, зажгли свѣчу и покадили. Наступаетъ ночь.

27. Тихо. Выпало много снѣгу. Назначена вахта у покойнаго. Сидѣли попеременно съ утра. Стали дѣлать гробъ и стали вырубать могилу. Грунтъ очень твердый, вырубили немного и погребли покойнаго рядомъ съ прапорщикомъ Циволькой, у креста на горѣ. Команда все дѣлается больнѣе. Анна плачетъ, и самъ чувствую въ ногахъ боль.

29. Первый день солнышко. Ясно и сильный морозъ. Ночью топили печи и угорѣли четверо: Анна, Аришка, Ѳедька, Гришка.

Отваживались.

Февраль

1. Пасмурно и вѣтеръ. Промыслили 7 нерпъ. Перенимать ѣздили на льдинахъ. Карбасъ стащить не могли. Много звѣря уноситъ въ море, такъ какъ команда хвораетъ. Ночью сѣверное сіяніе.

3. Сильный вѣтеръ и вьюга. Заклало избу, насилу вышли.

4. Вѣтеръ и погода. Половину губы нанесло льду. Звѣрь отошелъ. Харчу никакого нѣтъ. Варили и жарили равушку нерпичью.

11. Пасмурно, тихо. Хлоповъ совсѣмъ слегъ. Топили баню. Плохо.

12. Пасмурно, тихо. Хлоповъ совсѣмъ слегъ.

14. Пасмурно, тихо. Ходили къ морю и къ рѣкѣ. Осокинъ за дровами. Остальные лежатъ больные очень.

15. Пасмурно, вѣтерокъ. Губу вынесло 6-й разъ. Осокинъ тоже захворалъ.

16. Ясно и вѣтрено. Подстрѣлили нерпу, некому достать. Карбасы спихнуть некому, всѣ больные.

17. Ясно и вѣтрено. Командѣ все хуже. Зайдешь въ избу, только и слышишь плачъ и стонъ со всѣхъ сторонъ. Самъ чувствую все хуже. Подъ грудью жметъ больше всего и одышка.

25. Сильный вѣтеръ и крутитъ. Нельзя выйти. Занимался шитьемъ. Ѳедькѣ хуже. Не можетъ самъ выйти на печку.

28. Съ утра ясно и вѣтерокъ. Вечеромъ сильная погода, занесло сѣни. Вотъ и дождались долгихъ деньковъ. Прожили темное время. Теперь только бы и промышлять. Опять одно горе – всѣ захворали. Чудная боль. Сперва ноютъ пятки, точно зябнутъ. Потомъ пойдетъ по ногамѣ выше колоть. Ломитъ колѣнки и стягиваетъ жилы. Человѣкъ поневолѣ долженъ лежать, и потомъ по всему тѣлу окажется сыпь и на рукахъ.

Въ то время, когда Кулебякинъ записывалъ эти послѣднія строки дневника, выѣхали на промыслы изъ становища Маточкинъ Шаръ промышленники Яковъ Запасовъ, Александръ Яшковъ и самоѣдъ Хатанзай.

На собакахъ доѣхали они до Чернаго Носа, гдѣ добыли четырехъ нерпъ; переночевавъ, направились дальше, на сѣверъ въ Мелкую губу, близъ нея они убили бѣлую медвѣдицу съ медвѣжонкомъ.

Въ становищѣ въ Мелкой губѣ они нашли страшную картину: всѣ умирали отъ цынги.

Проживъ нѣсколько дней въ становищѣ, Запасовъ взялъ съ собой столько больныхъ, сколько могли увезти собаки.

Пришлось оставить Николая Кулебякина, того самаго,

который велъ дневникъ. Ходить за нимъ самоотверженно остался Александръ Яшковъ, пріѣхавшій съ Запасовымъ. Запасовъ обѣщалъ вернуться къ Благовѣщенію и увезти Кулебякина и Яшкова.

Запасовъ уѣхалъ, а Кулебякину дѣлается все хуже и хуже. — Яшковъ пошелъ за провизіей и лѣкарствомъ къ норвежцамъ, промышлявшимъ въ сорока верстахъ въ Крестовой губѣ. Больной Кулебякинъ, оставшись одинъ, пишетъ въ дневникѣ.

Мартъ

27. Съ утра ясно. Солнышко и тихо. Съ обѣда началъ дуть сильный вѣтеръ. Товарища все нѣтъ, а самъ чувствую себя, что дѣлается хуже. Сталъ ходить съ трудомъ. Утро похожу у печки, потомъ весь разслабну и не могу встать.

На этомъ мѣстѣ дневникъ Кулебякина прерывается. Далѣе идетъ запись Александра Яшкова.

Они ждутъ Якова Запасова, и Яшковъ каждый день, по нѣскольку разъ ходитъ на высокую гору смотрѣть не ѣдетъ ли Яковъ.—Если онъ не пріѣдетъ, то имъ обоимъ неминуемо грозитъ смерть отъ цынги.

Апрѣль. (Запись Александра Яшкова.)

1. Плохая погода. Вѣтеръ съ моря. Никуда не ходили. Кулебякинъ слегъ. Опухоль спустилась въ ноги, онъ не можетъ ходить отъ хорошей пищи, хлѣба и воды, а Якова все нѣтъ. Сулился до Благовѣщенія, и послѣ Благовѣщенія, а не пріѣхалъ.

2. Сильный вѣтеръ. Кулебякинъ лежитъ, а я не ходилъ никуда.

5. Лѣтній вѣтеръ. Солнце. Погода хорошая. Видѣлъ чаекъ 4 штуки.

6. Ясно. Вѣтеръ изъ губы. Пекъ хлѣбъ, заготовляли дрова. Пишу въ 9 часовъ вечера. Провизіи нѣтъ, ожидаемъ Якова изъ Шара.

11. Ясно, тихо и солнышко. По случаю праздника сидѣлъ дома. Николай что-то сильно захворалъ, такъ что не въ силахъ сойти съ печки, все подать надо.

16. Съ утра туманъ, тихо и тепло, а въ 11 час. солнце, ясно и вѣтеръ съ моря. Пекъ хлѣбъ, ходилъ на гору и заготовлялъ дрова.

Кулебякинъ сначала мучился и бредилъ, а потомъ тихо и мирно сталъ душу отдавать Богу. Съ утра пасмурно, а потомъ стало ясно. Ходилъ на гору. Воды нѣтъ. Снѣгъ быстро таетъ. Губа синяя, а не вытаскиваетъ. Дѣлалъ гробъ. Одинъ теперь остался. Не съ кѣмъ поговорить. Грустно стало. Якова изъ Шара все нѣтъ. Говорилъ на Благовѣщеніе и послѣ, а и теперь все нѣтъ. Спасибо ему.

21. Въ 7 час. свѣчку зажегъ, и покадилъ, а потомъ вынесъ на улицу гробъ Николая Яковлева Кулебякина. Ясно и солнце весь день. Воды нѣтъ. Жду изъ Шара Якова, все нѣтъ.

22. Ясно и солнце весь день. Ходилъ на горы три раза и строгалъ нерпъ. Жду Якова изъ Шара, а еще нѣтъ.

23. Солнце весь день. Сильный вѣтеръ изъ губы, а губа все стоитъ, оторвало по поворотному носу. Льду не видать. Повѣсилъ рваную рубаху вмѣсто флага на гору. Пекъ хлѣбъ и ходилъ на гору 5 разъ. Жду Якова изъ Шара. Очень скучно. Ноги болятъ сильно, одну стянуло такъ, что хожу съ трудомъ, а надо пересиливать болѣзнь, ѣсть нечего, одинъ хлѣбъ. А боль этимъ не выживешь.

Дневникъ прерывается.

Пріѣхавшій вскорѣ Яковъ Запасовъ увезъ больного Яшкова въ Маточкинъ Шаръ, оттуда Яшковъ лѣтомъ былъ доставленъ въ Архангельскъ.

Яшковъ поправился и послѣднюю зиму 1913 года опять провелъ на Новой Землѣ, въ Пропащей губѣ.

Такъ живутъ, борются со смертью и умираютъ люди въ этихъ страшныхъ мѣстахъ.

Около избы хорошенькая, изящная дѣвочка лѣтъ восьми, одѣта она въ самоѣдскую малицу, это — Оленька Запасова,

внучка извѣстнаго промышленника на Новой Землѣ Якова Запасова. Запасовъ два раза ходилъ изъ Печерскаго края на карбасѣ черезъ Ледовитый океанъ на Новую Землю. Теперь онъ живетъ верстахъ въ сорока отъ Ольгинскаго поселка въ Мелкой губѣ съ женой и внучкой.

Я дарю Оленькѣ два колечка: одно съ зеленымъ, а другое съ синимъ камнемъ.

— Пойду въ избу спрячу, — говоритъ она хозяйственнымъ, дѣловымъ тономъ.— По праздникамъ надѣвать буду.

У Оленьки очень изящныя руки, совсѣмъ не крестьянскія, и вся она словно выточенная.

Я вхожу въ избу вслѣдъ за Оленькой. Въ избѣ Запасовъ и его жена. У Запасова на пароходѣ только что былъ непріятный разговоръ съ чиновникомъ. И отъ разговора и отъ вина Запасовъ въ возбужденномъ состояніи.

— Ну, что же. Безъ нихъ, слава Богу, обходился и обойдусь,—говорилъ онъ здѣсь сидѣвшему туристу. — Меня на Новой Землѣ знаютъ. Въ случаѣ чего ни одинъ самоѣдъ мнѣ не откажетъ муки дать. Мы съ женой сколько ужъ лѣтъ тутъ промышляемъ, товарищемъ она со мною.

Слово „товарищемъ" онъ произнесъ съ какимъ-то особеннымъ внутреннимъ выраженіемъ. Должно быть, она была ему, дѣйствительно, вѣрнымъ товарищемъ.

— Чиновникъ говоритъ: если я шкуры буду продавать не черезъ него, то провизіи не будутъ доставлять. Ну, и не надо.

Жена молча, внимательно слушаетъ.

Видимо, она когда-то была красива, да и теперь у нея интересное живое лицо.

Рядомъ въ сосѣднемъ помѣщеніи у Запасова сложены шкуры бѣлыхъ медвѣдей, оленей, тутъ же лежитъ множество убитыхъ дикихъ гусей. Мы идемъ смотрѣть шкуры. Запасовъ бодръ и энергиченъ.

Пора ѣхать на пароходъ. Теперь ночь, но такъ какъ по временамъ сквозь облака проглядываетъ солнце, то кажется, что еще рано.

Вѣтеръ усилился, и стало еще холоднѣе.

Я, Запасовъ и еще нѣсколько туристовъ садимся въ карбасъ. Чѣмъ дальше карбасъ уходитъ отъ берега, тѣмъ вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе. Насъ проноситъ мимо парохода и несетъ вѣтромъ дальше и дальше.

Пароходъ быстро уменьшается въ размѣрахъ, чуть видны на палубѣ люди. Оттуда слѣдятъ за нами. На самомъ носу парохода женская фигура - это жена буфетчика, у насъ въ карбасѣ ея дочка. Дочка буфетчика начинаетъ плакать. Всѣ, кто можетъ, гребутъ изо всѣхъ силъ: гребетъ монахъ, только что вернувшійся съ похоронъ, гребетъ англичанинъ; радуясь, что, наконецъ-то, нашелъ себѣ дѣло, гребетъ пьяный рабочій съ парохода, тотъ самый рабочій, который мѣшалъ служить монаху во время отпѣванія, но ничего не помогаетъ: сильнымъ вѣтромъ насъ относитъ все дальше и дальше. Опасности нѣтъ, въ крайнемъ случаѣ мы повернемъ къ берегу.

Наконецъ, дѣло пошло какъ будто на ладъ, и мы стали приближаться къ пароходу.

— Сойдите съ носа карбаса!—командуетъ Запасовъ, сидящій на рулѣ.—А то парусите очень!

Временно вѣтеръ сталъ тише, и мы съ большимъ трудомъ подплываемъ къ пароходу; съ палубы намъ бросаютъ веревку, и черезъ минуту мы грѣемся въ теплой каютѣ, и тутъ я вспоминаю, что, когда мы боролись съ вѣтромъ, далеко у берега я видѣлъ лодку съ двумя гребцами.

Два туриста такъ же, какъ и мы, не могли причалить къ трапу и направились прямо къ берегу.

За бортомъ на водѣ опять крики.

Всѣ бросаются на палубу. Еще два туриста не могутъ попасть на пароходъ.

— Веревку бросьте!—кричатъ они. Но пока бросали веревку, они уже далеко: ихъ крошечную промысловую шлюпку „пашку“ относитъ все дальше и дальше. Съ „Савватія“ спустили катеръ и пошли къ нимъ на помощь.

Намъ видно, какъ катеръ съ „Савватія“ взялъ на буксиръ „пашку“, и теперь вѣтромъ понесло всѣхъ вмѣстѣ дальше

и дальше. Они поворачиваютъ къ берегу и берегомъ, забирая много выше парохода, подплываютъ къ трапу.

На другой день штормъ рвалъ и металъ во всю. Сообщеніе съ берегомъ было крайне затруднительно, а нужно было грузиться, чтобъ ночью выйти въ океанъ.

Теперь намъ предстоитъ обратный путь въ Архангельскъ.

— Ну, и трепанетъ же насъ сегодня ночью въ океанѣ,— говоритъ одинъ изъ туристовъ.—Тутъ, въ закрытомъ мѣстѣ, Богъ знаетъ что дѣлается, а что же тамъ въ океанѣ.

Въ снастяхъ свиститъ вѣтеръ. — На палубѣ скандалъ: пьяный Запасовъ ударилъ промышленника Михайлу бутылкой по головѣ.

— Шлюпки крѣпи, — слышенъ голосъ капитана, — а то какъ разъ волной унесетъ. Рога-то оленьи хорошенько привяжи, кабы не смыло.

Видимо, и капитанъ готовится къ шторму. — Только бы изъ губы выбраться,—говоритъ онъ,—а если и покачаетъ въ океанѣ, то это ничего, въ океанѣ мягко.

Послѣдній свистокъ. Въ бинокль видны двѣ спящія, пьяныя фигуры на берегу, это—промышленники Запасовъ и Смѣтанинъ.

Фигуры моментально вскакиваютъ и начинаютъ стрѣлять въ воздухъ. У насъ на палубѣ безпрерывная стрѣльба.

Настасья Запасова съ внучкой Оленькой уѣзжаетъ на два мѣсяца въ Архангельскъ. Настасья стоитъ на палубѣ и махаетъ мужу платкомъ.

— Имъ два ведра водки на берегу оставили,—говорю я ей,—давно они водки не видали, какъ бы не опились.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она. — Мой-то не задоренъ пить. Выпьетъ до „не хочу“ и шабашъ, а вотъ другой—задорно пьетъ и въ самомъ дѣлѣ какъ бы не опился.

Многіе туристы, въ ожиданіи большого перехода черезъ океанъ, не спятъ уже цѣлыя сутки, чтобъ спать потомъ— во время шторма.

Въ общей каютѣ небольшая компанія доигрываетъ пульку,

чтобъ потомъ немедленно, лишь только начнется настоящая качка, разойтись по каютамъ и уснуть.

— Вы сегодня спать въ общей каютѣ не ложитесь,—говоритъ мнѣ одинъ изъ туристовъ,—васъ качкой съ дивана сброситъ. Ложитесь на койку въ каютѣ.

Приходится послѣдовать этому совѣту. Я ложусь и быстро засыпаю.

— Василій Васильевичъ! Василій Васильевичъ!—будитъ меня капитанъ.—Вставайте. Опять ледяными полями идемъ. Мимо какой красивой ледяной горы прошли! Да мнѣ будить васъ жалко было.

Качки не было.

— А что же штормъ?—спрашиваю я.

— Да это только въ губѣ былъ береговой стокъ, а въ океанѣ тихо,—отвѣчаетъ капитанъ.

Пароходъ идетъ мимо ледяныхъ полей. На палубѣ ни души, всѣ спятъ по своимъ каютамъ.

На другой день былъ штиль. Пароходъ шелъ среди безпредѣльнаго круга океана и неба, береговъ было не видно. На небѣ сіяло солнце.

На палубѣ шли разныя, хозяйственныя работы. Въ одной изъ шлюпокъ была налита вода, и въ нее по очереди таскали мыть бѣлыхъ медвѣжатъ. Медвѣжата ревѣли и рычали немилосердно.

— Господа! Медвѣженокъ сорвался! Ружья берите!—кричитъ чей-то голосъ:—сейчасъ онъ въ океанъ спрыгнетъ!

Всѣ бѣгутъ на палубу. Оказывается, медвѣженка уже поймалъ штурманъ.

Другой медвѣженокъ оборвалъ цѣпь и потихоньку отправился къ бочкѣ съ солониной, выбралъ самый лучшій кусокъ и собирался было уже завтракать, когда у него отняли краденое. Потомъ онъ долго облизывался и нюхалъ воздухъ.

Во время обратнаго перехода въ Архангельскъ въ океанѣ было тихо. Иногда спускался туманъ, но мы шли полнымъ ходомъ, не боясь столкнуться съ какимъ-нибудь другимъ

судномъ. Въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ суда рѣдки, и намъ на нашемъ пути попался только одинъ англійскій траулеръ.

Когда горизонтъ былъ открытъ, проходили вдалекѣ стада китовъ, иногда виднѣлись плавающіе тюлени.

На палубѣ сидитъ Настасья Запасова.

— Страшно было, — спрашиваю я ее,—когда вы съ Печеры на Новую Землю въ карбасѣ океаномъ шли?

— Страшно!—отвѣчаетъ она.—Особенно по второму разу! По первому разу мы вшестеромъ по компасу шли. Оленье сало съ нами было. Грѣтымъ оленьимъ саломъ питались. А по второму разу насъ трое было, безъ компаса шли. До Вайгача черезъ океанъ 30 верстъ въ ясную погоду перебѣжали. Иногда гребли, иногда парусомъ шли. Хлѣба крохи не было, все мясо ѣли, а потомъ и мясо кончилось, оленя не было. Травкой питались 3 дня; травка кислая такая. Чуть было не погинули. Теперь въ Мелкой губѣ зимуемъ. Очень со старикомъ за внучку боимся: какъ бы не оцынжала. Живемъ безъ товарищей. Оленькѣ скучно, поиграть не съ кѣмъ. Другой разъ придетъ ко мнѣ, скажетъ: „Бабушка, поиграй со мной". Ну, я съ ней и поиграю. Она книжки читаетъ—сказки. Мужъ-то на Русь не ходитъ, вотъ мы съ Оленькой собрались въ Архангельскъ, а къ осени вернемся; опять на промыслы съ мужемъ поѣдемъ. Я стрѣлять не стрѣляю, только гребу. Я гребу, а онъ звѣря стрѣляетъ.

Въ Бѣломъ морѣ стояли густые туманы, итти во время тумановъ было рискованно, и приходилось отстаиваться.

Кругомъ парохода бѣлая пелена, каждыя три минуты слышенъ свистокъ, гдѣ-то поблизости звонитъ колоколъ на суднѣ, слышны свистки другого парохода.

Стоять скучно и не интересно. Лишь только вѣтеръ проносилъ туманъ, нашъ пароходъ пускался въ путь, а потомъ бѣлая пелена опять спускалась надъ моремъ, и опять приходилось стоять.

И во время стоянокъ еще ярче вставали передъ глазами тѣ таинственныя, волшебныя страны, изъ которыхъ мы

только что ушли. Страны эти богаты звѣремъ, рыбой и металлами. Сейчасъ въ Пропащей губѣ, на югѣ Новой Земли начата разработка богатой мѣдной руды. Говорятъ, что есть на Новой Землѣ серебро и платина.

Новая Земля, лежащая на морскомъ пути въ Сибирскія рѣки, теперь, когда открытъ этотъ путь, получаетъ особенное значеніе, какъ опорный пунктъ этого сообщенія.

Самоѣдская сказка о смерти, которую разсказалъ священникъ, особенно подходитъ къ этимъ странамъ. Тамъ „человѣкъ постоянно подъ смертью находится", какъ сказалъ тотъ молодой парень, который съ голоду хотѣлъ съѣсть собаку. Но странно, что-то влечетъ человѣка въ эти области: однихъ влечетъ заработокъ—надежда на удачные звѣриные промыслы, а другихъ изслѣдователей — та очаровательная таинственность, загадочность и безконечная красота этихъ мѣстъ.

Одинъ мой знакомый переживалъ когда-то тяжелую душевную драму. Не зная, куда себя дѣвать, онъ отправился на Новую Землю, не безъ мысли, что тамъ, въ опасностяхъ полярной экспедиціи, онъ, быть-можетъ, найдетъ естественный конецъ своей тяжелой жизни. Но случилось обратное: онъ увлекся полярными странами, совершенно переродился душевно, совершилъ туда рядъ экспедицій, сталъ извѣстнымъ путешественниковъ, имя его записано въ исторіи полярныхъ странъ.—Теперь онъ, быть-можетъ, тамъ погибъ, отъ него давнымъ-давно нѣтъ извѣстій. И если онъ погибъ, то погибъ онъ, бодрый, любя жизнь. любя эти волшебныя страны, конечно, и тутъ торжествуетъ герой этой сказки— смерть, но еще больше торжествуетъ другое: человѣческая энергія, предпріимчивость, любовь къ знанію, которыя не боятся смерти и смѣло плывутъ туда — въ эту неизвѣданную таинственность.

А вотъ и Архангельскъ! Гремятъ извозчичьи пролетки по мостовой. Ударяютъ къ обѣднѣ, идутъ кухарки на рынокъ. Я проѣзжаю мимо бѣлаго дома съ синей вывѣской, на которой значится:

„Трактиръ Югъ съ виноградными винами, безъ казенныхъ винъ и водочныхъ издѣлій". Все это реальное, а то, что пришлось видѣть тамъ, въ далекихъ полярныхъ странахъ, до того не похоже на то, къ чему привыкли мы, что кажется чѣмъ-то волшебнымъ и фантастическимъ.

И теперь, когда я ѣду на извозчикѣ по тряской мостовой, мнѣ кажется, что странъ этихъ совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, что тамъ я совсѣмъ не былъ, и что я все это видѣлъ только во снѣ.

ХУДОЖНИКЪ САМОѢДЪ ТЫКО ВЫЛКА

I

Осенью 1910 года, какъ-то утромъ пришли ко мнѣ два незнакомыхъ человѣка: одинъ высокій, блондинъ, свѣжій, энергичный, живой, другой низенькій, коренастый, съ лицомъ монгольскаго типа. Это были: начальникъ новоземельской экспедиціи, обошедшей лѣтомъ 1910 года сѣверный островъ Новой Земли, Владимиръ Александровичъ Русановъ *), другой самоѣдъ **) Тыко Вылка.

Тыко Вылка пріѣхалъ въ Москву учиться живописи. Онъ никогда не видалъ города, и вся его прежняя жизнь проходила среди сѣверныхъ ледяныхъ пустынь Новой Земли.

Пока мы разговариваемъ съ Русановымъ, обсуждаемъ планъ жизни и обученія Тыко Вылки въ Москвѣ, онъ самымъ благовоспитаннымъ образомъ пьетъ чай; его манера держать себя совсѣмъ не показываетъ, что это дикарь. Одѣтъ онъ въ пиджакъ, отъ него пахнетъ новыми сапогами и только когда онъ ходитъ, то стучитъ по полу ногами, какъ лошадь на театральной сценѣ. Ему приходилось въ своей жизни больше ходить по камнямъ, по снѣгу, по ледникамъ, чѣмъ по полу.

---

*) В. А. Русановъ послѣ экспедиціи на Шпицбергенъ лѣтомъ 1912 г. ушелъ по направленію острововъ Уединенія. Съ тѣхъ поръ о немъ нѣтъ извѣстій.

**) Тыко,—языческое имя Вылки, его христіанское имя Илья.

— Онъ читаетъ книгу природы, — говоритъ мнѣ Русановъ—такъ же, какъ мы съ вами читаемъ книги и газеты; въ экспедиціяхъ онъ незамѣнимъ какъ помощникъ и проводникъ; это „живая карта Новой Земли". Человѣкъ онъ смѣлый, отважный, рѣшительный; отличный охотникъ—бьетъ гуся пулей на лету.

Было рѣшено, что онъ будетъ учиться живописи у меня и у А. Е. Архипова, и кромѣ того рѣшили мы съ Русановымъ достать Вылкѣ учителей русскаго языка, географіи, топографической съемки и ариѳметики — конечно безплатныхъ.

Вечеромъ этого дня я уѣхалъ на засѣданіе, Вылка остался ночевать у меня въ мастерской на диванѣ. Засѣданіе кончилось рано, я возвращался домой. Подъѣзжая къ своему переулку, я увидѣлъ на дворѣ, противъ того дома, гдѣ я жилъ, пожаръ. Пожаръ уже кончался, ярко догоралъ дровяной сарай.

Въ моей мастерской на диванѣ, свернувшись калачикомъ, лежалъ Тыко Вылка. Онъ не спалъ. Рядомъ съ диваномъ лежали его вещи, связанныя предусмотрительно въ узелокъ, на тотъ случай, если бы домъ, гдѣ онъ былъ, загорѣлся.

На улицѣ играли сигнальные рожки пожарныхъ, гремѣли проѣзжающія пожарныя трубы и вся мастерская была освѣщена зловѣщимъ краснымъ заревомъ пожара.

— Ну, что? Страшно?—спрашиваю я Вылку.

— Страшно! У насъ на Новой Землѣ этого не бываетъ!.

II

Вылка живетъ въ Москвѣ. Онъ быстро освоился съ трамваями, ѣздитъ на уроки и много работаетъ. Московская жизнь его очень интересуетъ.

— Сто такое? Селовѣкъ (человѣкъ) съ мѣскомъ (мѣшкомъ) ходитъ по улицѣ, глядитъ на окна и криситъ (кри-

читъ)? Сто такое? — спрашиваетъ меня Вылка какъ - то утромъ.

— Это татаринъ продаетъ и покупаетъ старое платье.

— Сегодня опять на улицѣ купецъ кричалъ,—говоритъ мнѣ на другой день Вылка,—и на другой улицѣ тоже кричалъ.

— А сто (что) такой сарай большой, поросній (порожній) длинный, каменный?

— Гдѣ?

— А противъ Универсисететъ!

— Это манежъ.

— А сто такое больсая, больсая труба стеклянная, — въ ней купцы торгуютъ.

— Гдѣ ты это видѣлъ?

— А околъ Кузнецкій мостъ, околъ театръ.

Я догадываюсь, что это пассажъ.

Но рядомъ съ впечатлѣніями отъ новой, загадочной, любопытной для него московской жизни живутъ у Вылки въ душѣ впечатлѣнія родины. Иногда онъ, видимо, скучаетъ, тогда онъ рисуетъ избу своего отца, рисуетъ снѣговыя горы за избой, красный кирпичъ, сложенный у крыльца, отца и брата.

Мнѣ слышны въ сосѣдней съ моей мастерской комнатѣ, гдѣ работаетъ Вылка, странные, тягучіе, печальные звуки,— это Вылка, заработой поетъ самоѣдскія пѣсни: пѣснь войны, пѣснь охоты, пѣснь смерти; эти необычные звуки переносятъ своей своеобразной тягучестью въ далекія снѣговыя пустыни, въ безконечныя полярныя ночи, эти звуки тоски прекрасны и музыкальны.

Во снѣ онъ часто видитъ стараго отца, братьевъ, и должно быть, у него самого мелькаетъ мысль о смерти: доживетъ ли онъ — Вылка до возвращенія на Новую Землю, и ему ночью снятся сны, которые онъ мнѣ разсказываетъ потомъ по утрамъ.

— Видѣлъ во. снѣ что самъ померъ — испугался, жалко стало. Вижу, по лѣстницѣ народъ на небо лѣзетъ: началь-

ники лѣзутъ, дѣти лѣзутъ, бабы лѣзутъ, долѣзъ и я до верху, а мнѣ и говорятъ:—„куда лѣзешь, ты еще не померъ, послѣ полѣзешь“. Я обрадовался, назадъ полѣзъ, насилу до земли добрался, народъ шибко лѣзетъ—не пускаетъ. Очень радъ былъ, что не померъ.

Онъ откуда-то досталъ маленькую металлическую дудку и старается наигрывать на ней свои самоѣдскіе мотивы.

Онъ страстный любитель музыки и съ величайшимъ удовольствіемъ ходитъ въ оперу и на концерты. Драматическаго театра онъ не признаетъ. Въ Архангельскѣ Вылка видѣлъ „Дядю Ваню“; пьеса ему не понравилась, единственное мѣсто въ пьесѣ, на которое онъ обратилъ вниманіе—это стрѣльба, стрѣльба ему понравилась.

III

Проходитъ зима... Вылка совершенно освоился съ московской жизнью. Онъ усердно занимается живописью, науками. Учителя имъ довольны. Онъ прошелъ четыре правила ариѳметики, познакомился съ географіей, изучаетъ русскій языкъ, топографическую съемку, набивку чучелъ. Когда онъ приходитъ на урокъ географіи, а учительницы еще нѣтъ, онъ ложится на ея постель и сладко засыпаетъ, и она, возвращаясь, находитъ Вылку спящимъ сномъ ребенка на своей чистой, бѣлой подушкѣ.

Ему страстно хочется походить на европейца, онъ сшилъ себѣ модный пиджакъ, носитъ высокіе крахмальные воротнички, пестрый галстукъ, завелъ себѣ плащъ. Архиповъ подарилъ ему котелокъ, въ рукахъ у Вылки тросточка. Въ этомъ нарядѣ Вылка по воскресеньямъ важно гуляетъ по Сухаревской площади и разсматриваетъ старинныя вещи.

Онъ часто ходитъ въ Третьяковскую галлерею и теперь ему все больше и больше нравятся тѣ картины, которыхъ онъ раньше не понималъ.

Онъ купилъ себѣ игрушечный пистолетъ и пробкой стрѣ-

ляетъ мухъ у себя въ комнатѣ, этимъ онъ удовлетворяетъ свой охотничій инстинктъ. Мухъ онъ раньше называлъ птичками, ибо на самоѣдскомъ языкѣ слово „муха“ нѣтъ, потому что нѣтъ мухъ на Новой Землѣ. И только тутъ, въ Москвѣ, онъ узналъ, что есть насѣкомыя, которыя называются мухами.

Онъ былъ какъ-то на Воробьевыхъ горахъ и застрѣлилъ тамъ воробья. Въ одной газетѣ было сообщено, что онъ тутъ же съѣлъ его вмѣстѣ съ перьями. Когда я сообщилъ объ этомъ Вылкѣ, онъ очень негодовалъ на это невѣрное сообщеніе.

— Я его не ѣлъ! Я его домой принесъ и на дворѣ бросилъ!

IV

Пришла весна. Пора ѣхать въ Архангельскъ, а потомъ дальше, на Новую Землю. Курсъ ученья Вылки въ этомъ году оконченъ. Ему не хочется уѣзжать изъ Москвы.

— Люди хорошіе здѣсь въ Москвѣ,—говоритъ онъ мнѣ,—очень хорошіе, добрые! Ты мнѣ какъ отецъ былъ, заботился, и хозяйка, гдѣ я жилъ въ комнатѣ, заботилась, и учителя заботились и учительницы заботились. Къ Москвѣ теперь привыкъ, все здѣсь знаю, какъ на Новой Землѣ. Театръ люблю, музыку люблю, кинематографъ люблю.

V

Вылка несомнѣнно талантливый человѣкъ. Онъ не только талантливый художникъ, онъ талантливъ вообще. У него хорошій музыкальный слухъ и память. Онъ знаетъ массу самоѣдскихъ сказокъ. Интересуется механикой. Умѣетъ управлять бензиннымъ моторомъ на лодкѣ и знаетъ его механизмъ. Очень интересуется электричествомъ и разъ, когда

никого не было въ комнатѣ, развинтилъ горящую электрическую лампочку. Онъ знаетъ жизнь птицъ и звѣрей на Новой Землѣ, и знаетъ это не изъ книгъ, а по собственнымъ наблюденіямъ; онъ интересуется ботаникой, въ экспедиціяхъ познакомился съ геологіей и знаетъ названія камней. За экспедицію 1910 г. Вылка получилъ золотую медаль. (Обходъ кругомъ сѣверной части Новой Земли). Лѣтомъ 1911 года И. Вылка въ экспедиціи В. А. Русанова обошелъ кругомъ южную часть Новой Земли.

Онъ чутокъ и наблюдателенъ и всегда сумѣетъ тонко подмѣтить свойства и характеръ того человѣка, съ которымъ имѣетъ дѣло, и часто наблюдая его, это дитя природы, я видѣлъ, что онъ помалкиваетъ, замѣчаетъ и мотаетъ кой-что себѣ на усъ. Въ его опредѣленіяхъ нашей жизни было всегда много юмора и наблюдательности. Какъ-то Вылка былъ въ магазинѣ Мюръ и Мерилизъ.

— Понравился тебѣ магазинъ?

— Птичій базаръ!—отвѣчаетъ Вылка, при чемъ его монгольскій глазокъ иронически прищуривается. Птичьимъ базаромъ въ полярныхъ странахъ называютъ скалы, гдѣ гнѣздятся тысячи птицъ и шумъ отъ голосовъ этихъ птицъ слышенъ за семь верстъ.

— У васъ въ одномъ трамваѣ больше народу, чѣмъ у насъ въ цѣломъ становищѣ, — говоритъ Вылка, когда его спрашиваютъ о густотѣ населенія Новой Земли.

Этотъ „дикарь“ обладаетъ большимъ запасомъ душевной деликатности. Какъ-то въ одномъ домашнемъ концертѣ, Вылка, сидя важно въ первомъ ряду, внимательно слушалъ музыку и пѣніе. Началъ читать комическіе разсказы Чехова извѣстный актеръ. Вдругъ Вылка быстро всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Ты что это? почему ушелъ и не слушаешь?—спрашиваю я его.

— Да толстый музыкъ (мужикъ) очень смѣсно читаетъ, я сталъ смѣяться, а потомъ вздумалъ, какъ бы толстый музыкъ не обидился, я и ушелъ.

VI

Какая судьба ждетъ этого талантливаго человѣка? Возможно ли совмѣстить такія двѣ крайности, какъ европейскій складъ жизни, со всѣми ея знаніями, удовольствіями, ядомъ волненій и впечатлѣній съ жизнью въ далекихъ полярныхъ пустыняхъ, гдѣ ночь тянется три мѣсяца при свѣтѣ сѣверныхъ сіяній, гдѣ иногда дуетъ „стокъ" при 50-тиградусномъ морозѣ и камни летятъ по воздуху отъ вѣтра, гдѣ тюлени выходятъ на берегъ послушать, если кто поетъ пѣсню на берегу, такъ любятъ они музыку, и по ночамъ перекликаются во тьмѣ человѣческими голосами; человѣческими голосами кричатъ и плачутъ, когда ихъ убиваютъ самоѣды-охотники; гдѣ природа цѣльная, гармоническая и не тронутая, какъ въ первые дни мірозданія; гдѣ маленькая горсть людей отрѣзана отъ всего міра въ теченіе 9 мѣсяцевъ; гдѣ почти нѣтъ инфекціонныхъ болѣзней; гдѣ люди, благодаря чистому полярному воздуху, живутъ долго-долго на бѣломъ свѣтѣ.

Архангельскій губернаторъ, Иванъ Васильевичъ Сосновскій, принялъ живое и горячее участіе въ судьбѣ Вылки; благодаря ему Вылка могъ учиться въ Москвѣ цѣлую зиму 1910 - 11 года, не зная матеріальныхъ заботъ.

VII

Зиму 1911—12 года Илья Вылка провелъ на Новой Землѣ, онъ былъ долженъ использовать тѣ знанія, которыя получилъ въ Москвѣ. Онъ долженъ былъ заниматься живописью, собрать зоологическія и ботаническія коллекціи, а потомъ опять вернуться въ Москву и снова продолжать свое образованіе. Но его жизнь сложилась иначе. Осенью 1911 года по возвращеніи Вылки изъ Москвы на Новую Землю, я получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія: „Его Высокородіе Василій Васильевичъ. Дорогой мой пріятель! Ты училъ меня, очень помню тебя. Жилъ съ тобой, жилъ

дружно. Желаю тебѣ быть здоровымъ, когда-нибудь еще пріѣду къ вамъ въ Москву. Я ѣздилъ по Карскому морю, по Ледовитому океану.

Когда я пришелъ на Новую Землю, мнѣ показалось скучно. Туманъ, холодно. Плывутъ снѣга въ горахъ. Отецъ, братья всѣ живы. Одинъ двоюродный братъ застрѣлился— попалъ патронъ на огонь и убилъ его. Жена, дѣти остались,—были всѣ дѣвушки и мать."

Илья Вылка женился на вдовѣ своего двоюроднаго брата, и это кореннымъ образомъ измѣнило его жизнь, теперь онъ не можетъ пріѣхать опять учиться въ Москву—нѣтъ средствъ, нужно кормить семью.

Женился онъ на вдовѣ потому, что рѣшительно некому было кормить вдову и ея шестерыхъ дѣтей. Теперь онъ занятъ звѣриными промыслами, но успѣваетъ заниматься живописью, что видно изъ присланныхъ имъ въ Москву работъ. Онъ прислалъ осенью 1912 года Зоологическому музею Императорскаго Московскаго Университета коллекцію убитыхъ имъ птицъ на Новой Землѣ, а также прислалъ въ Москву собранные тамъ гербаріи.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сообщаетъ мнѣ, что зимой дѣлится своими знаніями съ самоѣдами.

„Теперь я очень много понялъ", пишетъ онъ.

„Такъ какъ образованный,—зимой много разсказываю о всемъ земномъ шарѣ, все разсказываю про Москву, какъ живутъ культурные люди".

А ему самому теперь многаго недостаетъ въ его теперешней жизни.

Какъ-то уходилъ въ сентябрѣ послѣдній пароходъ съ Новой Земли; и до іюля слѣдующаго года прерывалось сообщеніе со всѣмъ міромъ, съ пароходомъ уѣзжали русскіе, знакомые Вылки. Глаза Вылки были полны слезъ и послѣднія его слова были:

„Эту зиму Вылка не пойдетъ слушать музыку въ оперѣ."

СОДЕРЖАНІЕ.

Ив. Бѣлоусовъ. Атава. Стихотворенія. М. 1915 г. Ц. 1 р.
В. Вересаевъ. Разсказы. т. I, II, III, IV и V по 1 р. 25 к.
— На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
— Живая жизнь, ч. I. (Толстой и Достоевскій.) Ц. 1 р. 25 к.; ч. II (Аполлонъ и Діонисъ). Ц. 1 р. 50 к.
И. Гольдбергъ. Тунгузскіе разсказы. М. 1914 г. Ц. 80 к.
М. Горькій. „Сказки". М. 1913 г. Ц. 85 к.
Діонео. Мѣняющаяся Англія. Ч. I. М. 1915 г. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. То же, ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
С. Елпатьевскій. Разсказы. т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. II, изд. 2-е. М. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Разсказы, т. III. изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
— За границей (т. IV). Ц. 1 р. 50 к.
— Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.
— Близкія тѣни. Съ иллюстр. Ц. 1 р.
— Крымскіе очерки, съ илл. Изд. 2-е. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Литературныя воспоминанія, съ иллюстр. Ц. 1 р.
Бор. Зайцевъ. Земная печаль. (Разсказы, т. VI.) Ц. 1 р. 50 к.
— Разсказы. т. I. Ц. 75 к., т. II.—1 р. 25 к. т. III—1 р. 50 к. т. IV 1 р. 50 к.; т. V ц. 2 р.
А. Кипенъ. Господская жизнь. (Разсказы т. II). Ц. 1 р. 25 к.
— Бирючій Островъ. Разсказы т. I. Ц. 1 р. 50 к.
Ив. Касаткинъ. Лѣсная быль. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
М. Коцюбинскій. Тѣни забытыхъ предковъ. Ц. 1 р. 25 к.
Ѳ. Крюковъ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Николай Мѣшковъ. Стихотворенія. М. 1914 г. Ц. 1 р.
Н. Никандровъ. Береговой вѣтеръ. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Иванъ Новиковъ. Крестъ на могилѣ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
А. Серафимовичъ. Снѣжная пустыня. (Разск., т. I.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Лихорадка. (Разсказы т. II.) Ц. 1 р. 65к.
— Разсказы т. III. Ц. 1 р. Изд. „Знаніе".
— На рѣкѣ. (Разсказы, т. IV.) Ц. 1 р. 25 к.
— Со звѣрями. (Разсказы, т. V.) Ц. 1 р. 25 к.
— Городъ въ степи. (Ром. т. VI). Ц. 1 р. 50 к.
— Затерянные огни (т. VII.) Ц. 1 р. 65 к.
— Сухое море. (Разсказы, т. VIII.) 1 р. 25 к.
— Клубокъ (т. IX.) Ц. 1 р. 60 к.
С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:
— Т. I. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разсказы, изд. 3-е Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. V. Движеніе. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VI. Медвѣжонокъ. Приставъ Дерябинъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. VII. Наклонная Елена. Ц. 1 р. 35 к.
И. Сургучевъ. Осеннія скрипки. (Разсказы, т. III.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

И. Сургучевъ. Сосѣдка (т. I). Ц. 1 р. 50 к.
— Мльница(т. VI) Ц. Печатается.
Рабиндранатъ Тагоръ Гитанджали. Изд. 3-е Ц. 50 к.
Н. Телешов .Разсказы, т. I. Ц. 1 р.
— Черною ночью. (Разсказы, т. II.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Золотая осень. (Разсказы, т. III.) Ц. 1 р. 25 к.
Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.
— Сергѣй Шумовъ. Разсказы. Т. I. Изд. 3 е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Корни жизни (Разск. т. III), изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IV. Изд. 2-е.Ц. 1 р. 50 к.
— Т. V, VI и VII. по Ц. 1 р. 25 к.
— Въ дворянской берлогѣ. (Разск. т. VIII). Ц. 1 р. 25 к.
— Золотой боръ. (т. IX). Ц. 1 р. 50 к.
— Передъ жизнью. (т. X). Ц. 1 р. 25 к.
— Женихъ. Разсказы т. XI. Ц. 1 р. 50 к.
К. Треневъ. Владыка. Разсказы. Изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
— его же. Мокрая балка (т. II.) Ц. 1 р. 50.
Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:
— Т. I. Заволожье. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. III. Разсказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.
— Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.
— Т. V. Хромой баринъ, ром. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. VI. На войнѣ. Изд. 2-е Ц. 2 р.
— Т. VII. Приключенія Растегина М. 1915 г. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 60 к.
— Т. VIII. Земныя сокровища (Двѣ жизни) ром. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. IX. Искры. Ц. 1 р. 50 к.
А. П. Чеховъ. Письма, съ иллюстр., т. I (1876—1887 гг.). Изд. 2-е. Ц. 2 р.
— Письма, т. II (1888—1889 гг.) Ц. 1 р. 50 к.
— Письма, т. III. (1890—1891 гг.). 2-е изд. Ц. 2 р.
— Письма, т. IV. (1892—1896 гг.). Ц 2 р.
— Письма, т. V. (1897—1899 гг. Ц. 2 р.
— Письма, т. VI. (1900—1904 гг.). Ц. р. 25 к.
А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.
Ив. Шмелевъ. Распадъ. (Разсказы, т. I.) Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Разсказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана.) Изд. 2о-е. Ц. 1 р. 75 к.
— Разсказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчій перекатъ. (Разск., т. V.) М. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Карусель. (Разсказы. Т. VI.) М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Суровые дни, т. VII. Ц. 1 р. 50 к.
Г. Яблочковъ. Разсказы, т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.
— Слѣпая душа. Разсказы, т. II. М. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна 4 руб.

Цѣна 2 р. 50 к.

2007335700